

САРАТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ДУМА

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

САРАТОВСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ РОССИИ

САРАТОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ
МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ, ОБЩЕСТВЕННЫМИ
ОРГАНИЗАЦИЯМИ И СМИ**

Материалы VI Международной научно-практической
конференции аспирантов, преподавателей, практических
работников

(1–2 июля 2013 г.)

Выпуск 6

Саратов 2013

УДК [34:316.48] (082)
ББК 60.56 я 43
П 49

П 49 **Политико-правовые технологии разрешения конфликтных ситуаций между властью, общественными организациями и СМИ** : материалы VI Международной научно-практической конференции аспирантов, преподавателей, практических работников. Выпуск 6. – Саратов : Издательство «Саратовский источник», 2013. – 220с.

ISBN 978-5-91879-365-7

В предлагаемых статьях сборника исследуются многообразные аспекты разрешения конфликтных ситуаций и согласования интересов власти, общества и средств массовой информации с применением различных политико-правовых технологий.

Для юристов, политологов, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов.

Редакционная коллегия:

Г. Н. Комкова, д-р юрид. наук (отв. редактор);
Е. А. Крючкова, канд. юрид. наук (зам. отв. редактора);
С. А. Овсянников, канд. юрид. наук; *А. А. Вилков*, д-р полит. наук;
В. Н. Хрусталеv, д-р юрид. наук; *О. Ю. Голуб*, д-р социол. наук;
Т. В. Синюкова, канд. юрид. наук; *Ф. А. Вестов*, канд. юрид. наук;
Е. Н. Тогузаева, канд. юрид. наук; *О. Ю. Апарина*, канд. истор. наук.

УДК [34:316.48] (082)
ББК 60.56 я 43

ISBN 978-5-91879-365-7

© Коллектив авторов, 2013.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник научных статей включает материалы выступлений авторов на Международной научно-практической конференции «Политико-правовые технологии разрешения конфликтных ситуаций между властью, общественными организациями и СМИ», проходившей 1 - 2 июля 2013 г. в Саратове.

Имеющиеся противоречия между властью, средствами массовой информации и обществом можно назвать вполне естественными в силу особенностей развития гражданского общества и социальных систем, однако нельзя с уверенностью сказать, что на современном этапе развития российского общества уже выработаны действенные механизмы разрешения споров с участием власти и СМИ. О сложности и дискуссионности заявленной темы конференции указывают наличие множества противоречивых мнений о заданной проблеме, различные факторы и условия возникновения таких конфликтов - экономические, правовые, политические и др.

Проблема поиска новых возможностей разрешения появляющихся конфликтов и согласования интересов власти, общества и средств массовой информации позволила авторам исследовать такие аспекты, как особенности и противоречия освещения информации в СМИ, природа правовых конфликтов, специфика участия различных государственных органов в их урегулировании, проблема реализации свободы массовой информации, взаимоотношения органов государственной власти и институтов гражданского общества в свете урегулирования заявленных конфликтов, влияние данных процессов на формирование общественного мнения и др.

В ходе научных дискуссий выступающими был сделан ряд выводов по усовершенствованию возможностей и процедур разрешения конфликтов между властью, обществом и СМИ, высказывались рациональные предложения по изменению взаимодействия региональных институтов власти и СМИ в России, изучению зарубежного опыта урегулирования подобных конфликтов, применению различных моделей оптимизации коммуникативного взаимодействия власти, общества и СМИ.

*Г.Н. Комкова,
д-р юрид. наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ,
декан юридического факультета
СГУ имени Н.Г. Чернышевского*

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОЦЕССЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современной политологической литературе гражданское общество стало ключевым концептом в изучении процесса демократизации. Если под демократией в основном понимается форма коллективного принятия решений, основанная на принципах общественного контроля и политического равенства, то демократизация – это процесс, ведущий к демократии, который имеет как формальное институциональное, так и неформальное, но более качественное общественное измерение.

В самом общем смысле демократизация означает процесс политических и социальных изменений, направленных на установление демократического строя и органически связанных с переходом от традиционного общества к современному. Таким образом, в определении демократизации в основном делается акцент на власти и на социальных отношениях, поэтому существования формальных демократических институтов, несмотря на то что это является необходимым условием, совсем не достаточно для того, чтобы демократия существовала. Тем не менее современная политическая теория видит наиболее надежный и методологически корректный инструмент разграничения авторитарных и демократических систем именно в формальных, процедурных аспектах функционирования общественного устройства. Однако формально-правовой подход к определению сущности политической системы соответствует скорее американской политологической традиции, которая делает акцент главным образом на избирательных процессах, что позволяет свести к минимуму субъективизм при классификации политических режимов. В европейской же традиции большее значение придается социально-экономическим параметрам системы и ее содержательным характеристикам. Следует иметь в виду не только формальные институты демократии, но и форму общественной демократии. Эти два аспекта демократического процесса аналитически различны: формальная институциональная демократизация и общественная демократизация могут как сопровождать и укреплять одна другую, так и в то же время вступать в состояние конфликта. Какой-либо процесс формальной институционализации демократии может, к примеру, быть препятствием для общественной демократизации и углубления демократических процессов. Однако, как справедливо отмечают Дж. Коэн и Э. Арато, если из «демократического оборота» «изымается непосредственное участие граждан, то практически невозможно определить, является ли государственное устройство той или иной страны демократическим или нет, поскольку утрачивается главный критерий, позволяющий отличить подлинно демократический процесс от формального ритуала, систематического манипулирования и управляемого согласия» [3, с. 28–29].

Важной задачей при исследовании процессов демократизации является определение политически релевантных акторов внутри гражданского общества. В этом контексте неполитические организации чаще всего исключаются, и причина такого исключения в том, что исследователей интересует не гражданское общество в целом, но его определенные политические аспекты, т. е. его влияние на процессы демократизации. В этом отношении политически ориентированные

группы гражданского общества, такие как организации, связывающие людей на основе каких-то интересов, группы защитников и социальные движения, имеют больше общего с политическими партиями, чем какие-либо религиозные, этнические организации, действующие внутри гражданского общества. В то же время необходимо помнить, что наиболее важной для гражданского общества является политика на местном уровне и демократизация местного самоуправления идет рука об руку с развитием гражданского общества.

Существует гипотеза о том, что гражданское общество укрепляет демократию, создавая общественный капитал. Как формальная, так и общественная демократия усиливается коллективным доверием и терпимостью граждан, которые развиваются и возникают внутри гражданского общества. Однако гражданское общество, влияя на развитие демократической политической культуры, т. е. формирование, с одной стороны, общественного капитала в виде ценностей доверия и сотрудничества, а с другой – публичной сферы, не всегда поддерживает демократию. В частности, данное состояние можно проследить на примере изменения отношения граждан к демократическим ценностям в пользу улучшения экономической составляющей их жизни. Так, при проведении автором социологического опроса один из вопросов звучал следующим образом: «Как Вы считаете, является ли демократический путь развития единственно правильным?». Было дано 4 варианта ответа: а) демократия – это лучшая форма правления; б) люди хотят не демократии, а достойной жизни; в) демократия ведет к хаосу и развалу России; г) затрудняюсь ответить. Подавляющее большинство отвечавших выбрало вариант «б» – люди хотят не демократии, а достойной жизни. Отсюда можно сделать вывод, что, во-первых, демократия потеряла определенную ценность для россиян, во-вторых, граждане не связывают или не видят связи между демократией и достойной жизнью, и в-третьих, в условиях кризиса либеральной демократии и аналоговости гражданского общества демократия, в либеральном ее понимании, является важным, но не единственным условием функционирования гражданского общества [5, с. 71–78].

Основная задача гражданского общества в процессе становления демократии заключается не в терминах достижения определенных содержательных целей, а скорее, в терминах демократизации ценностей, норм и институтов, которые в конечном счете внедряются в политическую культуру. Однако многие исследователи в области политических теорий, в том числе уже упомянутые Дж. Коэн и Э. Арато, высказывают мнение, что демократия никогда не может быть полностью институционализирована и процесс демократизации бесконечен [3, с. 73].

Таким образом, гражданское общество только тогда становится демократическим, когда в нем существует максимальная сила прямого группового участия в принятии решений, влияющих на жизнь граждан. Это неизбежно требует множественности относительно мелких демократически структурированных и основанных на участии организаций. Однако хотя исторический опыт развития демократии показывает, что она укореняется в основном там, где государственные институты и система государственного управления функционируют в питательной среде граждански активного общества, слабость гражданского общества не обязательно коррелирует со слабой нестабильной демократией. Такая демократия со слабой гражданственностью, хотя и не удовлетворяет всем критериям «идеальной» демократии, может существовать и даже вполне успешно функционировать.

Несмотря на то что российское социальное пространство является частью

социального пространства общемирового и поэтому в определенной мере гомогенно ему, оно представляется достаточно специфическим феноменом, не только не сводимым к западной демократии, но существующим как ее альтернатива. Отметим только некоторые аспекты особенностей становления гражданского общества в России. Значительная доля их связана с тем, что к гражданскому обществу переходит страна, принципиально не однородная по основным своим характеристикам. Это обстоятельство – многоукладность экономики, самый разный образ и стиль бытовой жизни, социальных связей, традиций и этнопсихологических стереотипов поведения, поликонфессиональность и полиэтничность, слабая и неравномерная горизонтальная мобильность населения при неустойчивых и слабо развитых коммуникациях и информационных потоках, особенно межрегиональных, неоднородность расселения и распределения жизнеобеспечивающих ресурсов, господство экстенсивных и ресурснорасходных форм труда и производственной деятельности и многое другое – известно, но мало изучено. К этому можно добавить еще два важных обстоятельства. Как разные регионы страны, так и разные этносы находятся на разных стадиях культурно-исторического, а следовательно, и социального развития, и для многих из них привитие отношений, свойственных гражданскому обществу, весьма проблематично.

Известно, что в отличие от стран западной демократии, которым присущ инновационный тип развития, России свойственна мобилизационная модель развития, сформировавшаяся как инструмент разрешения противоречий между потребностями государства и возможностями населения. Это противоречие всегда было основой несовпадения политических интересов и целей государства (суть которых – обеспечение безопасности и развития в условиях дефицита ресурсов) и интересов и целей хозяйственных субъектов, возможности которых не соответствуют масштабу целей государства. Подобное несовпадение интересов до сих пор является основой противоречия между государством, призванным обеспечивать задачи обороны и развития и выступающим в качестве инициатора развития, и гражданами, возможности которых недостаточны для решения поставленных государством задач. Это обуславливает приоритетную роль государства в его взаимоотношениях с обществом. Приоритет политических факторов в системе взаимоотношений государства и общества дает основание определить соответствующий тип социальной организации как политико-центричный. Исследователь Л. М. Романенко считает, что «российская модель гражданского общества, еще не оформившаяся в целостный социальный феномен, а существующая пока, главным образом, в виде прообразов или отдельных элементов, институций, структур, формируется в преимущественно восточном типе социального пространства, который, в отличие от западных социумов, базируется не на институте частной собственности, а на приоритете властных отношений над отношениями собственности» [4, с. 297].

К концу 90-х гг. XX в. в России возник позыв к тому, чтобы провести некоторую структуризацию общественного договора, и решался вопрос о том, какой тип социального контракта возникнет – вертикальный или горизонтальный. Сейчас уже вполне очевидно, что за последние годы происходит становление отношений с преобладанием вертикальных связей, спецификой которых является согласие населения пожертвовать своими правами в обмен на стабильность в политической и экономической сферах.

Определяя причины нарастания неопатерналистских тенденций в России, исследователь А. Г. Глинчикова выделяет три основных момента, препятствующих демократизации общества:

«– проблемы с обоснованием суверенитета личности и ее индивидуализацией;

– проблема интериоризации морали, осуществленной в Европе в ходе Реформации и так и не осуществленной в России;

– незавершенность процесса реальной секуляризации, т. е. превращения власти из субъекта политического процесса в инструмент реализации общественных интересов»[2].

Безусловно, на становление гражданского общества и его функциональности большое влияние оказывают такие понятия, как менталитет, нравственное состояние общества, национальная психология, которые задают некую направленность развитию гражданского общества, тогда как реальное состояние последнего корректируется актуальными условиями – внешними факторами и ресурсами самого гражданского общества. Поэтому для гражданского общества не существует эталонов, специфика гражданского общества в России определяется менталитетом населения и совокупностью особенностей корректирующих факторов.

Современный этап развития гражданского общества характеризуется заметным укреплением государственности. Эта тенденция нашла отражение в целом ряде политико-административных преобразований (консолидация центральных политико-государственных институтов, реформа федеративных отношений, административная реформа и т. п.) и ознаменовала собой отказ от прежнего типа лидерства, основанного на слабо структурированном внеинституциональном характере политического господства. Президент признавался в качестве центра принятия политических решений лишь благодаря роли арбитра в перманентном конфликте разных властных группировок.

В. В. Путиным была принята новая модель политико-административного правления, в центре которой находился уже не столько «управляемый конфликт» разных частей государственного аппарата, как при Б. Н. Ельцине, сколько система иерархического подчинения основных политико-административных институтов президентской власти. Таким образом, данная тенденция привела к интеграции на корпоративистских началах подавляющего большинства бюрократических групп интересов в единую властно-управленческую вертикаль во главе с президентом страны.

Отметим также и факт, что власть пытается включить в управленческую вертикаль массовые, не «элитные» группы интересов. Данная тенденция выразилась в создании сверху целого ряда институтов социально-политического взаимодействия (гражданские форумы, общественная палата и т. д.), целью которых является инкорпорация наиболее влиятельных общественных организаций для их использования в качестве медиаторов государства в диалоге с обществом. По сути, предполагается, что все наиболее значительные массовые группы интересов будут интегрированы в сформированную в России политико-административную вертикаль власти.

Таким образом, мы наблюдаем отход от плюралистической и возвращение к корпоративистской модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества. И хотя принципы социально-политического взаимодействия за

последнее время существенно трансформировались, качественное состояние институтов гражданского общества не претерпело значительного изменения. В настоящее время уровень развития указанных институтов в России все еще остается крайне низким в сравнении с ведущими демократическими странами мира. Данное обстоятельство определяется такими фундаментальными факторами, присущими российскому обществу, как низкий уровень социального доверия и отсутствие эффективных навыков социальной самоорганизации [1, с. 13–18].

Следует отметить и крайне низкий уровень институционализированных форм социально-политического участия граждан в деятельности политических партий, профсоюзов, общественных и религиозных организаций, органов местного самоуправления, что самым негативным образом сказывается на процессе демократизации в стране. Среди основных причин общественной и политической пассивности россиян доминируют такие, как занятость своими делами и уверенность в том, что их общественная деятельность не будет результативной. К факторам, негативно влияющим на гражданскую активность граждан, можно отнести разобщенность, отсутствие взаимопомощи и сопричастности.

Список использованной литературы:

1. Власть и народ в России : Обновление повседневных практик и варианты универсализации институционального порядка. М., 2003.
2. Глинчикова А. Г. Демократия : универсальные ценности и многообразие исторического опыта // Материалы совместного круглого стола ИФ РАН, журналов «Полис» и «Политический класс». URL : <http://www.hro.org/ngo/diskuss/sak.htm> (дата обращения : 12.04.2013).
3. Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003.
4. Романенко Л. М. Цивилизационный подход – генеральная парадигма развития современной отечественной социологии // Труды Первого Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология : новые реалии и новые идеи». СПб., 2002.
5. Шестов Н. И., Барашков Г. М. Гражданское общество и его аналоговые формы // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. 2011. Т. 2. Вып. 2.

А. В. Басова

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ

При оказании медицинской помощи часто возникают конфликтные ситуации. Они могут быть вызваны низким качеством оказания медицинских услуг, невнимательным отношением медицинского персонала, плохой организацией труда в медицинском учреждении, нехваткой лекарств, взиманием платы за медицинскую помощь.

Пациент всегда заинтересован получить максимально качественную услугу, внимание, заботливое отношение со стороны врача, но в силу разных причин это не всегда возможно. Нельзя забывать, что положение пациента в подобной ситуации осложняется болезнью, переживаниями, эмоциональной нагрузкой, стрессом, которые повышают вероятность возникновения конфликтных ситуаций. Межличностные конфликты между врачом и пациентом носят острый характер и требуют немедленного решения.

Часть конфликтов можно предупредить, если при обращении в медицин-

ское учреждение ознакомить пациента с его правами и обязанностями. Перечень прав пациента должен находиться на стенде у входа в лечебное учреждение либо ознакомление с ним должно происходить под роспись при первичном обращении к врачу. Общие права и обязанности пациента закреплены в ФЗ № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Пациент имеет право на выбор врача и медицинской организации, профилактику, диагностику, лечение и медицинскую реабилитацию в медицинских организациях в условиях, соответствующих санитарно-гигиеническим требованиям, получение консультаций врачей-специалистов, облегчение боли, связанной с заболеванием и (или) медицинским вмешательством. Ему также гарантировано право получать информацию о своих правах и обязанностях, состоянии своего здоровья, выбирать лиц, которым может быть передана информация о состоянии его здоровья, получать лечебное питание в условиях стационара. Кроме того, пациент имеет право на защиту сведений, составляющих врачебную тайну, отказ от медицинского вмешательства, возмещение вреда, причиненного здоровью при оказании ему медицинской помощи, допуск к нему адвоката или законного представителя для защиты его прав, а также священнослужителя [5, ст. 19].

В обязанности граждан входят забота о сохранении собственного здоровья и прохождение медицинских осмотров. В случае если гражданин страдает заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, он должен проходить медицинское обследование и лечение, соблюдать режим лечения в условиях стационара и в период временной нетрудоспособности, а также правила поведения пациента [5, ст.27].

Специальные права в сфере охраны здоровья граждан закреплены в ФЗ № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и иных федеральных законах [5, ст. 25, 26, 51, 54]. Это права на получение медицинской помощи для разных групп населения – семей, беременных женщин и матерей, несовершеннолетних, инвалидов, лиц, страдающих психическими расстройствами, ВИЧ-инфицированных, больных туберкулезом, военнослужащих и приравненных по медицинскому обеспечению к военнослужащим, лиц, содержащихся под стражей и отбывающих наказание в виде ограничения свободы, ареста, лишения свободы либо административного ареста.

Пациент также имеет ряд прав, закрепленных в ФЗ «О защите прав потребителей», которые возникают в случае невыполнения или ненадлежащего выполнения медицинской организацией условий договора об оказании медицинских услуг. Это право на безвозмездное устранение недостатков оказанной услуги, уменьшение цены, безвозмездное изготовление другой вещи из однородного материала того же качества, повторное выполнение работы, возмещение понесенных расходов по устранению недостатков оказанной услуги. Пациент имеет право расторгнуть договор и потребовать полного возмещения убытков [4, ст. 20].

Для профилактики конфликтов свои права и обязанности должны знать и медицинские работники. Необходимо проводить работу, направленную на повышение правовой грамотности пациентов и медицинского персонала, с учетом специфики медицинской помощи. На наш взгляд, профилактика конфликтов возможна и приоритетна, так как врача и пациента объединяет общая цель – максимальное восстановление здоровья пациента.

Если права нарушены, конфликт можно решить в досудебном порядке. Пациент вправе оставить замечание в книге обращений либо обратиться с жало-

бой к руководителю лечебного учреждения или иному должностному лицу, в свою страховую компанию, в территориальный фонд обязательного медицинского страхования, в органы управления здравоохранения региона.

Жалоба подаётся в письменной форме (устная жалоба может быть не зафиксирована) в двух экземплярах, один из которых должен быть завизирован и отдан пациенту. Можно также отправить жалобу по почте, заказным письмом с уведомлением о вручении. Срок рассмотрения жалоб – 30 дней, ответ в письменном виде направляется по месту проживания пациента.

Во многих регионах в подразделениях лечебных учреждений введена такая форма работы с пациентами, как книга обращений, которая должна храниться на видном и доступном месте и предоставляться по первому требованию. Жалобы также рассматриваются в течение 30 дней, руководитель проводит разбирательство, принимает необходимые меры в связи с нарушением или по устранению недостатков медицинской помощи, делает запись об этом в книге и высылает ответ пациенту.

Как правило, при обращении пациента в страховую компанию (телефон всегда указан на страховом полисе) или в территориальный фонд ОМС в лечебное учреждение выезжает независимый эксперт, который проводит экспертизу качества медицинской помощи. Эти организации сами заинтересованы в проверке, и вызов эксперта безвозмезден для пациента.

Органы управления здравоохранением региона должны немедленно реагировать на жалобы и устранять недостатки качества медицинской помощи.

Если на местном уровне решить проблему невозможно, пациент может обратиться в федеральные органы здравоохранения Российской Федерации – Министерство здравоохранения и социального развития РФ, Росздравнадзор (Федеральную службу по надзору в сфере здравоохранения), на официальный сайт Минздравсоцразвития.

Не следует забывать и о роли органов прокуратуры, которая определена ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» [3, ст. 1]. Органы прокуратуры отвечают за соблюдение Конституции РФ и исполнение законов, действующих на территории Российской Федерации.

В медицинской деятельности преимущественный характер носит досудебное урегулирование конфликта, в чем заинтересованы и пациент, и ЛПУ. Обычно достаточно обратиться к руководителю лечебного учреждения. В этом случае больной быстро достигает поставленной цели, а лечебное учреждение не подвергается санкциям со стороны контролирующих организаций. К персоналу применяются дисциплинарные взыскания (замечание, выговор), а пациенту повторно предоставляется медицинская помощь тем же или другим специалистом.

Судебный способ урегулирования конфликта предполагает обращение в суд с исковым заявлением. Согласно ст. 28 Гражданского процессуального кодекса РФ иск подается по месту нахождения ответчика. Но поскольку правонарушения в области здравоохранения связаны с жизнью и здоровьем пациента, то, согласно ст. 29 ГПК РФ, иск может предъявляться в суд по месту жительства истца.

Судебный способ урегулирования конфликта имеет ряд недостатков. Адвокаты неохотно берутся представлять в суде интересы пациентов, поскольку судебное разбирательство длится достаточно долго и требует медицинских знаний, которыми пациент и его представитель чаще всего не обладают. По этой причине требуется привлечение дорогостоящих специалистов, способных выявить и про-

демонстрировать суду факт нарушения врачом общепринятого порядка и стандартов оказания медицинской помощи. В качестве доказательств используются оригиналы медицинских документов, но медицинская карта больного в лечебном учреждении не шнуровывается, страницы не визируются подписью пациента, а значит, информация о здоровье истца может быть искажена. Судебное разбирательство дела влечет негативные последствия и для лечебного учреждения. Страдает репутации ЛПУ, проводятся бесконечные проверки со стороны органов управления здравоохранения, идет отток клиентов. Таким образом, разрешение конфликта требует правовых знаний. По нашему мнению, межличностные конфликты легче предупреждать, чем урегулировать. Разрешение конфликтных ситуаций в системе здравоохранения между медработником и пациентом требует временных, эмоциональных и материальных затрат. В профилактике конфликта заинтересованы и пациент, и врач, и само медицинское учреждение. Поэтому каждой стороне необходимо повышать информационно-правовой уровень в целях защиты своих прав и интересов.

Список использованной литературы:

1. *Акопов В. И.* Медицинское право в вопросах и ответах. М., 2011.
2. *Петрова И. А.* Конфликт «врач – пациент»: технологии управления и нормативное урегулирование // Портал информационной поддержки медицинских руководителей. URL : <http://www.zdrav.ru/articles/practice/detail.php?ID=85400> (дата обращения : 27.06.13).
3. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-I (ред. от 07.05.2013) // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472 ; 2013. № 19. Ст. 2329.
4. О защите прав потребителей : Федеральный закон от 7.04.1992 N 2300-I (ред. от 28.07.2012) // РГ. 1996. № 8. 16 янв. ; 2012. № 172. 30 июл.
5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 23.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 25.06.2012) // РГ. 2011. № 5639. 23 нояб. ; 2012. № 144. 27 июн.

Е. В. Бердникова

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЫ РФ В СОГЛАСОВАНИИ ИНТЕРЕСОВ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Необходимость обеспечения открытости и прозрачности деятельности органов государственной власти детерминирует проведение научных исследований в сфере общественного контроля как важнейшего условия транспарентного функционирования государственного аппарата. Закрытость системы государственного управления приводит к принятию нелегитимных решений, способных нарушить баланс интересов разных институтов гражданского общества, что, в общем, отрицательно сказывается на стабильности существующих основ конституционного строя. Поэтому осуществление общественной контрольной деятельности призвано предупреждать наступление таких негативных последствий главным образом путем согласования действий и потребностей государства и гражданского общества. Основной задачей любого демократического государства является обеспечение паритетности взаимоотношений власти и неправительственных ассоциаций.

Думается, что сегодня одной из эффективных форм урегулирования противоречий в сфере взаимодействия этих двух институтов является функциониро-

вание Общественной палаты РФ. Следует отметить, что до сих пор не существует универсальной теоретической концепции того, какой должна быть идеальная форма взаимоотношений государства и гражданского общества для обеспечения их гармоничного сосуществования. В правовом поле данный вопрос также не получил должного отражения, так как на сегодняшний день в Российской Федерации не определены основные общие принципы, на которых должно базироваться взаимодействие институтов гражданского общества и органов государственной власти. Кроме того, отсутствует специальный закон, который в общих чертах определял бы юридическую сущность общественного контроля и раскрывал основные направления его реализации. Общественный контроль как универсальная форма взаимодействия государства и гражданского общества позволяет обеспечить полноценный учет потребностей и интересов граждан, предоставляет возможность участвовать в формировании государственной политики, а также способствует защите прав и свобод человека и гражданина.

Общественная палата РФ, являясь важнейшим институтом гражданского общества, основной целью которого в первую очередь выступает осуществление общественного контроля деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, представляет собой доминантный элемент в механизме регулирования конфликтных ситуаций между властью и обществом в целом. Следует отметить, что Общественная палата изначально задумывалась как медиаторный орган. Так, в 2005 году на встрече с представителями консультативных органов при Президенте РФ по вопросу формирования Общественной палаты главой государства В. В. Путиным было отмечено следующее: «Надеюсь, что нам удастся с вами создать принципиально новый для России институт согласования общественных интересов, институт сугубо демократический, который должен будет взаимодействовать с другими демократическими структурами в стране. Общественная палата должна будет апробировать новые формы взаимодействия власти и гражданского общества – имея в виду полномочия палаты по проведению общественных экспертиз, осуществлению общественного контроля, а также выработке рекомендаций органам власти и управления» [3].

Другими словами, Общественная палата представляет собой своеобразную диалоговую модель взаимодействия государственных органов и неправительственных ассоциаций, граждан, место для открытых дискуссий, результатом которых выступают совместно выработанные согласованные решения.

Несмотря на весьма противоречивые научные оценки Общественной палаты РФ относительно порядка ее формирования и основных направлений деятельности, следует все же признать, что за последние годы данный орган занял определенную нишу в числе демократических институтов, реализуя согласительную и контрольную функции. Однако в публичном восприятии на сегодняшний день существуют все же некоторые пробелы понимания его роли и значения в государственной и общественной институциональной среде. Так, по результатам опроса ВЦИОМ, который проводился в конце 2010 года, только 14% респондентов отметили положительную правозащитную функцию Общественной палаты РФ. Оказалось, что россиянам достаточно трудно оценить результаты ее деятельности по основным направлениям: всего 27% граждан признали позитивную роль этого органа в сфере защиты прав граждан в конфликтных ситуациях и только 15% опрошенных оценили эффективность ее работы в части контроля деятельности чиновников [2]. Во многом такие результаты объясняются плохой информиро-

ванностью граждан о деятельности Общественной палаты, непониманием сущности и предназначения данного органа, что говорит об определенной информационной и организационной закрытости палаты. Являясь формально институтом народного общероссийского представительства, созданным для практического воплощения конституционного принципа народовластия, фактически Общественная палата не может реализовать свой властный потенциал в полной мере, в первую очередь потому, что отсутствует императивное начало выносимых ею решений.

Повышение коэффициента доверия к данному органу со стороны граждан представляется на сегодняшний день приоритетной задачей, которая не позволит ему превратиться в очередной декоративный демократический институт. Следует отметить, что определенные шаги в этом направлении сделаны законодателем в текущем году, когда были внесены коррективы в Федеральный закон «Об Общественной палате Российской Федерации» (далее – Закон об Общественной палате), касающиеся реформирования порядка ее формирования [1].

Механизм создания Общественной палаты РФ подвергся изменению с целью обеспечения большей прозрачности данной процедуры. Необходимо начать с того, что в настоящее время увеличился в два раза ее численный состав – теперь она формируется из 40 граждан Российской Федерации, утверждаемых Президентом Российской Федерации, 83 представителей общественных палат субъектов Российской Федерации и 43 представителей общероссийских общественных объединений. Такой подход значительно расширяет возможности субъектов РФ в сфере своего представительства в Общественной палате Российской Федерации.

Президент РФ по результатам проведения консультаций с общественными объединениями, объединениями некоммерческих организаций, российскими академиями наук и творческими союзами определяет кандидатуры 40 граждан Российской Федерации, имеющих особые заслуги перед государством и обществом, предлагает этим гражданам войти в состав Общественной палаты и в случае их согласия утверждает своим указом определенных им членов. К сожалению, законом не определяется процедура проведения этих консультаций, а также не закрепляется обязательность обеспечения открытости этих встреч. Таким образом, отсутствие требования публичности обсуждения кандидатур, выдвигаемых Президентом, представляется явным пробелом в проведенной реформе формирования Общественной палаты РФ.

Кроме того, является очевидным различие квалификационных требований, предъявляемых к кандидатурам членов Общественной палаты, в зависимости от органа, выдвинувшего их в состав палаты. Так, общественные палаты субъектов РФ избирают из своего состава путем тайного альтернативного голосования по одному обладающему безупречной репутацией представителю в состав Общественной палаты на своих заседаниях большинством голосов от общего числа членов соответствующих общественных палат. Думается, что требование наличия безупречной репутации кандидатов является в достаточной степени неопределенным, так как законодательство не дает четкой трактовки, в чем заключается ее сущность и каковы пределы такой безупречности.

Важной новеллой Закона об Общественной палате явилась регламентация проведения интернет-голосования при формировании третьей части будущих членов данного органа – 43 представителей общероссийских общественных объединений.

На интернет-сайте Общественной палаты рабочая группа, в состав которой входят 6 членов Общественной палаты действующего состава, 3 члена Общественной палаты из числа утвержденных Президентом РФ и 3 члена Общественной палаты от общественных палат субъектов РФ, объявляет конкурс по отбору 43 членов Общественной палаты от общероссийских общественных объединений по 14 направлениям общественной деятельности.

Общероссийские общественные объединения направляют в рабочую группу заявления о выдвижении своих представителей (по одному от каждого объединения) в состав Общественной палаты, оформленные решением руководящих коллегиальных органов соответствующих объединений с указанием направления общественной деятельности, по которому выдвигаются представители. Представитель, выдвигаемый в состав Общественной палаты от общероссийского общественного объединения, должен обладать безупречной репутацией и опытом работы не менее 3 лет по соответствующему направлению общественной деятельности.

Рабочая группа на основании поданных общероссийскими общественными объединениями заявлений и при наличии представленных сведений об общероссийских общественных объединениях и выдвигаемых ими представителях в состав Общественной палаты включает выдвинутых представителей в список участников рейтингового интернет-голосования с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» по указанному списку, которое продолжается в течение 30 дней. В рейтинговом интернет-голосовании имеют право принимать участие граждане Российской Федерации, обладающие активным избирательным правом. Каждый гражданин Российской Федерации, участвующий в рейтинговом интернет-голосовании, вправе проголосовать один раз за представителя одного общероссийского общественного объединения.

По итогам рейтингового интернет-голосования рабочая группа определяет в состав Общественной палаты по 3 представителя общероссийских общественных объединений по каждому направлению общественной деятельности, набравших большинство голосов (в порядке их убывания), а также одного представителя общероссийского общественного объединения, набравшего большинство голосов среди представителей общероссийских общественных объединений, занявших четвертые места по своим направлениям общественной деятельности.

Следует отметить, что введение интернет-голосования при формировании Общественной палаты РФ, с одной стороны, сможет обеспечить открытость, прозрачность и всеобщность данной процедуры для простых граждан. Однако с другой стороны, использование технических средств в любом выборном процессе всегда связано с риском большего количества нарушений при голосовании (ложное множественное голосование одним лицом от имени других, использование нескольких IP-адресов при голосовании одного лица, технические сбои в системе, сложность осуществления общественного контроля результатов подсчета голосов и др.).

Резюмируя, хочется отметить, что легитимность деятельности Общественной палаты РФ будет зависеть от того, насколько качественным, с точки зрения соблюдения норм законодательства, окажется новый состав. Реализация принципов открытости и независимости как формирования, так и деятельности данного органа позволит осуществлять возложенные на него функции в полном объеме, включая контроль органов государственной власти и защиту прав человека и гражданина.

Список использованной литературы:

1. Об Общественной палате Российской Федерации : Федеральный закон № 35-ФЗ от 04.04.2005 г. (ред. от 23.07.2013 г.) // СЗ РФ. 2005. № 15. Ст. 1277 ; 2013. № 30 (ч. 1). Ст. 4068.

2. Официальный сайт ВЦИОМ. URL : <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13900> (дата обращения : 10.09.2013).

Официальный сайт Президента РФ. URL : <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2005/08/92093.shtml> (дата обращения : 10.09.2013).

Е. В. Богатова

ОСОБЕННОСТИ НАДЗОРА ЗА ПРОИЗВОДСТВОМ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Уголовно-процессуальный кодекс РФ предусматривает общий порядок осуществления прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, а также полномочия прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса. Содержание надзорной деятельности и ее особенности обусловлены в первую очередь формой осуществления расследования и видом проводимых проверок.

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс РФ внесены существенные изменения, в соответствии с которыми, наряду с общим порядком, предусмотрено и дознание в сокращенной форме, а также, в дополнение к этому, преобразован порядок разрешения сообщения о преступлении [3]. Данное нововведение направлено на оптимизацию расследования, сокращение сроков его проведения. Следует отметить, что указанным законом не просто введен новый вид дознания, он повлиял и на досудебные стадии уголовного процесса в целом. Если ранее возбуждение уголовного дела и расследование имели четкие границы, то теперь происходит взаимное проникновение двух стадий. В связи с этим возникает необходимость в адаптации надзора к новым условиям. Прокурор при осуществлении своей деятельности обязан обеспечить объективность принятия дознавателем решений как на стадии возбуждения уголовного дела, так и при производстве дознания в сокращенной форме.

Одной из главных задач надзора на стадии возбуждения уголовного дела является защита подозреваемого от незаконного и необоснованного обвинения, а также обеспечение прав лиц, чьи интересы могут быть затронуты на данном этапе. Вышеуказанным ФЗ были внесены существенные изменения в ст. 144 УПК РФ, что привело к необходимости проверки прокурором не только обоснованности принятых решений по поступившему сообщению, но и законности проводимых мероприятий. Кроме того, изменилось и отношение к результатам доследственных проверок – полученные в их ходе сведения, если они собраны с соблюдением требований УПК, могут быть использованы в качестве доказательств по делу. Перечень действий, которые вправе проводить следователь и дознаватель при проверке сообщения о преступлении, значительно расширен. На данном этапе они имеют право получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия,

документов, предметов, трупов, освидетельствование. Фактически в стадии возбуждения уголовного дела может быть проведена большая часть следственных действий, предусмотренных УПК РФ. О необходимости такой меры неоднократно упоминалось в научной литературе [1, с. 22]. Вместе с тем практика показывает, что не всегда расследование осуществляется законно, имеют место ошибки, когда уголовное преследование ведется в отношении лица, не совершавшего преступления. Так, по сведениям Судебного департамента, в 2012 году оправдательные приговоры были вынесены в отношении более 5 тыс. человек [4]. Очевидно, в данных случаях отсутствовали достаточные доказательства виновности подсудимого. Внесенные изменения дают возможность дознавателю уже на первоначальном этапе расследования более тщательно проверить причастность конкретного лица к совершению преступления, оценить доказательственную базу, перспективу рассмотрения дела в суде, а в итоге – вынести обоснованное и мотивированное решение. Прокурор при получении постановления о возбуждении уголовного дела должен не только обращать внимание на формальные основания, но и проверять законность проведенных мероприятий. Следует учитывать, что УПК устанавливает общие требования для осуществления следственных действий как до, так и после возбуждения уголовного дела. Например, изъятие документов и предметов возможно только на основании судебного решения, для назначения и проведения судебной экспертизы предусмотрен особый порядок и т. д. При несоблюдении норм УПК прокурор уже на данном этапе обязан требовать устранения нарушений и не допускать использования таких данных в качестве доказательств.

Еще одним важным моментом является введение п. 1.1 ст. 144 УПК РФ обязанности органов расследования разъяснять и обеспечивать лицам, участвующим в производстве процессуальных действий, их права и обязанности в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. Однако такая формулировка слишком абстрактна. На стадии возбуждения уголовного дела лицо формально может еще не обладать определенным процессуальным статусом, что в этом случае не позволяет обозначить объем его прав и обязанностей. Данное обстоятельство способно привести к существенным нарушениям. В связи с этим при осуществлении надзора необходимо убедиться в выполнении дознавателем всех требований ст. 144 УПК РФ. Учитывая, что прокурор является гарантом законности, все вопросы, связанные с объемом прав и обязанностей, предоставляемых участникам проверочных мероприятий, должен разрешать именно он.

Изменения коснулись и возможности продления срока проверки. Ходатайства такого рода, заявленные дознавателем, разрешает по-прежнему прокурор, однако данному вопросу должно уделяться более пристальное внимание. Это связано с тем, что срок принятия решения по поступившему заявлению не изменился, однако появились новые условия, при которых он продлевается до 30 суток. К ним относятся: необходимость производства документальных проверок, ревизии, судебной экспертизы, исследования документов, предметов, трупов, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий. Как правило, такие действия проводятся при проверке любого сообщения о преступлении, что может привести к необоснованному затягиванию процесса. В связи с этим при осуществлении надзора следует оценить реальную необходимость проведения дополнительных проверочных действий и их значение для принятия решения о возбуждении уго-

ловного дела. Постановление, выносимое в отношении конкретного лица, должно быть обоснованным и мотивированным. Это требование является общим для всех процессуальных решений, однако вышеуказанный акт имеет особое значение. Именно с момента вынесения данного постановления начинается уголовное преследование, лицо наделяется статусом обвиняемого, в связи с чем появляются законные основания для ограничения его конституционных прав. Такое положение недопустимо при отсутствии или сомнительности доказательств, поэтому уже в материалах проверки должны содержаться достаточные данные о причастности конкретного лица к совершению преступления. В случае возникновения сомнений прокурор должен отменить постановление о возбуждении уголовного дела и направить материалы на дополнительную проверку с указанием о проведении конкретных мероприятий.

После возбуждения уголовного дела и при наличии оснований, предусмотренных ст. 226.1 УПК РФ, дознаватель может принять решение о проведении дознания в сокращенной форме. Прокурор знакомится с данным постановлением после окончания расследования, что не позволяет предупредить нарушения на ранних этапах. Следует отметить, что применение упрощенного порядка возможно только по добровольному волеизъявлению подозреваемого, полностью признавшего свою вину и согласного с квалификацией деяния. Такое положение может привести к злоупотреблению дознавателями своими полномочиями. Нередки случаи, когда органы расследования, стараясь повысить статистику раскрываемости дел, принуждают подсудимых взять на себя вину в совершении различных преступлений. Можно привести несколько примеров, получивших широкую огласку. Так, в Пензенской области по обвинению в убийстве был задержан инвалид по психиатрическому заболеванию Александр Жуплов. Он больше года провел в СИЗО, а потом был отправлен судом в закрытую спецлечебницу. В основу материалов проверки легло чистосердечное признание умственно отсталого человека. В дальнейшем органами расследования было установлено и привлечено к ответственности лицо, совершившее преступление, инкриминируемое А. Жуплову [2]. Другим примером является дело отдела полиции «Дальний» в г. Казань, где сотрудники применяли пытки, добиваясь признательных показаний. С учетом распространенности аналогичных нарушений сокращенная форма дознания может стать удобным прикрытием для незаконных действий со стороны дознавателей.

При таких условиях необходимы гарантии, обеспечивающие защиту граждан от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения их прав и свобод. Такой гарантией должен выступать прокурорский надзор. Ст. 226.8 УПК предусматривает виды решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным постановлением. В совокупности решения, принимаемые при утверждении обвинительного заключения и акта, не вызывают вопросов, они стандартны и аналогичны. Однако не вполне понятна процедура проверки одного обстоятельства. Так, при наличии достаточных оснований полагать самооговор обвиняемого уголовное дело направляется дознавателю для производства дознания в общем порядке. При этом УПК, во-первых, не устанавливает понятия «достаточные основания», а во-вторых, не предоставляет прокурору полномочий для проверки добровольности признания подозреваемым своей вины, характера и размера причиненного преступлением вреда и согласия с правовой оценкой деяния. Вместо этого прокурор может лишь ознакомиться с имеющимися в материа-

лах дела доказательствами. Такое положение препятствует осуществлению действенного надзора за законностью произведенного дознания. Можно сказать, полномочия прокурора в данной сфере носят слишком формальный характер и не позволяют обеспечить реальное соблюдение прав лица, подвергнутого уголовному преследованию. Поэтому в рассматриваемой ситуации прокурор должен иметь возможность лично опросить обвиняемого и установить добровольность его волеизъявления о проведении дознания в сокращенной форме.

Таким образом, внесенные законодательные изменения привели к необходимости пересмотра содержания надзорной деятельности прокурора как на стадии возбуждения уголовного дела, так и при осуществлении дознания в сокращенной форме. Пристального внимания требует защита прав подозреваемого при проведении в отношении него проверочных мероприятий, а также возможность выяснения его отношения к предъявленному обвинению.

Список использованной литературы:

1. Гаврилов Б. Я. О некоторых актуальных проблемах совершенствования предварительного следствия // Российский следователь. 2009. № 16.
2. Газета «Известия» от 14 апреля 2013 г. URL : <http://izvestia.ru/news/521472> (дата обращения : 20.04.2013) ; Российская газета от 19.03.2013 г. URL : <http://www.rg.ru/2013/03/19/reg-pfo/maniyak.html> (дата обращения : 03.04.2013).
3. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ : Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.
4. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2012 год. Форма № 1 «Отчет о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции». Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL : <http://www.cddep.ru/index.php?id=79&item=1775> (дата обращения : 25.05.2013).

М. К. Борисова

КОНФЛИКТ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ В ХОДЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ЦИКЛА

Формирование связей между политическими и экономическими стратегиями развития регионов в значительной степени зависит от экономического потенциала территории. Данный потенциал влияет и на формирование институциональной среды стратегического планирования, и на политические практики региональной элиты в отстаивании экономических интересов субъекта федерации. Рассмотрим данную проблему на примере формирования глав субъектов Российской Федерации.

В случае прямого назначения главы региона Президентом России, которое имело место до 1996 года, политическая стратегия регионального руководства подчинялась цели сохранить доверие верховной власти. Поскольку это было время массовой приватизации, основные экономические процессы в субъектах Федерации были связаны с разгосударствлением собственности. Борьба за активы разворачивалась между местными предпринимателями и представителями столичных финансово-промышленных групп. Губернатор должен был найти такой баланс между местной элитой, удовлетворив ее экономические амбиции, рискуя в противном случае утратить контроль управляемости территории, и элитой феде-

ральной с ее широкими возможностями влияния на президентские решения. В качестве дополнительного параметра эффективности работы губернатора рассматривался исход избирательных кампаний в разные органы власти – насколько успешно региональному руководству удавалось противостоять политическому давлению оппозиции.

Переход к избранию глав регионов на всеобщих выборах (1996–2005 годы) породил новую модель связей между процессами экономического и политического планирования. Губернаторы оказались в ситуации гораздо большей зависимости от населения, поэтому они нуждались в инструментах давления на избирателя и местную элиту. С этого момента можно говорить о разворачивании полноценной практики применения административного ресурса, включающего в себя юридические, экономические, медийные и иные способы воздействия на оппозиционных кандидатов.

В изменившихся условиях основной политической стратегией развития регионов в большинстве случаев стало сохранение сложившегося статус-кво. Под эту цель подгонялись экономические и социальные программы. К тому же ослабление прямой зависимости от центра сделало губернаторов более свободными в формулировании собственных проектов регионального будущего, которые нередко шли в разрез с общенациональными интересами. Распространенной практикой стало подписание всевозможных договоров о разграничении полномочий между Федерацией и субъектом. Само наличие подобного соглашения представлялось как важнейший шаг на пути к обеспечению экономического процветания и политической стабильности. В итоге все это усиливало центробежные силы в отечественном политическом и экономическом пространстве.

Главы регионов превратились в полновластных хозяев своих территорий, которые могли с позиции силы разговаривать с федеральным правительством. Неслучайно именно к концу 1990-х годов распространенной практикой становится создание губернаторских политических союзов и избирательных объединений. Самыми известными стали «Отечество», «Вся Россия», «Голос России». Их основным программным требованием было отстаивание права глав субъектов федерации на формулирование собственного независимого политического и экономического курса. Создававшаяся обстановка явно благоприятствовала сепаратистским тенденциям.

Как следствие, с начала 2000-х годов начинается процесс урезания самостоятельности глав регионов. Это выразилось в создании института полномочных представителей Президента в федеральных округах, круг обязанностей которых (согласно Указу Президента РФ № 849) включает:

- содействие в пределах федерального округа реализации органами государственной власти основных направлений внутренней и внешней политики государства, определяемых Президентом России;

- осуществление контроля исполнения в соответствующем федеральном округе решений федеральных органов государственной власти, в том числе обеспечение реализации в рамках соответствующего федерального округа кадровой политики главы государства;

- представление Президенту России докладов и внесение соответствующих предложений по вопросам обеспечения национальной безопасности, а также политической, социальной и экономической ситуации в федеральном округе [2].

И завершающим «аккордом» в перехвате инициативы федеральным цен-

тром в процессе стратегического планирования стала отмена прямых губернаторских выборов [4].

В настоящее время мы можем наблюдать, вероятно, понижательную волну в цикле централизации и децентрализации Российской Федерации. Она, в частности, выражается в том, что после политической напряженности конца 2011 – 2012 года были допущены некоторые послабления в политическом режиме – либерализовано партийное законодательство и возвращены прямые выборы глав регионов, хотя и с некоторыми оговорками в виде партийных и муниципальных фильтров. При этом процессы разработки стратегий политического и экономического развития субъектов остаются по-прежнему жестко централизованными и местное руководство вынуждено довольствоваться ролью разработчиков тактики осуществления планов, принятых на более высоких этажах «административного здания».

Помимо бюджетного и губернаторского факторов формирования институциональных связей между процессами разработки политических и экономических стратегий важное место принадлежит влиянию избирательной системы, особенно в контексте становления региональной партийной структуры. Логика взаимодействия состоит здесь, по нашему мнению, в следующем. Чем более избирательная система способствует формированию влиятельных политических партий, тем больше возможностей для выдвижения альтернативных проектов развития. Эти проекты могут использоваться в качестве программы действий в том числе и официальной властью, которая лишена возможности самостоятельно формулировать стратегии в силу различных политико-режимных ограничений. Однако чем более крепка партийная вертикаль, тем больше рычагов давления центра на губернатора и тем меньше у него пространства для несогласованного маневра.

Как отмечает А. Кынев, в 2003–2005 годах законодательство допускало создание на базе региональных отделений партий избирательных блоков, которые с успехом заменяли действовавшие ранее локальные партийные структуры. Данные блоки имели собственное название и программу и были весомым субъектом регионального политического процесса. «Часто названия этих блоков несли отчетливый знак регионального патриотизма: „За наш Таймыр“, „Мы – за развитие Амурской области“, „Наша родина – Архангельская область“ и т. д. Еще одним вариантом обойти федеральные ограничения были бренды малоизвестных партий или партий с нейтральным названием, которые в регионах превращались в партию местного харизматического политика или элитной группы. Так Партия социальной справедливости в Архангельской области стала списком представителей лесопромышленной группы „Титан“, а партия „Свобода и народовластие“ во главе с бывшим мэром Владивостока Виктором Черепковым стала фактически региональной партией Приморского края» [1]. Запрет на избирательные блоки с 2005 года фактически был синхронен с отменой губернаторских выборов, укреплением доминирования «Единой России» и означал закрепление монополии на формулировку партийных программ за федеральным центром.

Все отмеченные институциональные факторы, такие как бюджетный федерализм, способ наделения полномочиями главы исполнительной власти, особенности избирательной и партийной систем, действуют при составлении экономических и особенно политических стратегий неявно, имплицитно. В связи с этим целесообразно рассмотреть, каким образом в официальных региональных стратегических документах представлено влияние институциональных факторов.

Обратимся к официальному документу под названием «Стратегия социально-экономического развития Саратовской области до 2025 года» [3]. В нем в качестве возможных стратегических альтернатив сформулированы три сценария развития региона:

1) инерционное развитие – исходит из предположения, что по динамике развития экономики область в целом будет соответствовать темпам развития экономики Российской Федерации;

2) ресурсно-инвестиционное развитие – предполагает наиболее полное вовлечение в хозяйственный оборот и рациональное использование имеющихся ресурсов, смену технологической платформы и расширение уже действующих производств, рост доли инновационной составляющей в экономике области;

3) инновационное развитие – предполагает опережающие темпы экономического роста.

Вообще надо отметить довольно слабое внимание, которое в данном документе уделено роли институтов. Гораздо в большей степени он похож на эссе с элементами статистического анализа, причем довольно умозрительного. Совершенно не ясно, за счет действия каких институтов будут достигнуты желаемые высокие показатели. Только в варианте инновационного развития, который сами же разработчики Стратегии считают хоть и наиболее желаемым, но наименее вероятным, речь идет о создании новых структурных возможностей для экономического роста, связанных с информационными технологиями и наукоемкими отраслями. В иных случаях опорой служат те институциональные структуры, которые существуют сейчас.

Стратегия, хоть и называется социально-экономической, старательно обходит стороной любые вопросы о нематериальных факторах социального и тем более политического развития. В ней подробно перечисляются те нормативные показатели, которые будут свидетельствовать о достижении того или иного результата. Однако, по всей видимости, сознательно даже контурно не обрисованы условия социально-политической реальности, которые дадут благоприятный результат. Очевидно, что перед авторами никто подобной задачи не ставил, а сами они не имели полномочий брать на себя такую ответственность. В итоге мы имеем лишь робкое упоминание о развитии институтов гражданского общества.

Таким образом, подводя итог рассмотрению проблем формирования институциональных связей между политическими и экономическими стратегиями регионов, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, стратегии политического и экономического развития существуют в разных плоскостях и измерениях. Вопросы экономики активно обсуждаются публично, им посвящены официальные документы, в моду вошло составление различных стратегических программ. Политическое же развитие регионов самими властями субъектов федерации в последние годы почти никак не концептуализируется. В связи с этим институциональные факторы, связывающие политические и экономические стратегии, имеют сложную многоуровневую структуру, включающую в себя и публичные, и теневые аспекты.

Во-вторых, наиболее устойчивыми институциональными факторами, которые действуют на протяжении всей постсоветской политической истории, по нашему мнению, являются бюджетный федерализм, отражающий суть федеративных отношений в стране в целом, способ наделения полномочиями главы субъекта федерации, механизмы контроля регионов со стороны центра, норма-

тивные основания структурирования партийной системы.

В-третьих, динамика действия данных факторов доказывает их циклическую природу. Волны децентрализации, при которой субъекты федерации усиливают политическую и экономическую субъектность, сменяются волнами централизации и, соответственно, субъектность переходит с локального на центральный уровень.

В-четвертых, наиболее удачные попытки описать совместное действие политических и экономических факторов основаны на концепциях политико-делового цикла. Находясь между собой в отношениях взаимной зависимости, политические и экономические процессы детерминируют друг друга. В связи с этим правомерно, по нашему мнению, говорить о политических и экономических стратегиях как аспектах общей стратегии развития региона, что не до конца, судя по официальным документам, осознается нынешними руководителями.

Список использованной литературы:

1. *Кынев А.* Особенности межпартийной борьбы в российских регионах : борьба групп влияния и имитация партийности. URL : <http://www.memo.ru/2009/12/12/kynev.htm> (дата обращения : 07.08.2013).
2. Положение о полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе. Утверждено Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849. URL : <http://www.rg.ru/2000/05/14/okruga-dok-site-dok.html> (дата обращения : 07.08. 2013).
3. Стратегия социально-экономического развития Саратовской области до 2025 года // Приложение к постановлению Правительства Саратовской области от 18 июля 2012 г. № 420-П.
4. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» : Федеральный закон от 11 декабря 2004 г. № 159-ФЗ // РГ. 2004. 15 дек.

Л. Е. Васильева

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СССР В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН (1920–1940-е годы)

Государственная политика в отношении женщин – это часть общей социальной политики, которая затрагивает интересы женщин как крупной социально-демографической группы, формирует их правовой и социальный статус, регламентирует взаимоотношения с обществом. Государственная политика носит конкретно-исторический характер. Ее содержание и результативность зависят, во-первых, от господствующего в обществе и политической элите понимания сущности женского вопроса; во-вторых, от типа экономических отношений и уровня социально-экономического развития государства; в-третьих, от характера политического режима, уровня демократии в государстве и обществе; в-четвертых, от позиции и инициативности субъектов государственной политики – властных структур, политических партий, общественных движений, женского населения [1, с. 80–81]. Цель государственной политики в отношении женщин – поддержание женщин в их общественной (прежде всего производственной) деятельности и в реализации ими репродуктивной функции как социально значимой [2].

Первый законодательный акт ВЦИК о выдаче женщинам пособия в течение восьми недель до и восьми недель после родов – по сути дела, о страховании

материнства – появился уже 22 декабря 1917 года. Фактически его повторяет «Положение о социальном обеспечении трудящихся» от 31 октября 1918 года. Указанные пособия выдаются при беременности и родах, а также в период кормления ребенка грудью [3]. Однако это положение в первую очередь касалось «трудящих», т. е. работниц национализированных предприятий, всем остальным женщинам предлагалось создавать кассы взаимопомощи матерей. В новых условиях система помощи женщинам обрела политизированный, классовый характер. Это выразилось в ограничении круга лиц, которым полагалась социальная помощь. Конституция РСФСР 1918 года определила категории так называемых лишенцев, на которых не распространялся ни один из видов социальной помощи [4]. До конца 1930-х годов крестьянки, составляющие большинство женского населения СССР, а тем более представительницы свободных профессий и женщины, занимающиеся торговлей, не имели возможности получить оплачиваемый отпуск в связи с беременностью и родами.

Принцип социального материнства и соответствующие ему представления о нормах и разного рода допущениях наглядно проявились в советском трудовом законодательстве. По КЗОТ 1922 года трудящихся стали делить на работников физического и умственного труда, при этом у беременных женщин, занимающихся физическим трудом, как дородовый, так и послеродовый отпуск должен был составлять по шесть недель. У женщин, занимающихся умственным трудом, продолжительность этих видов отпуска составляла по четыре недели до и после родов [5].

Еще одной важной задачей большевики, в руки которых перешла государственная власть, считали отмену всего дореволюционного государственного аппарата. 18 декабря 1917 года был издан Декрет СНК РСФСР «О гражданском браке...», по которому единственной формой брака для всех граждан России, независимо от вероисповедания, стал гражданский брак [6]. 19 декабря 1917 года был принят Декрет «О расторжении брака», который изъясил все дела о расторжении брака из ведения религиозных судов [7].

Безусловно, эти декреты, по сравнению с дореволюционным брачным законодательством, имели прогрессивный характер, поскольку очистили семейные отношения от неравноправия женщины с мужчиной, от ущемления прав незаконнорожденных детей, сделали доступным развод широкому кругу лиц, дали женщине право на получение алиментов через суд в случае отказа отца от материального обеспечения ребенка. Однако декреты не могли урегулировать все вопросы брака и семьи. Требовалось принятие кодифицированного закона. Таким нормативным актом нового государства стал Кодекс законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, принятый ВЦИК 16 сентября 1918 года [8]. Значение его заключалось в том, что он устанавливал, что только гражданский брак, зарегистрированный в отделе ЗАГС, порождает права и обязанности супругов (ст. 52). Брачный возраст был установлен для мужчин 18 лет, для женщин 16 лет. Признание брака недействительным производилось только в судебном порядке. Супруги были полностью уравнены в имущественных правах и имели право на взаимное содержание (ст. 63). Процедура развода упростилась. Подобные усилия государства в области либерализации брака были проникнуты идеей равенства, освобождения женщин от тяжелых обязанностей материнства и передачи этого «гнета» на плечи государства [9, с. 146]. Зачастую же реалии семейных практик и в городе, и на селе были связаны с нищен-

ским существованием оставленных женщин с несовершеннолетними детьми.

Ситуацию несколько изменило принятие Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР 19 ноября 1926 года [10]. Новшеством явилось признание, наряду с зарегистрированным, юридического значения фактического брака. Правовое значение зарегистрированного брака было ограничено лишь тем, что он являлся «бесспорным доказательством наличия брака» (ст. 2). Лица, состоявшие в фактических брачных отношениях, были уравнены с зарегистрированными супругами в праве на совместное имущество (ст. 11) и получение алиментов (ст. 16). Был повышен брачный возраст женщины до 18 лет. Запись об отце ребенка, родившегося вне брака, производилась по заявлению матери. Лицо, записанное в качестве отца, имело право в суде оспаривать свое отцовство.

Подобные направления государственной политики определялись и социалистической идеологией равенства, и необходимостью привлечения женских масс к активной политической и трудовой деятельности. При этом, нуждаясь в женщинах на производстве, государство не могло себе позволить ослабить их роль в сфере воспроизводства [11, с. 120]. Формы социальной политики были тесно связаны с политикой стимулирования трудовой деятельности. Женщины, признаваемые равноправными с мужчинами, активно вовлекались в общественное производство, причем основной упор был сделан на достижение количественных результатов, и именно они стали основным критерием успешности решения женского вопроса.

В Конституции СССР 1936 года о равенстве полов упоминается как о решенном вопросе. Статья 122 провозглашала, что женщины, которым предоставляются равные с мужчинами права, могут поступать на работу на любое предприятие, занимать любые должности в соответствии со своей квалификацией, получать одинаковую с мужчинами оплату труда [12]. По мнению Н. Л. Пушкаревой, в публикациях о женском вопросе второй половины 1930-х годов появляется настойчивое противопоставление «ужасного прошлого» русских женщин и их «прекрасного настоящего» [13, с. 73–74]. В эти годы миллионы женщин становятся трудовым резервом индустриализации – они идут на стройки пятилетки, темпы роста женской рабочей силы опережают мужскую, чему способствуют и политические репрессии, затрагивающие преимущественно кадры из числа мужчин. В результате женщины не просто получают доступ к новым профессиям – их активно принимают на прежде чисто мужские должности и производства, они получают возможность быстрого карьерного роста, «заполняя все увеличивающиеся вакансии, причем как в городе, так и на селе» [14, с. 88]. Героическая символика женского образа была важным дискурсивным кодом индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, военного времени и последующего послевоенного десятилетия [13, с. 74].

С 1936 года нормотворческая деятельность общесоюзных законодательных органов по вопросам брака и семьи активизировалась. Впервые постановлением ЦИК и СНК СССР «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам...» от 27 июня 1936 года было установлено пособие многодетным матерям, целью которого было поощрение рождаемости [15]. Однако данное постановление, хотя и было направлено на рост количества многодетных семей, способствовало этому незначительно, так как материальная поддержка предполагалась только при рождении седьмого ребенка, а таких семей было немного.

Резкое сокращение рождаемости и огромные людские потери СССР в годы Великой Отечественной войны заставили правительство искать более действенные меры для материального и морального стимулирования деторождения, а

следовательно, и выработки новых тенденций в государственной политике. При этом можно отметить эволюцию в сторону ужесточения законодательства с целью «принудительной стабилизации семьи» [16, с. 89]. Об этом свидетельствует указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям...» [17]. Этот указ расширил контингент имевших право на пособие по многодетности, значительно увеличил государственную помощь многодетным матерям, впервые установил пособия одиноким матерям (не состоявшим в зарегистрированном браке) на содержание и воспитание детей. Этим указом одновременно вводился налог на малосемейных, имевших одного или двух детей, и увеличивался налог на холостяков и бездетных. Значительно возрастали льготы беременным женщинам, более продолжительными стали отпуска (с 63 до 77 календарных дней – 35 до и 42 после родов) и т. д. [18, с. 2]. Кроме того, были ужесточены основания и порядок расторжения брака.

Значение указа от 8 июля 1944 года в юридической литературе оценивается по-разному. По мнению М. В. Антокольской, этот указ отбросил отечественное семейное право на столетие назад [19, с. 77]. С точки зрения Г. М. Свердлова, такие резкие перемены в законодательстве были обусловлены необходимостью укрепления семьи, усиления воздействия государства на материальное обеспечение матерей, а также детей, родившихся вне брака [20, с. 79]. В качестве положительных моментов следует отметить установление обязательности государственной регистрации брака, судебного порядка расторжения брака с выявлением причин, побудивших к разводу, усиление материальной помощи матери, воспитывающей ребенка. С другой стороны, отмену установления отцовства, усложнение бракоразводного процесса, безусловно, нельзя рассматривать как факторы, отвечающие интересам детей, супругов и родителей.

Как дополнение можно рассматривать также указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 года «О порядке признания фактических брачных правоотношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов» [21]. Этот указ должен был восполнить положение указа от 8 июля 1944 года о необходимости лицам, состоящим в фактическом браке, оформить свои отношения путем регистрации брака.

Итак, в женском вопросе за годы советской власти было сделано немало – установлено юридическое равноправие мужчин и женщин, много внимания уделялось защите матери и ребенка и т. д. И если в первое десятилетие советской власти государственная политика была проникнута утопическим духом равенства и свободы, то впоследствии для женщины четко были определены ожидаемые роли и обязанности – в первую очередь как работницы, а во вторую очередь как матери и хранительницы домашнего очага. И, тем не менее, государственная политика маскировала фактическую дискриминацию женщин во всех сферах жизни [22]. В СССР для женщин не было создано социально-экономических условий, которые позволили бы совмещать без ущерба для себя, детей и семьи труд в общественном производстве и домашнем хозяйстве. Решение проблем равноправия мужчин и женщин путем вовлечения последних в общественно полезный труд столкнулось с серьезными преградами – домашним хозяйством, материнством, неразвитой социальной сферой.

Женский вопрос не решен и сейчас – женщины вынуждены делать выбор между детьми и карьерой, занятостью домашним хозяйством и независимостью от

мужчин, по-прежнему, несмотря на провозглашенный процесс демократизации общественной жизни, законодательная, исполнительная власть, руководство различными общественными организациями, политическими партиями принадлежат мужчинам. Усугубились и другие проблемы – практически не действует система охраны труда, женщины менее востребованы на рынке труда по сравнению с мужчинами, низкий уровень жизни большинства населения делает насущно необходимым усиление государственной поддержки матерей и т. д. Женский вопрос в современном понимании сводится к укреплению семьи, охране материнства, созданию условий для сочетания женщиной нескольких социальных ролей, и решение его возможно лишь при осуществлении целенаправленной политики путем создания национального механизма по улучшению положения женщин. Для этого нужны политическая воля, законодательная база и адекватные ресурсы, тесное сотрудничество власти с общественными организациями.

Список использованной литературы:

1. *Хасбулатова О. А.* Государственная политика в отношении женщин // Словарь гендерных терминов. М., 2002.
2. *Федотовская Т. А.* Современная социальная политика : гендерный подход // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального собрания РФ. 2007. № 25. URL : http://council.gov.ru/inf_sl/bulletin/item/297/index.html (дата обращения : 07.09.2012).
3. Декрет СНК РСФСР от 31.10.1918 «Положение о социальном обеспечении трудящихся» // СУ РСФСР. 1918. № 89. Ст. 906.
4. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
5. Кодекс законов о труде РСФСР изд. 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.
6. Декрет СНК РСФСР «О гражданском браке, детях и о ведении книг актов гражданского состояния» от 18 декабря 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 1. Ст. 160.
7. Декрет «О расторжении брака» от 19 декабря 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 152.
8. Кодекс законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 16 сентября 1918 года // СУ РСФСР. 1918. № 76. Ст. 818.
9. *Коллонтай А.* Семья и коммунистическое государство. М., 1920.
10. Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР от 19 ноября 1926 года // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 611.
11. *Черняева Н.* Производство матерей в Советской России : учебник по уходу за детьми эпохи индустриализации // Гендерные исследования. 2004. № 12.
12. См.: Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (1936 г.) // Советские конституции. Справочник. М., 1963. С. 455.
13. *Пушкарева Н. Л.* История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник. 1997. М., 1998.
14. *Маннинг Р. Т.* Женщины советской деревни накануне Второй мировой войны. 1940–1953 годы // Отечественная история. 2001. № 5.
15. Постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских домов, усиление уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» от 27 июня 1936 г. // Собрание законодательства СССР. 1936. № 34.
16. *Рабжаева М. В.* Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века // Социс. 2004. № 6.
17. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания „Мать-героиня“ и учреждении ордена „Материнская слава“ и медали „Медаль материнства“» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37.
18. См.: Законодательство о браке, семье и опеке. М., 1947.

19. Антокольская М. В. Семейное право. М., 1996.
20. Свердлов Г. М. Советское семейное право. М., 1958.
21. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 года «О порядке признания фактических брачных правоотношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 60.
22. Воронина О. А. Гендерная экспертиза законодательства РФ о средствах массовой информации. URL : [http://www.a-z.ru/women/texts/\\$gend-1.htm](http://www.a-z.ru/women/texts/$gend-1.htm) (дата обращения : 10.09.2012).

Ф. А. Вестов, О. Ф. Фаст

МОРАЛЬ И ПРАВО В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

Важнейшее значение имеет моральный аспект данной проблемы. Обусловлено это значение тем, что юридические нормы официально закреплены государством в качестве общеобязательных и их исполнение охраняется властью вплоть до применения насильственных мер по отношению к тому лицу, которое их нарушило. Почему следование юридическим нормам так важно, что государство не останавливается перед насилием для их исполнения? Есть ли у юридических норм свои метаправила, на основании которых они принимаются и на этом основании приобретают столь большое значение? Есть ли у государства своя особая политическая мораль (если использовать терминологию Дворкина), которая оправдывает принятую систему позитивного законодательства? Конечно, у государства обязательно должна быть какая-то цель, когда оно принимает определенные нормативные акты, а у системы законодательства должны быть свои принципы, которые оправдывают и объясняют ее наличное существование. Вопрос заключается только в характере этих целей и принципов¹.

Эти размышления служат нам отправной точкой для перехода от анализа теоретической части проблемы во взаимоотношениях морали и права к практическому вопросу, может ли мораль выступать неформальным источником права. Более радикальная постановка этого вопроса присуща Рональду Дворкину, который выразил ее следующим образом: «Может ли мораль выступать в качестве условий истинности пропозиций права?» [7].

Положительный ответ на этот вопрос может быть расценен как попытка неудачной интеллектуальной провокации, однако этот ответ не должен выступать предметом для глубокого сомнения и пренебрежительного недоверия. Несомненно, мораль всегда выступала в качестве неформального источника права. Во-первых, в философии и юридической науке существует мощная интеллектуальная традиция, развивающая и обосновывающая это положение, во-вторых, история XX века дала множество ярких примеров использования моральной риторики в юридической практике, и в-третьих, законодательство многих стран закрепляет возможность такого положения дел. Эти пункты представляют особый интерес и заслуживают самостоятельного рассмотрения.

Сосредоточим внимание на анализе интеллектуального потенциала позиции, которая доказывает существование связи между нормами права и морали.

¹ Оставим в стороне вопрос: насколько эти принципы и цели реализуются на самом деле, а не просто декларируются.

Философия естественного права ведет свое происхождение от учения Платона о государстве и законах и тесно связана со всей его идеалистической философией. Объективное право в этой концепции считается естественным продолжением законов природы. Законы, в свою очередь, определяют сущность и природу вещей. А так как природа вещи дана от рождения, то отсюда делается вывод о врожденности права, более того, поскольку отличительной характеристикой человеческой природы является ее разумность (т. е. разум составляет сущность человеческой природы), получается, что разум является источником права. Еще Ш. Монтескье утверждал, что объективное право или закон только тогда являются правом или законом, когда согласуются с разумной человеческой природой: «Законы, говоря вообще, есть человеческий разум, поскольку он управляет всеми народами земли ... а политические и гражданские законы каждого народа должны быть не более как частными случаями положения этого разума» [10, с. 168].

Большинство современных юристов, руководствуясь бытовым прагматизмом, признает естественно-правовую доктрину наивным наследием прошлого – наследием, которое идеализирует сферу правовых отношений. Показательна реплика В. В. Лапаевой по этому поводу. Она пишет, что «обращает на себя внимание, прежде всего, типичное для естественно-правовой доктрины смешение правовых и морально-нравственных начал, которое с позиций современного правового понимания выглядит достаточно архаично» [9, с. 106]. Способ доказательства очень напоминает по стилю и форме древнегреческие софизмы и выглядит так: сначала формулируется предпосылка, утверждающая, что можно быть юридически правым, но безнравственным и можно быть нравственным, но не юридически правым, а потом делается сомнительный вывод, что мораль – это сфера «автономной внутренней саморегуляции индивида», и к праву она не имеет никакого отношения.

Это рассуждение и позволяет нам увидеть все предполагаемые недостатки философии естественного права. Именно из этой порочной концепции исходят представления о «правах человека», «правовых законах» и о «дозаконотворческом» характере права и иных теоретических заблуждениях, основанных на смешении морали и права.

Данная точка зрения и способ рассуждения не являются изобретением профессора В. В. Лапаевой и других современных исследователей, которые ими пользуются. Все перечисленные позиции можно встретить уже у И. Бентама и других классиков позитивизма. Как видно, в ее основе лежит мысль о различных сферах регуляции между моралью и правом и, как кажется, критики естественной теории права стараются показать, что мораль и право находятся на разных уровнях, которые не пересекаются друг с другом, – в сфере индивидуальной свободы индивида и сфере общественных отношений. Но это не так. Разве нормы морали не имеют влияния на общество? Только схоластически настроенный исследователь может утверждать, что регуляция общественных отношений исчерпывается правом. Спрашивается, откуда появляются антиправовые тенденции в обществе – криминал, акции гражданского неповиновения, забастовки и революции? Что, это тоже право? Почему принятие правильных и разумных законов автоматически не ведет к созданию правильного и разумного общества? Неужели принятие антикоррупционных законов делает наших чиновников честными, а граждан – законопослушными? А религия, субкультуры, традиции – это тоже способ регуляции общественных отношений с помощью права? Как право должно регулиро-

вать выбор индивидом одежды, произведений художественной литературы, проведения досуга, друзей, хобби, политических пристрастий и всего того, из чего складывается жизнь человека?

Может быть, Председатель Конституционного суда РФ В. Д. Зорькин не ошибается, когда пишет, что «в любой социально-государственной системе общественный порядок регулирует в первую очередь не писанный закон, а именно это этико-нормативное поле, т. е. массовые представления о должном и справедливом» [8, с. 26]?

Обычный человек в своей жизни крайне редко сталкивается с ситуациями, в которых он сам непосредственно руководствуется нормами права в определении выбора. Если такое и происходит, то эта регуляция осуществляется пассивно, т. е. лишь потому, что так надо, как, например, в случае с заменой паспорта. Поэтому позитивистское представление о морали как «автономной внутренней саморегуляции индивида» содержательно противоречиво, т. е. не соответствует реальности, просто ложно.

Но и с точки зрения законов логики данный тезис является ложным. Как из вывода о том, что мораль может противоречить праву, следует представление о различных сферах применения норм морали и права? В этом нет никакой логики. Логическое следование отсутствует. Если верить заверениям судьи Холмса, юриспруденция не исчерпывается логикой, однако не в такой же степени [2]. Если нечто вступает в отношения противоречия друг с другом (например, на уровне регуляции поведения), то это нечто имеет одну и ту же сферу применения, потому что противоречие формулируется как понятие, которое возникает, когда не соблюдается условие взаимоисключения исчерпывающих друг друга альтернатив. Если бы эти альтернативы не исключали друг друга, они не относились бы к одной и той же концептуальной области.

В тезисе об отсутствии связи между правом и моралью скрывается нечто иное. Это не результат эмпирического исследования или достоверного логического построения, это результат внутренней юридической идеологии, а именно представления о том, что «законодатель всегда прав» [3, с. 55]. Поэтому и мораль надо вытеснить как можно дальше за пределы сферы действия права, чтобы ее притязания не были действительными.

Если нормы морали будут влиять на законы, чего нам ждать? А ждать нам следует того, что, по мнению И. Бенгама, «каждый закон или предписание, лишаящие человека наслаждения жизни или свободы, будут не исполняться. Такая ситуация будет происходить с любым законом, предполагающим принуждение. Таким образом, в качестве примера, для каждого лица, так защищенного, любое предписание, например связанное с выплатой налогов или долга или чего-нибудь еще, не будет исполняться: в результате эффекта исполнения этого закона, включающего „ограничение и лишение“ свободы – свободы платить или не платить, когда лицо посчитает нужным» [1, р.248].

Законодательство РФ закрепляет возможность воздействия норм морали на право в нескольких отношениях. Во-первых, право охраняет определенные фундаментальные нормы морали, а это значит, что, руководствуясь моральными соображениями, можно ограничивать ту или иную сферу общественных отношений. Это закреплено в ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ, которая устанавливает возможность ограничения прав и свобод законом, в том числе исходя из целей защиты нравственности, что и наблюдается в отдельных отраслях права, например в

уже обсуждавшейся ст. 130 УК РФ «Оскорбление» или гл. 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». Во-вторых, что представляется более важным, юридическая система РФ выстроена в соответствии с определенными принципами, природа которых носит неоднозначный и не до конца юридический характер, что позволяет их обозначать как «результат юридикации этических постулатов» [6, с. 71] или в общем как «единение права и морали» [17]. Неоднозначность принципов права проявляется в их «абстрактном» и «универсальном» характере. Абстрактность раскрывается в плане отсутствия эмпирического содержания, т. е. принципы права не соотносятся с конкретным классом событий, действий или лиц. В то же время универсальность состоит в отсутствии каких-либо специальных условий, оговаривающих их применение, принципы права являются безусловными. Эти свойства логически сближают принципы права с моральными максимами.

В юридической литературе традиционно считается, что «принципы права представляют собой основополагающие начала, идеи права, выражающие его сущность... Право не может существовать и развиваться без важнейших отправных положений, определяющих его предназначение и тенденции развития» [16, с. 23]. Несмотря на ясность предоставленного определения, остается не до конца понятным, насколько жестко принципы права детерминируют правоприменительную, правотворческую и иную правовую деятельность вообще. Эта неопределенность может быть продемонстрирована на примере утверждений уже другого исследователя: «В правоведении выделяются прежде всего принципы, сформулированные учеными-юристами, которые выступают в виде фундаментальных идей и идеалов, отражающих достижения правовой мысли, практического опыта, объективные закономерности развития общества. Указанные принципы составляют важнейшую часть научного и профессионального правосознания, юридической политики и не являются обязательными для субъектов права. Помимо этого существуют обособленные принципы права, под которыми следует понимать исходные нормативные руководящие начала (императивные требования), определяющие общую направленность правового регулирования общественных отношений» [11].

Противоречивость в понимании принципов права в современной юриспруденции заключается в характеристике принципов права, с одной стороны, как руководящего нормативного начала для генезиса норм права, а с другой – как абстракции, которая появляется только с наличием развитой юридической системы: «...построения принципов права должны осуществляться и исходить из юридической, главным образом правоприменительной практики» [15, с. 4]. Или: «Принципы права, в отличие от конкретных юридических норм, больше зависят от состояния правовых знаний. Они возникают лишь на определенном этапе правогенеза, непосредственно связанном с появлением развитого юридического мышления, в то время как правовые нормы в ряде случаев возникали стихийно, в ходе повседневной практической деятельности людей» [11].

То есть, по сути, утверждаются два противоположных тезиса:

- 1) принципы права определяют юридическую практику (например, правоприменительную или правотворческую);
- 2) принципы права абстрагируются из юридической практики («главным образом правоприменительной практики», по словам процитированного выше Е. В. Скурко).

Ясно, что если принцип права абстрагируется из определенной юридической практики, то он является производным от нее, т. е. не может быть нормативным началом для ее возникновения, потому что сам формулируется из анализа содержания уже существующих на данном этапе норм права. Например, принцип определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы не может одновременно детерминировать появление новых норм права и абстрагироваться из содержания уже существующей юридической системы. Причина чего-либо не может быть производной от следствия, которое она произвела, потому что она должна существовать до появления следствия, а не выводиться из него. Если принципы права будут выводиться из сложившейся системы законодательства, они не будут являться приоритетными по отношению к этим нормам права, а вследствие этого не могут быть нормативным началом для них.

Анализируемое противоречие, которое появляется при рассмотрении принципов права, возникает из их нестандартной нормативной природы. Принципы права, которые содержатся в юридической системе РФ, обладают смешанным и, как отмечалось, не до конца юридическим характером. Вопрос о том, как применять эти принципы на практике в логическом отношении, эквивалентен этическому вопросу типа «что мне делать, чтобы быть справедливым?». И в первом и во втором вопросе возникает проблема правильной интерпретации, т. е. понимания того, какие действия нужно предпринять, чтобы следовать выбранной максиме или принципу. Отсюда и возникает отмеченное выше противоречие в понимании принципов права, когда в одном отношении эти принципы лежат в основании юридической системы, а в другом их универсальное содержание должно наполниться конкретным смыслом для того, чтобы его можно было использовать и понимать.

Однако в самом вопросе, как применять принципы права на практике, содержится логическое («категориальное») заблуждение. Принципы, как и максимы, если принимать во внимание их универсальную и абстрактную природу, не могут применяться на практике – это не входит в их категориальное предназначение. Принципы права, так же как и максимы морального поведения, относятся к логическому классу метаправил, но это метаправила, которые применяются не индивидом, а государством и должностными лицами². Принципы права – это ядро политической морали государства. Сфера регулирования принципов права – это процесс создания, концептуализации норм права, а не само по себе практическое поле. Конечно, через соответствующий отбор норм права принципы имеют влияние на практику, однако это косвенное, а не непосредственное влияние.

Судья Г. А. Гаджиев заметил: «„Право из принципов“ может либо содержать напутствие законодателю, некую разновидность рамочного правового регулирования, либо корректировать законодательные нормы в свете конституционных принципов» [6, с. 71]. В этом отношении показательна практика Конституционного суда РФ по «корректировке законодательных норм в свете конституцион-

² Имеется в виду, которые должны применяться, а то, как происходит применение на самом деле, – это другой вопрос. Если для индивидуального субъекта эта проблема обозначалась как проблема гетерономии воли, то, по аналогии, для государства эта проблема может быть обозначена как проблема гетерономия политической воли. Коррупция, лоббирование законов и безответственность должностных лиц – это частные проблемы гетерономии политической воли (гетерономии воли должностных лиц).

ных принципов», которая проверяет смысл законодательной нормы или смысл, который ей придается исходя из правоприменительной практики, на соответствие данным принципам и Конституции РФ (ст. 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации»).

С политико-философской точки зрения особый интерес представляют такие принципы права, как справедливость, добросовестность, общее благо и разумность. Официальная трактовка принципов права, которую предоставил Конституционный суд РФ, такова: «Эти принципы обладают высшей степенью нормативной обобщенности, определяют содержание конституционных прав человека, отраслевых прав граждан, носят универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений. Общеобязательность таких принципов состоит как в приоритетности перед иными правовыми установлениями, так и в распространении их действия на все субъекты права» [14]. Более того, с постановлением Пленума Верховного суда РФ от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» некоторые сделали вывод, что общепризнанные принципы становятся скорее реальным, чем мифическим источником судебной практики. И последние постановления Конституционного суда РФ с использованием риторики принципов права подтверждают эти смелые выводы [11]. По мнению Конституционного суда РФ, правосудие только тогда выступает гарантией прав и свобод, когда отвечает требованиям справедливости и «основанным на нем конституционным гарантиям судебной защиты прав и свобод человека» (ст. 19, 46, 47 и 123 Конституции Российской Федерации).

Учитывая, что толкование Конституционным судом РФ норм права и выявленный в этом процессе конституционно-правовой смысл являются общеобязательными³, для Российской системы права такие неформальные принципы, как принципы справедливости⁴, разумности, общего блага, становятся основополагающими.

Конечно, не все согласны с такой смелой точкой зрения, на что неоднократно обращала внимание профессор Т. Г. Морщакова: «Это общеизвестный уже факт, что решения Конституционного Суда не принимаются с большой очень радостью другими судебными структурами, и, более того, во многих случаях встречают определенное сопротивление, не принимаются ими» [5]. Это сопротивление происходит не только на уровне практики правоприменения, но и в теории.

Такой известный специалист в области философии права, как В. В. Лапаева, применительно к проблеме ограничения прав и свобод человека пишет: «Теперь уже Конституционный Суд без достаточно ясных правовых критериев решает, соразмерны ли ограничения того или иного права соответствующим конституци-

³ Для некоторых экспертов это служит основанием для утверждения, что российская судебная система движется в сторону прецедентного права англо-саксонских стран: «Еще дальше в сторону прецедента российская судебная система пошла с созданием Конституционного суда РФ, предоставив ему право давать общеобязательное толкование Конституции РФ и признавать неконституционными нормы законов» [4].

⁴ Следует отметить, что принцип справедливости оказался формально закрепленным в системе уголовного законодательства РФ (ст. 6 УК РФ). Однако там он носит характер частного отраслевого принципа и не является основополагающим для остальной системы права.

онным ценностям и сохраняется ли при этом существо и реальное содержание права». И добавляет: «Между тем Конституционный Суд не обладает такими полномочиями. Он может восполнять пробелы конституционного текста лишь путем толкования конституционных положений. Это означает, что критерии правомерности ограничения прав человека должны не привноситься судом из собственной практики или практики европейского правосудия, а выводиться из текста Конституции РФ» [9, с. 108].

То есть, в сущности, критикуется именно та позиция Конституционного суда РФ, которая и приводит к постулированию и превращению неформальных источников права в теоретическую основу Конституции РФ и всей правовой системы (хотя формально они не закреплены ни в Конституции, ни в иных законодательных актах). Дискуссии подобного толка характерны и для других стран, где судам предоставляется определенная свобода действий и усмотрения. Например, Лернд Хэнд, один из последователей Оливера Холмса, характеризовал судей, которые часто апеллировали к моральному прочтению конституции (а в данном случае это равносильно признанию неформальных принципов права основой Конституции РФ), как *a bevy of Platonic guardians*, т.е. «корпусом стражей Платона» [12].

Однако, как кажется, более подходяще их обозначать не в качестве стражей, а в качестве мудрецов-философов. Ведь, по верному замечанию профессора Т. Г. Морщаковой, руководствоваться принципами права в интеллектуальном плане намного сложнее, чем просто обычными нормами. Это требует мудрости и ума: «На самом деле, общеправовые принципы не так легко извлекаемы, как те или иные нормы, из законодательного текста. Общеправовые принципы очень трудно извлечь и трудно ими руководствоваться. Именно поэтому часто обращаются к требованию подчинения суда закону, потому что это, конечно, гораздо более доступно и, я бы даже сказала, гораздо более удобно, в том числе и для представителей судебной власти это много проще» [9, с. 108].

На самом деле трудно считать, что Конституционный суд РФ является воплощением идей Платона об идеальном государстве. Но параллели между ними есть, идеальное государство Платона и Конституционный суд РФ стремятся к одной и той же цели – к справедливости, – потому что без нее невозможно как нормальное функционирование государства, так и эффективное правосудие.

Из сказанного можно сделать вывод, что сегодня наблюдается существенное расхождение между стратегическим курсом на превращение российского государства в социальное, заложенным в основание общей стратегии модернизации, и тенденцией к наращиванию российским государством своего правового потенциала. Вопросы справедливости и морали заметно конфликтуют с основной направленностью развития законодательного процесса, в котором отражается тенденция решения основных модернизационных проблем с учетом интересов государства, тогда как общество выглядит простым потребителем достигнутых решений.

Список использованной литературы:

1. *Bentham J.* An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. Kitchener, 2000.
2. *Holmes O.W.* The Path of the Law. The Floating Press, 2009.
3. *Бондарь Н. С.* Философия российского конституционализма : в контексте теории и практики конституционного правосудия // Философия права XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. М., 2010.

4. Выступление Председателя ВАС А. А. Иванова на Третьих Сенатских чтениях «Речь о прецеденте». URL : <http://www.ksrf.ru> (дата обращения : 14.01.2011).
5. Выступление профессора Т. Г. Морщаковой на Вторых Сенатских чтениях «Верховенство права и независимость судебной власти». URL : <http://www.ksrf.ru> (дата обращения : 19.01.2011).
6. *Гаджиев Г. А.* Предмет конституционной экономики // Очерки конституционной экономики. 23 октября 2009 года. М., 2009.
7. *Дворкин Р.* О правах всерьез / пер. с англ. ; ред. Л. Б. Макеева. М., 2004.
8. *Зорькин В. Д.* Тезисы о правовой реформе в России // Очерки конституционной экономики. 23 октября 2009 года. М., 2009.
9. *Лапаева В. В.* Критерии ограничения прав человека с позиций либертарной концепции правопонимания // Журнал российского права. 2006. № 4.
10. *Монтескье Ш.* О духе законов. Избранные произведения. М., 1966.
11. *Морхат П. М.* Принципы права : нравственное содержание // Гражданин и право. 2007. № 10.
12. Писатели США. Краткие творческие биографии / сост. и общ. ред. Я. Засурского, Г. Злобина, Ю. Ковалева. М., 1990.
13. Постановление Конституционного суда РФ от 21 апреля 2010 г. № 10-П/2010. URL : <http://www.ksrf.ru> (дата обращения : 13.01.2011) ; Постановление Конституционного суда РФ от 22 июня 2010 г. №14-П/2010. URL : <http://www.ksrf.ru> (дата обращения : 13.01.2011).
14. Постановление Конституционного суда РФ от 27 января 1993 г. № 1-П. URL : <http://www.ksrf.ru> (дата обращения : 17.01.2011).
15. *Скурко Е. В.* Принципы права в современном нормативном правопонимании. М., 2008. С. 4.
16. *Суменков С. Ю.* Принципы права и исключения в праве : аспекты соотношения // Государство и право. 2009. № 5. С. 23.
17. *Фуллер Лон Л.* Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой ; под ред. А. Куряева. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2007.

А. А. Вилков

КОНФЛИКТ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И КАЧЕСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ

Проблема конфликта количественных и качественных параметров партийной системы появилась вместе с формированием партий как важнейшего демократического института. Суть ее состоит в том, каким образом соединить функциональность партий как института гражданского общества (на основе отражения максимально большого количества разнообразных интересов граждан) с функциональностью партий как политического института, которые ориентированы на агрегированное представительство в государственных выборных структурах интересов крупных социальных групп. То есть диалектическая сущность партий как института одновременно гражданского общества и политической системы объективно порождает две тенденции. Первая тенденция отражает потребность в количественном наращивании политического представительства структур гражданского общества, вторая – стремление политической системы к равновесию, стабильному и предсказуемому развитию, которое становится невозможным в случае активной деятельности максимально большого количества партий и общественных организаций как субъектов политических отношений. Данная тенденция реализуется посредством нормативно-правовых и иных механизмов фильтрации партийной системы для выявления и легитимации наиболее успешных акторов политической жизни. Нахождение баланса взаимоотношений

двух данных тенденций раскрывается выбором того или иного типа партийной системы.

Само понятие многопартийности традиционно рассматривается как важнейшее атрибутивное свойство демократии. Однако историческая практика не раз демонстрировала, что количественные показатели сами по себе не являются определяющим признаком демократической политической системы. Проблема качества функционирования многопартийности определяется вовсе не наличием как можно большего количества партий, но совокупностью тех принципов, на базе которых выстраиваются взаимоотношения партий одна с другой, обществом и государством.

Например, строительство социализма в ГДР, Венгрии, Польше, Болгарии после Второй мировой войны формально основывалось на многопартийности, но руководящая и направляющая роль в общественно-политической системе конституционно была закреплена за СЕПГ, ВСРП, ПОРП, БСП. Это наглядный пример одного из вариантов конфликта между количеством партий и качеством их функциональности с точки зрения демократии. Результатом данного конфликта были минимизация конкуренции (а по ряду принципиальных вопросов и ее полное отсутствие), ослабление представительных и иных функций политических партий как института, связывающего сферу гражданского общества и политику. Это вариант декоративной (выхолощенной) многопартийности, который прикрывал реальную диктатуру социалистической партии.

Второй вид сложного и многомерного конфликта между количественными и качественными показателями многопартийности пережила Россия в первой половине 1990-х годов. Этот конфликт стал отражением болезни роста и становления российской многопартийности. После разрушения СССР и однопартийной политической системы Б. Н. Ельцин и его сторонники стремились создать нормативно-институциональные предпосылки для максимально облегченного появления партий и общественно-политических движений. Фактически инициатива граждан в деле партийного строительства могла быть реализована при соблюдении минимальных формальных предварительных условий. В результате произошел всплеск, «вулканический выброс» политической активности и регистрации общественно-политических движений, который привел к тому, что в выборах в Государственную думу 1995 года приняли участие 43 избирательных объединения, а право на участие в выборах общенационального уровня имело более 250 общественно-политических объединений. Всего к концу 1990-х годов, по данным министерства юстиции, в России насчитывалось свыше 75 тыс. разного рода партий и движений [1].

Однако такой количественный прирост реальных и потенциальных субъектов политики неизбежно обусловил проблему качества функциональности российской многопартийности. Классический набор функций партий как института гражданского общества, представляющих многообразие разных социальных групп, формально (с точки зрения институционального структурирования, артикуляции и агрегирования данных интересов) оказался реализованным. Однако выполнение важнейшей конечной задачи, которая логически должна завершать обозначенные выше функции и без которой становятся формальными все остальные, – перенесение агрегированных программ в сферу политики и представительство социальных интересов в выборных государственных и муниципальных органах – столкнулось с существенными проблемами.

Часть этих проблем была порождена тем, что после распада СССР значительная часть представителей бывшей советской и партийно-хозяйственной элиты, так же как и активисты различных общественных организаций, стала использовать процедуру создания партий и выборные механизмы как эффективные каналы своего продвижения в политике в новых условиях. Латентные механизмы внутрипартийной конкуренции, характерные для советской политической системы, были заменены на публичные механизмы. Конкуренция в публичной сфере была непривычной для вчерашних советских граждан, поэтому волна демократических преобразований неизбежно подняла на поверхность «мутную пену» демагогов и популистов, обещавших в случае их избрания на ту или иную должность «золотые горы» всевозможных улучшений в жизни каждого гражданина. Пример такого популизма показал сам Б. Н. Ельцин, пообещав «лечь на рельсы» в том случае, если проводимые под его руководством рыночные реформы не приведут в кратчайшие сроки к повышению жизненного уровня большинства населения. Этот популизм изначально заложил основу конфликта между нормативно закреплёнными функционально-институциональными параметрами молодой российской многопартийности и ее реальными характеристиками.

Суть его состояла в ключевом дефекте, определяемом расхождением между декларируемыми и практическими принципами функционирования российских партий. Публично лидеры заявляли (и заявляют) о социальной направленности своих партий, тогда как на практике они служили инструментом защиты интересов нарождающегося класса собственников, которым нужна была политико-правовая легализация грабительской приватизации. Поэтому впечатляющие количественные параметры становления многопартийности в постсоветской России не привели к их фильтрации по качественным основаниям, связанным с интересами большинства населения. Неслучайно на протяжении всего постсоветского периода политические партии так и не завоевали высокого статуса доверия в общественном мнении населения (по признанию большинства ведущих социологических центров, положительно воспринимает данный институт не более трети российских граждан).

Вторая часть проблем конфликта формальной и реальной функциональности партий порождена институциональным дизайном российской политической системы, который был закреплён в результате принятия Конституции РФ в 1993 году при самой активной поддержке либерально ориентированных политических сил того периода. Суть его состоит в институциональном «перекосе» элементов политической системы, в конституционно закреплённом дисбалансе взаимодействия ветвей власти в пользу президента Российской Федерации, а соответственно, и в дисбалансе функционирования механизмов «сдержек и противовесов».

В соответствии с таким дизайном политические партии в современной России изначально лишены возможности полностью отвечать за реализацию своих программ, поскольку стратегия общественно-политического и социально-экономического развития страны определяется прежде всего президентом РФ. Несмотря на сложные процедуры двойного назначения правительства (по представлению президента и на основе согласования с парламентом), реальная возможность формирования партийного правительства в современной России отсутствует. Рычаги воздействия президента на парламент вполне действенны, в то время как парламентский контроль деятельности президента конституционно

существенно осложнен и ограничен. В этой связи любая российская партия, даже имея простое большинство в парламенте, не может воплотить предвыборных обещаний в жизнь без согласования своей политики с администрацией Президента Российской Федерации. Поэтому полноценное воплощение партийной стратегии политических и социально-экономических преобразований в стране зависит прежде всего от победы кандидата от партии на президентских выборах.

Однако постсоветская история показывает, что реально шанс победить на основе честных выборов у Г. А. Зюганова как оппозиционного партийного кандидата от КПРФ был лишь единожды, в 1996 году, когда большинство населения ощутило на себе крайне негативные последствия рыночных преобразований. Тем не менее в ходе предвыборной кампании совместными информационно-коммуникационными усилиями всего либерально ориентированного российского сообщества на выборах к победе был буквально проташен, как верблюд сквозь игольное ушко, Б. Н. Ельцин. В результате был дискредитирован еще один фундаментальный институт демократии – механизм политической конкуренции.

Суть дискредитации состоит в том, что многопартийность и состязательность субъектов электоральных процессов выступают базовыми предпосылками демократии, составляя субъектную и функциональную основу института политической конкуренции. Однако само по себе наличие некоего количества публично состязающихся субъектов политики еще не является гарантией эффективного функционирования механизма политической конкуренции. Для этого она должна осуществляться на основе совокупности определенных принципов – равенства условий деятельности, доступа к СМИ и др. Но самое важное условие демократической политической конкуренции – это возможность прихода к власти системной оппозиции на основе волеизъявления граждан в ходе выборов. В постсоветской России такого прецедента у оппозиции не было ни разу, даже тогда, когда для этого были серьезные основания и социальные ресурсы. Ни разу оппозиция в постсоветской России не получала возможности осуществить альтернативный курс в результате волеизъявления народа на выборах. Объяснение причин этого представляет собой отдельную сложную и очень многогранную тему, но в рамках данной статьи важно подчеркнуть тезис об ответственности либеральных сил за дискредитацию в 1990-е годы многих институтов демократии, формализм и имитационные параметры которых в 2000-е годы обратились уже и против самих либералов. Но заложены они были в результате политического содействия и поворота сегодняшних либеральных критиков «авторитарного режима».

Либерализация российской многопартийности в последний период привела к тому, что на август 2013 года Минюстом РФ зарегистрировано 73 политические партии. Десятикратное увеличение количества институализированных субъектов политики создает определенные предпосылки для представительства интересов разных социальных групп, но одновременно вновь актуализирует проблему конфликта между количественными и качественными параметрами российской партийной системы. От 1990-х годов ситуация принципиально отличается тем, что администрация Президента Российской Федерации обладает большими ресурсами для целенаправленного воздействия на тот или иной сегмент партийного пространства, чтобы сохранить контроль большинства в Государственной думе. Таким образом, проблема имитации политической конкуренции в современной России остается важнейшим слабым местом во взаимодействии власти и общества.

Тем не менее изменение количественных параметров многопартийности объективно создает условия для усложнения политической системы в стране и вариативности развития ситуации на выборах любого уровня. Появление новых и активизация партийных лидеров «старых» партий делают выборы более непредсказуемыми, но значительно ослабляют накопившиеся претензии к доминированию партии власти.

Обозначенный конфликт между количеством и качеством партийной системы может быть формально разрешен на основе привычных и проверенных технологий административной поддержки (или переформатирования) пропрезидентских партий и целенаправленного инструментального использования партий-спойлеров. Опыт прошедших осенью 2012 года региональных выборов показал, что продолжает доминировать модель имитации политической конкуренции, сохраняющая существующий механизм обеспечения преемственности и стабильности власти. Однако данный вариант не разрешит проблемы реального представительства интересов населения в политике и не повысит уровня доверия российских граждан к партиям и институту выборов в целом. Более сложной, но стратегически более предпочтительной видится модель, когда самостоятельные партии все же получают реальный доступ к выборам всех уровней и получают возможность предлагать обществу альтернативные варианты решения накопившихся проблем. Парламенты в этом случае будут политически более пестрыми и конфликтными, но зато неизбежно возрастет уровень представительства интересов разных групп населения, а следовательно, и легитимности данных институтов.

Список использованной литературы:

1. Независимая газета. 1999. 2 июл.

М. А. Волкова

ПРАВО ИЗБИРАТЬ И БЫТЬ ИЗБРАННЫМ В ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ГАРАНТИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА УЧАСТИЕ В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА

Для воплощения в реальность отношений конституционных норм, закрепляющих возможность многонационального народа России осуществлять свою власть непосредственно, а также через органы публичной власти, необходима действенная система гарантий реализации права граждан на участие в управлении делами государства. Права и свободы человека и гражданина, закрепленные в Конституции и нашедшие продолжение в законодательстве Российской Федерации, могут превратиться в пустую декларацию, если их реализация не будет гарантирована материально и юридически.

Поэтому и в юридической науке вообще, и в науке конституционного права применительно к правам граждан часто говорят об их механизме реализации и защиты, особое место в структуре которого занимают гарантии – различные средства, способствующие или создающие условия для их реализации. Предназначение гарантий состоит в том, что они направлены на соблюдение, обеспечение, реализацию и защиту права, помогают воплотить в реальную жизнь нормы законодатель-

ства, показывают степень демократичности общества, уровень его развития, правового сознания населения, создают возможность пользоваться правами, удовлетворять интересы и надежно защищать их.

Огромное теоретическое и практическое значение для исследования системы конституционно-правовых гарантий осуществления власти народа, в том числе и права на участие в управлении делами государства в современной России, имеют труды, посвященные гарантиям прав и свобод человека и гражданина и гарантиям законности. Комплексное исследование в области конституционно-правовых гарантий непосредственной власти народа осуществлено В. Т. Кабышевым [1].

Под гарантиями большинство ученых понимает условия и средства, обеспечивающие фактическую реализацию, всестороннюю охрану прав и свобод всех и каждого. Понятием «гарантии» охватывается вся совокупность объективных и субъективных факторов, которые направлены на реализацию и всестороннюю охрану прав и свобод граждан, на устранение возможных причин и препятствий их неполного или ненадлежащего осуществления и защиту прав от их нередкого в наши дни нарушения.

Любое конституционное право в его реализации гарантировано целой системой средств. Без комплексного обеспечительного воздействия невозможно добиться высокой степени претворения конституционных прав в общественных отношениях.

Конституционно-правовые гарантии права гражданина на участие в управлении делами государства обладают свойствами устойчивости, целостности, организованности, функциональности, взаимодействия, структурности. Но основным свойством системы гарантий реализации указанного права является их всеобщность, основанная на праве каждого защищать свои права всеми способами, не запрещенными законом и не противоречащими ему. Что касается структурных элементов системы гарантий этого права, к ним можно отнести условия, средства и процедуру обеспечения участия граждан в управлении делами государства. Как справедливо отмечает Л. Д. Воеводин, любой юридический феномен может рассматриваться в качестве правовых гарантий, если он способствует претворению в жизнь основных прав и свобод [2, с. 41].

Важнейшей гарантией права на участие в управлении делами государства является право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления. Граждане РФ участвуют в выборах на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, свободно и добровольно.

Всеобщее равное избирательное право подтверждается и гарантируется международными документами. Так, в Конвенции о правах инвалидов [3], которая для России вступила в силу 25 октября 2012 года, закрепляется, что государства-участники гарантируют инвалидам политические права и возможность пользоваться ими наравне с другими и обязуются обеспечивать для инвалидов: 1) возможность эффективного и всестороннего участия, напрямую или через свободно выбранных представителей, в политической и общественной жизни наравне с другими, и в том числе право и возможность голосовать и быть избранными посредством обеспечения того, чтобы процедура, помещения и материалы для голосования были подходящими, доступными и легкими для понимания и использования; 2) защиту права инвалидов на участие без запугивания в тайном голосовании на выборах и публичных референдумах, а также на выдвижение своих кандидатур

для выборов, фактическое занятие должностей и выполнение всех публичных функций на всех уровнях государственной власти с использованием ассистивных и новых технологий там, где это уместно; 3) гарантированность свободного волеизъявления инвалидов как избирателей и с этой целью удовлетворения, когда это необходимо, их просьб об оказании им каким-либо лицом по их выбору помощи с голосованием; 4) активное содействие созданию обстановки, в которой инвалиды могли бы эффективно и всесторонне участвовать в управлении государственными делами без дискриминации и наравне с другими, и поощрение их участия в государственных делах, включая участие в неправительственных организациях и объединениях, работа которых связана с государственной и политической жизнью страны, в том числе и в деятельности политических партий и руководстве ими.

В некоторых профильных федеральных законах право граждан России избирать и быть избранными дублируется, но уже в отношении конкретной группы населения. Например, Федеральный закон «О статусе военнослужащих» закрепляет за военнослужащими право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, участвовать в референдуме, а также в других формах осуществления местного самоуправления[4]. Федеральный закон от 25 июля 2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»[5] устанавливает право иностранных граждан, постоянно проживающих в Российской Федерации, избирать и быть избранными в органы местного самоуправления, а также участвовать в местном референдуме.

Стоит отметить, что провозглашенное на конституционном уровне всеобщее избирательное право не исключает определенных ограничений. Так, активное избирательное право у граждан России возникает с 18 лет. Реализация пассивного избирательного права, а именно права быть избранным, зависит от уровня выборов (федеральный, региональный, местный, выборы Президента РФ и т. д.)

Ограничения касаются не только возрастного ценза, но и ценза оседлости. Так, в целях приобретения необходимых знаний о Российской Федерации, ее традициях, обычаях, интересах, особенностях, необходимо постоянное проживание на территории страны в течение 10 лет – это установленный Конституцией РФ минимальный срок для гражданина, претендующего на пост Президента. Ограничение избирательных прав касается и граждан, не способных вследствие психического расстройства понимать значение своих действий или руководить ими, а именно признанных судом недееспособными, а также лиц, содержащихся под стражей по приговору суда, ограниченных в осуществлении своих гражданских прав.

В декабре 2012 года был принят новый Федеральный закон «О порядке формирования Совета Федерации Федерального собрания РФ»[6]. Однако полностью отразить в нем народное представительство не удалось, поскольку сенаторы – это представители всей нации и их предназначением в первую очередь является выражение интересов и осуществление защиты населения субъекта Федерации, а также содействие вовлечению граждан в процесс выработки и принятия публично-властных решений.

В демократическом государстве необходим надежный конституционный механизм, обеспечивающий постоянное участие населения в законодательном процессе. Именно подлинно народное волеизъявление делает законодательный орган действительно представительным, а гарантия избрания Совета Федерации на основе свободных всеобщих равных и прямых выборов при тайном голосовании поз-

воляет сохранить реальное содержание конституционного права гражданина избирать и быть избранным в органы законодательной (представительной) власти, существо народного представительства, а также стать действенной гарантией права граждан на участие в управлении делами государства.

Также в определенной мере ограничивают право граждан на участие в управлении делами государства положения Федерального закона от 2 апреля 2013 № 30-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7]. Так, измененный Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» содержит указание на то, что субъекты РФ могут заменить прямые выборы процедурой избрания главы региона депутатами законодательного органа власти субъекта РФ из числа кандидатур, внесенных Президентом РФ по представлению политических партий. Разработчиками закона указано, что данные изменения призваны учитывать региональное многообразие Российской Федерации и направлены на обеспечение устойчивого социально-экономического развития субъектов Федерации и сохранение международного мира и согласия.

Данное решение оправдано, но только в тех республиках, где прямое голосование может привести к разжиганию межэтнической розни, к международным конфликтам, межконфессиональным противоречиям и поставить под угрозу государственную безопасность. Так, в Дагестане, Ингушетии уже внесены поправки в Конституцию республик об избрании главы региона парламентом. Но стоит отметить, что при введении альтернативы в вопросе выборов высшего должностного лица субъекта Российской Федерации ставится под сомнение действительность принципа единства системы государственной власти, а также всеобщности избирательного права. Неслучайно президент РФ, выступая на Совете законодателей, отметил, что «Россия большая, и правила игры должны быть едины для всех 83 регионов» [8].

Таким образом, право избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления создает условия и является средством реализации права граждан на участие в управлении делами государства. Однако, будучи одним из конституционных прав граждан, оно предполагает определенные ограничения, устанавливая которые, законодатель должен иметь четкие представления о том, что оно выполняет гарантирующую функцию по отношению к другому комплексному конституционному праву. Поэтому оно должно иметь четкие пределы ограничения, позволяющие ему быть действенной конституционно-правовой гарантией.

Список использованной литературы:

1. Кабышев В. Т. Правовые институты и конституционные гарантии непосредственного социалистического народовластия в советском государстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1969.
2. См.: Юридические гарантии конституционных прав и свобод личности в социалистическом обществе / под ред. Л. Д. Воеводина. М., 1987.
3. Конвенция о правах инвалидов (заключена в Нью-Йорке 13 декабря 2006 года). Россия подписала Конвенцию 24.09.2008 (Распоряжение Президента РФ от 05 августа 2008 № 450-рп), ратифицирована (Федеральный закон от 03 мая 2012 № 46-ФЗ). Ратификационная грамота передана на хранение Генеральному секретарю ООН 25 сентября 2012. Конвенция вступила в силу для России 25 октября 2012 // СЗ РФ. 2013. № 6. Ст. 468.
4. СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.
5. СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

6. О порядке формирования Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 03 декабря 2012 г. № 229-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. 4). Ст. 6952.
7. СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1638.
8. Заседание Совета законодателей. Москва. Кремль. 13 декабря 2012 г. URL : <http://президент.рф/новости/17125> (дата обращения : 1.04.2013).

С. В. Володина

МЕЖПАРТИЙНЫЙ ДИАЛОГ : ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ КОНФЛИКТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Залогом конструктивной эволюции общества и государства, особенно в периоды существенных социально-политических и экономических преобразований, является постоянство политического диалога. Любая трансформация всегда сопряжена с появлением новых конфликтов, поэтому их цивилизованное разрешение, которое устроило бы самые разные социальные группы, нахождение оптимального пути дальнейшего развития общества и государства – задача, решаемая лишь в рамках такого диалога. Исторический выбор нашей страны – развитие демократической модели государства, к которому Россия пришла путем непростых перипетий. Реалии сегодняшних дней – это фактически новый этап российской истории, требующий консолидации общества и государства для решения общих задач. Одна из глобальных задач, поставленных историей перед нами – цивилизованное развитие выбранной модели политического устройства, т. е. всесторонняя поддержка и содействие демократии со всеми ее традиционными институтами, адаптированными к российской действительности. Сложившаяся в сегодняшней России экономическая и социальная ситуация требует активного участия в ней политических сил, при этом лишь их консолидированное действие способно решать поставленные современностью проблемы. Самоизоляция политических сил серьезно затормозит стабильное развитие демократических процессов.

На новом этапе исторического развития перестают действовать методы управления, эффективно работавшие в прошлом. Новые реалии требуют выработки таких политических решений, которые будут иметь объединяющее значение для максимального числа институтов гражданского общества. Основные субъекты политического процесса в сегодняшней России требуют модернизации и адаптации к стремительно трансформирующейся политической системе в условиях становления гражданского общества.

Современная российская многопартийность находится на стадии своего формирования, ее субъекты – политические партии – являются активными участниками политических процессов. Поэтому анализ возможностей и условий межпартийного диалога приобретает все большую актуальность. Возможные модели развития российской многопартийности сегодня стали объектом внимания и изучения политологии и правоведения по вполне объективным причинам: от позиции партий, от их умения уловить тенденции социального развития и интересы граждан и реализовать их в конкретных практических действиях зависит продуктивность социально-экономического развития и становления демократических институтов.

Однако политическая система в России отнюдь не статична – это постоянное

движение и зарождение новых структурных форм. Поэтому перед нами встает непростая задача изучения постоянно трансформирующихся политических субъектов. Анализ тенденций и альтернатив трансформации политической системы – это в первую очередь рассмотрение внутреннего и внешнего развития политических партий и их взаимодействие между собой.

Сегодняшние социальные процессы связаны в первую очередь с проблемами самоидентификации страны. Исторический путь развития страны занимал российскую науку не одно столетие. Традиционный многовековой спор западников и славянофилов в условиях мировой глобализации приобретает качественно новое значение. Задача сегодняшней политической элиты – найти правильный баланс между положением России во всеобщей глобосфере, сохранить самобытность ее развития, для чего необходима выработка общих приоритетов. В целях их достижения будут осуществляться эффективное взаимодействие политических сил, действовать правила и стандарты, по которым эти силы станут взаимодействовать наиболее оптимально.

Российские внутривнутриполитические процессы складываются в рамках общемировых тенденций к созданию объединений и союзов. Политические объединения – это путь к успешному поиску компромиссов и закладка стабильной партийной системы в будущем. Следует отметить, что групповые политические субъекты – это еще и депутатские фракции и группы, представительные органы.

Острая политическая борьба партий и движений характеризует развитие парламентаризма и многопартийности. Процесс исторической трансформации, охвативший последние десятилетия, затронул абсолютно все российское общество. Критические точки бифуркации уже пройдены, российская государственность развивается конструктивно и поступательно. Но, в отличие от западных демократий, наша политическая система еще не устоялась до конца. В этих условиях необходима отладка механизмов конструктивного взаимодействия партий и политических движений для достижения согласия в общенациональных государственных вопросах.

Важно учитывать, что межпартийный диалог, направленный на преодоление конфликтов и нахождение консенсуса по стратегически важным вопросам, начинается уже в период выборов и продолжается в функционировании избранной власти. Поэтому очень важно уже на первоначальном этапе соблюсти такие конституционные принципы, как равенство и законность. Принцип равенства закреплён в Конституции РФ (ч. 1 ст. 19), где говорится, что все равны перед законом и судом. Данную статью применительно к вопросам о партиях можно трактовать так: партии между собой имеют одинаковые права и обязанности и в случае каких-либо споров или нарушений могут обратиться в суд за их разъяснением или урегулированием путем вынесения вердикта по спорной или конфликтной ситуации. Таким образом, соблюдение данных конституционных принципов, особенно во время выборов, будет определять законность всего политического процесса.

Следует отметить, что можно неоднократно наблюдать нарушение принципа равенства на ряде стадий избирательного процесса. Данный принцип не обеспечивается на таких стадиях, как выдвижение и регистрация кандидатов и списков кандидатов, предвыборная агитация, проведение голосования и распределение мандатов, а также финансирование выборов. Имеющиеся недостатки в избирательном законодательстве используются недобросовестными участниками как

избирательного, так и политического процесса в целом для достижения выгоды и преимуществ. Это обстоятельство не позволяет получить честные, справедливые результаты выборов, что создает риски межпартийного диалога и развитие политических конфликтов.

4 апреля 2012 года вступили в силу поправки в Федеральный закон от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ «О политических партиях», которые, по мнению многих экспертов, либерализуют существующее законодательство о партиях.

К таким важным пунктам можно отнести снижение минимальной численности членов партийной организации с 40 тыс. до 500 человек, упрощение порядка регистрации [1]. В связи с этим обстоятельством можно прогнозировать появление большого числа политических партий. Увеличение количества партийных организаций делает актуальной задачу регулирования их взаимодействия.

Принятые поправки – это законодательная реакция на изменение политической ситуации в стране, особенно в части дифференциации идейно-идеологического пространства, последствием чего будет увеличение числа партий. Также в результате принятых законодательных изменений от оппозиционных партий могут откалываться малые партии, находившиеся ранее в их структуре, что объясняется возможностью их отдельного функционирования.

Можно прогнозировать, что небольшие партии в условиях современной политики будут стремиться к консолидации, объединяясь в более крупные. Это будет императивом выживания в политике, что актуализирует вопрос межпартийного диалога, когда партийные организации в соответствии с обстоятельствами будут вынуждены договариваться между собой.

Список использованной литературы:

1. О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» : Федеральный закон от 02.04.2012 № 28-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 15. Ст. 1721.

М. Л. Воронкова

СПЕЦИФИКА РАЗРЕШЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И РЕЛИГИОЗНЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ В РОССИИ

Россия прошла трудный исторический путь развития, особенно во взаимоотношениях с религиозными объединениями. После крещения Руси начинается становление величайшего государства в мировой истории, а в его недрах идёт непрерывная борьба между языческими верованиями и укреплением православной государственности. А после падения монголо-татарского ига она становится мощным православным государством вплоть до прихода к власти большевиков. Нельзя сказать, что в период, когда православие являлось государственной религией, отношения между церковной и государственной властью были идеальными, ведь во многом именно конфликты между ними, утрата христианских ценностей как основополагающих и привели к событиям 1917 года. Отношение государства к другим верованиям в тот период было достаточно терпимым, насколько это возможно для государства с официальной религией.

Кардинальные изменения в государственно-конфессиональных отношениях произошли в советский период. К власти пришла богоборческая власть, кото-

рая всеми способами старалась уничтожить любую веру, всякое религиозное объединение. Особым нападкам подверглась Русская православная церковь. Но и в период жестоких гонений её патриархи и священнослужители старались не вступать в острый конфликт с властью, тем самым сохраняя себя как Церковь, всячески пытаясь служить русскому народу. В начале сороковых годов преосвященный Сергей (Воскресенский) говорил: «...работая в Патриархии, мы сравниваем своё положение с положением кур в садке, из которого повар выхватывает свою очередную жертву – одну сегодня, другую завтра, но не всех сразу. Мы прекрасно знали, что большевики терпят существование Патриархии только ради собственных выгод, преимущественно пропагандистских, и что нам приходится быть почти бессильными зрителями удушения Церкви большевиками. Но ради Церкви мы, всё же, мирились со своим униженным положением, веря в её конечную непобедимость и стараясь посылно сохранить её до лучших времён, до крушения большевизма» [5, с. 36].

В настоящее время в мире складывается нестабильная ситуация во взаимоотношениях многих государств, новых правительств с религиозными объединениями. Надо сказать, что постоянные конфликты часто приводят к многочисленным жертвам. Особенно это заметно на Ближнем Востоке. В Сирии, Египте, Турции и других странах христианское население подвергается жестоким гонениям. Когда в Египте к власти пришли «Братья-мусульмане», «...не менее 100 000 Коптов покинули Египет. Нападения на церкви, убийства священников среди бела дня, уничтожение имущества коптов стало обычным делом. После падения Мурси положение христиан Египта только ухудшилось. Копты стали заложниками конфликта между исламскими сторонниками и противниками режима Мурси. Когда армия и полиция начали активные действия против „Братьев-мусульман“, исламские экстремисты в ответ напали на христиан. Всего за 24 часа, начиная с 12 августа 2013 года, около 20 коптских церквей и других помещений было уничтожено сторонниками „Братьев-мусульман“» [4, с. 66].

В России же, наоборот, наступил достаточно спокойный период, когда государство старается сотрудничать с рядом религиозных объединений. В ней всячески оберегаются такие ценности, как свобода совести и религиозного вероисповедания, достойное отношение как к верующим, так и неверующим. В июне 2013 года был принят Федеральный закон № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты РФ в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» [2], а также внесены изменения в ст. 148 Уголовного кодекса Российской Федерации [1]. Это подтверждает бережное отношение государства к чувствам верующих людей.

Сегодня в России мирно сосуществует множество конфессий, и это большое достижение всего народа и государства в целом. Вероятно, поэтому в настоящее время конфликты возникают нечасто и носят в основном черты гражданско-правовых споров. Споры эти связаны с передачей религиозным объединениям ранее принадлежащего им имущества культового назначения.

Обычно споры возникают вокруг возвращения религиозным организациям зданий, занятых под музеи, а также памятников истории и культуры. Очень часто бывает, что государство не может выделить для выселяемых организаций и учреждений равноценных помещений либо работники памятников истории и культуры не хотят возвращать помещения религиозной организации, боясь, что они

не будут сохранены.

С середины 2000-х годов ряд таких дел привлек пристальное внимание широкой общественности. Так, в 2006 году правозащитники выступили против передачи ансамбля Рязанского кремля Московской патриархии. Очень сложная ситуация складывается с 2002 года на острове Валаам. Это уникальная монашеская обитель, которая сложилась там стараниями монахов почти сразу после крещения Руси. Сейчас на Валааме возрождена монашеская жизнь. Но в советское время туда были поселены миряне, которые и сейчас проживают на территории острова. Монастырь предоставляет им квартиры в Сортавале, ведь этот остров изначально был создан монахами, но жители покидать свои дома не собираются. Конечно, и государство и Церковь должны предоставить в Сортавале гражданам достойное жильё, на правах собственников этого жилья не дожидаясь решения Европейского суда по правам человека, в который сегодня подал иск Ф. Мускевич, высланный со всей семьёй из комнат внешнего каре Воскресенского скита. Не стоит монахам и теперь забывать о важном обете нестяжания, который они дают Богу при постриге.

В то же время следует напомнить, что с распадом Советского Союза и последующим изменением в государственно-конфессиональных отношениях Русская православная церковь не потребовала реституции принадлежащего ей ранее имущества, хотя имела на это полное право. Ещё в апреле 2008 года патриарх Алексий II на встрече с главой Федерального агентства по управлению федеральным имуществом Валерием Назаровым подтвердил, что Московский патриархат не станет и в дальнейшем поднимать вопрос о реституции. Такая позиция сохраняется до сих пор.

Сейчас действует Федеральный закон от 30 ноября 2010 года № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в федеральной или муниципальной собственности»[3]. Именно этот закон определяет порядок передачи религиозным организациям в том числе и недвижимого имущества, находящегося в собственности государства или муниципальных образований. Принятие данного закона поддержали представители православия, ислама и иудаизма, ведь с его появлением решились многие проблемы, возникающие у религиозных организаций в связи с передачей им отдельных зданий и их реставрацией.

Таким образом, будем надеяться, что со временем споры вокруг имущества религиозного назначения будут исчерпаны.

Список используемой литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954 ; 2013. № 27. Ст. 3477.
2. О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты РФ в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан : Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 26. Ст. 3209.
3. О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в федеральной или муниципальной собственности : Федеральный закон от 30 ноября 2010 года № 327-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 49. Ст. 6423.
4. *Ладынин И.* События в Египте : рост насилия и напряжённости // Журнал Московской Патриархии. 2013. № 9. С. 66.
5. *Соловьёв И.* Патриарх Сергей (Старгородский) : оправдавшиеся надежды // Журнал Московской Патриархии. 2013. № 9. С. 36.

ПРАВО НА СВОБОДУ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В СВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ : КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ

Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев в Послании народу Казахстана обратил внимание на вопрос религии в Казахстане в XXI веке: «Сегодня остро стоит вопрос нетрадиционных для нашего народа религиозных и псевдорелигиозных течений. Часть молодых людей слепо воспринимает этот чужой взгляд на жизнь, так как у части нашего общества слабый иммунитет к чуждому псевдорелигиозному воздействию. Наша Конституция гарантирует свободу вероисповедания, это – факт. Однако, как известно, безграничной свободы не бывает, это – хаос. Все должно быть в рамках Конституции и законов»[1].

Начиная с 2011 года Казахстан преследуют теракты на религиозной почве. Они охватили такие крупные города и областные центры, как Актобе, Атырау, Астана, Алматы, Тараз [2]. В городе Актобе 17 мая 2011 года 25-летний парень подорвал себя в здании Комитета национальной безопасности. 12 ноября 2011 года в городе Тараз Жамбылской области гражданином К. 1977 года рождения, являющимся приверженцем джихадизма, совершен ряд особо тяжких преступлений, повлекших гибель 7 человек, в том числе 5 сотрудников правоохранительных органов. Кроме того, ранено 3 сотрудника органов внутренних дел.

Аналитики составили обобщенный портрет казахстанского террориста, используя для этого данные Комитета правовой статистики и специальных учётов Генеральной прокуратуры Республики Казахстан [3]. В эту статистику включены только осуждённые за совершение террористических актов, пропаганду и призывы к террористической деятельности, а также создание, руководство и финансирование экстремистских организаций.

За минувшую пятилетку экстремистов стало больше во всех возрастных группах. Значительную часть из них (60%) составляют молодые люди от 21 до 29 лет. По сравнению с 2011 годом эта возрастная группа в 2012 году увеличилась вдвое, в 4 раза возросло число тех, кому от 18 до 20 лет, и выявлен даже один несовершеннолетний. Большинство террористов – безработные. По данным 2011 года, нигде не работали 79% из них, по данным 2012 года – 91%. Среди немногочисленных занятых – рабочие и один студент вуза. За пять лет среди осужденных террористов было три частных предпринимателя и один госслужащий. Практически никто из них ранее судим не был.

Рост террористической угрозы для конституционного развития страны связан с упущениями в политике государства за последние 20 лет. Изобретение религии в истории человечества является колоссальным явлением. При этом религиозный фанатизм очень опасен, поскольку крайней его формой может быть убийство людей ради веры. Как отмечает профессор Ф. М. Рудинский, «религия – одна из форм общественного сознания, фантастическое отражение в головах людей господствующих над ними природных и общественных сил» [4, с. 557]. При этом замечание Ф.М. Рудинского, что «ситуация с осуществлением свободы совести в России определялась и определяется социально-экономическим положением, политическим режимом, а также особенностями исторического развития нашей страны» [5, с. 3], применима и к Республике Казахстан.

Известный казахстанский политолог Д. Сатпаев указывает на упущение со стороны ответственных структур. «Совсем не изучен вопрос, связанный с угрозой проникновения экстремистских идей в структуры государственной власти и внутриполитической элиты страны. Как показывает опыт других стран, некоторые экстремистские организации сейчас стараются работать не с маргиналами, а с перспективной молодежью, активно оказывая ей поддержку для продвижения на государственную службу, в том числе и в силовые структуры», – отметил политолог. Кроме того, Д. Сатпаев добавил, что в зоне деятельности экстремистских и террористических структур сейчас находится практически вся территория республики. «Если попытаться использовать карту террористических рисков, применяя пятиуровневую систему классификации террористической угрозы (низкий, настораживающий, угрожающий, высокий и экстремальный риск террористического нападения), которая на данный момент применяется в США, то для Казахстана больше характерен угрожающий риск террористического нападения», – считает эксперт [6].

В Конституции Казахстана закреплено, что «каждый имеет право на свободу совести. Осуществление права на свободу совести не должно обуславливать или ограничивать общечеловеческие и гражданские права и обязанности перед государством» (ст. 22). Данная конституционная норма о свободе совести нашла свое развитие и конкретизацию в Законе Республики Казахстан от 11 октября 2011 года № 483-IV «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» (далее – Закон РК «О религиозной деятельности и религиозных объединениях»), в преамбуле которого закреплено, что «Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским государством, подтверждает право каждого на свободу совести, гарантирует равноправие каждого независимо от его религиозного убеждения, признает историческую роль ислама ханафитского направления и православного христианства в развитии культуры и духовной жизни народа, уважает другие религии, сочетающиеся с духовным наследием народа Казахстана, признает важность межконфессионального согласия, религиозной толерантности и уважения религиозных убеждений граждан».

Что стало причиной подобной правовой регламентации выделения исторической роли определенных религий, «уважения религий, сочетающихся с духовным наследием народа Казахстана», кем определяется такое «духовное сочетание»? Является ли это некой идеологической установкой для субъектов правовых отношений? Для сравнения, в преамбуле Федерального закона РФ от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» также содержится норма о признании особой роли православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, уважения христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России [7]. Постараемся проследить, какова правовая реализация таких положений законов двух стран.

Конституция РФ устанавливает, что «каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» (ст. 28). Как светское государство Российская Федерация характеризуется тем, что в ней религиозные объединения отделены от государства и никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обя-

зательной. Отделение религиозных объединений от государства означает, что государство не вмешивается в определение гражданином своего отношения к религии и религиозной принадлежности, в воспитание детей родителями или лицами, их заменяющими, в соответствии со своими убеждениями и с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания. Государство не возлагает на религиозные объединения выполнения функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления; не вмешивается в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит законодательству; обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях [8, с. 149].

Профессор С. А. Авакьян отмечает, что светский характер государства не исключает его конструктивного сотрудничества с религиозными организациями, однако без вмешательства в их деятельность и без вмешательства последних в дела государства. Не исключается и материальная поддержка государства в отношении религий, выражающаяся преимущественно в предоставлении зданий и другого имущества, выделении земельных участков, предоставлении налоговых льгот [9, с. 362].

Право на свободу совести, свободу вероисповедания, включая и право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними, нашло свое отражение в Постановлении Конституционного суда РФ от 5 декабря 2012 года № 30-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 16 Федерального закона „О свободе совести и о религиозных объединениях“ и пункта 5 статьи 19 Закона Республики Татарстан „О свободе совести и о религиозных объединениях“ в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» [10].

Данное право не может ограничиваться исключительно пространством личной (частной) жизни – получая свою реализацию во внешней сфере, в том числе и в массовых коллективных формах, оно объективно приобретает и весьма существенное общественное значение, что обязывает Российскую Федерацию как правовое и социальное государство (ст. 1, 7 ч. 1 Конституции РФ) обеспечивать нейтрально и беспристрастно исповедание различных религий, верований и убеждений в целях достижения гражданского мира и согласия, поддержания общественного порядка и религиозной терпимости в обществе, не допуская произвольного и неоправданного вмешательства в деятельность религиозных организаций и в то же время учитывая светский характер российского государства, клерикализации государственных и общественных институтов.

Таким образом, принимая во внимание сочетание в религиозной свободе индивидуальных (личных) и коллективных, а также частных и публичных начал, нормативный порядок реализации права на свободу совести и свободу вероисповедания, гарантированного каждому статьей 28 Конституции РФ (исходя из предписаний Конституции РФ, согласно которым права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность публичной власти и обеспечиваются правосудием, а их осуществление не должно нарушать права и свободы других лиц (ст. 17, 18 ч. 3) требует соотнесения с порядком реализации иных конституционных прав, в том числе в социально-

политической сфере, и обязывает как законодателя, так и правоприменителя, включая суд, обеспечивать разумный баланс интересов верующих и религиозных объединений с одной стороны и светских политических и государственных институтов – с другой, не посягая при этом на само существо данного права и не создавая препятствий для его реализации.

Сегодня особо актуально высказанное профессором В. О. Лучиным мнение, что серьезным испытаниям подвергаются основы конституционного строя, определяющие светский характер Российского государства и его отношения к религиозным объединениям. Подобно тому как в недавнем прошлом баланс религиозной и нерелигиозной свободы постоянно нарушался в пользу атеистической пропаганды, в настоящее время происходит то же самое, но в противоположном направлении, с иным знаком. В Российской Федерации осуществляется беспрецедентное возвращение масс к средневековым взглядам и нравам, их мифологизация и догматизация [11, с. 307]. Аналогичную тенденцию можно проследить и в Казахстане.

Хотя по Конституции Республика Казахстан утверждает себя светским государством, имеет место попытка влияния государства на религиозную сферу общества. Так, интересны были события, когда в Казахстане избрали нового Верховного муфтия. 22 февраля 2013 года в Астане состоялся внеочередной курултай имамов страны. Бывший муфтий Казахстана Абсаттар хаджи Дербисали в своем выступлении сказал буквально следующее: «Несколько недель назад меня пригласил Нурсултан Абишевич Назарбаев, Президент нашей страны. Я сказал: 13 лет проходит. Я хочу перейти на научную работу. – Я понимаю: вы отсюда пришли и хотите вернуться. – Да, я хочу вернуться, я очень соскучился по научной работе» [12].

Не напоминает ли этот диалог служебный разговор государственного чиновника с вышестоящим должностным лицом? Что входит в содержательное наполнение понятия «светское государство» и где проходит грань между религией и государством? Очевидно, что государство не может не беспокоить тенденция появления экстремистских религиозных объединений и сект. Однако государственная политика по предупреждению религиозного экстремизма не должна нарушать конституционного права гражданина на свободу вероисповедания и противоречить светскому характеру государства.

Как справедливо отмечает профессор В. О. Лучин, церковь, как и другие массовые объединения граждан, не может устраниться от проблем, волнующих общество. Однако религиозные объединения могут реагировать на них только присущими им установленными средствами в соответствии с целями, ради которых они создаются. В условиях отделения религиозных объединений от государства, запрещения им вмешательства в дела государства их деятельность, какие бы благородные цели она не преследовала, не может осуществляться с помощью государства, светскими средствами и методами [11, с. 312].

Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев в Послании народу Казахстана отметил, что «к выбору религиозных предпочтений нужно относиться очень ответственно, ведь от него зависит жизненный уклад, быт, часто вся жизнь человека. Сегодня, в век Интернета и высоких технологий, когда информационный поток колоссален, „фильтр“ должен быть внутри человека. Государство и граждане должны единым фронтом выступить против всех форм и проявле-

ний радикализма, экстремизма и терроризма. Особую озабоченность вызывает угроза так называемого религиозного экстремизма» [1].

Казахстанский эксперт по вопросам религии Ж. Кунсеркин считает, что присутствие экстремистских настроений в мусульманской среде является следствием необъективного и предвзятого подхода компетентных органов к исламскому сообществу и последователям ислама. К фактам религиозной дискриминации можно отнести и решение Комитета уголовно-исполнительной системы МВД Казахстана о создании некоего подобия Гуантанамо в Казахстане, где предполагается содержать всех лиц, осужденных за экстремизм и терроризм. Понятно, что речь идет только о мусульманах. Можно уверенно предполагать, что эта колония станет своеобразным медресе за колючей проволокой и безусловно будет активно влиять на религиозные настроения в обществе. То есть в неофициальном общественном мнении эти узники будут героизироваться. Руководителей КУИС совершенно не смущает, что в недавнем прошлом такой негативный опыт у нас уже был и от него быстро отказались [13].

Начиная с 1991 года в Казахстане изменилась религиозная обстановка, наблюдался рост общего количества религиозных объединений. Если, к примеру, на 1 марта 2009 года в Казахстане действовало 3993 религиозных объединения, то на 1 января 2011 года их уже было 4222. Это согласно официальным статистическим данным. Наиболее многочисленными конфессиями и деноминациями являются ислам, православное христианство, протестантское христианство и католическое христианство. В последние годы устойчиво растет количество последователей ислама, и это в основном происходит за счет молодежи. На пятничном намазе практически во всех мечетях более 80% мусульман составляют молодые люди до 30 лет. Омолодился и состав священнослужителей. По оценкам Ж. Кунсеркина, средний возраст действующих имамов не выше 40 лет, если не ниже [13].

В Казахстане реакцией со стороны государства на сложившуюся религиозную ситуацию и рост числа религиозных объединений стало принятие 11 октября 2011 года Закона РК «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» [14], который установил повышенные требования к созданию и государственной регистрации религиозных объединений. При этом ст. 24 закона установлено, что религиозные объединения обязаны в течение одного года со дня введения в действие закона внести соответствующие изменения в свои учредительные документы в соответствии с новыми требованиями. По истечении указанного срока юридические лица, не приведшие свои учредительные документы в соответствие с требованиями закона, ликвидируются по обращению уполномоченного органа в судебном порядке.

Профессор Р. А. Подопригора в своем критическом анализе названного закона с точки зрения противоречивой практики процедуры перерегистрации религиозных объединений, различного понимания норм законодательства, короткого срока такой перерегистрации приходит к выводу, что «большинство религиозных объединений, не прошедших перерегистрацию, не испарятся, а перейдут в другой формат существования, и государству потребуется гораздо больше ресурсов и усилий, чтобы воздействовать на них» [15, с. 32].

По словам председателя Агентства по делам религий Республики Казахстан К. Л. Шарифа, всего через пару десятилетий религиозная обстановка в Казахстане может кардинально измениться, причем отнюдь не в пользу нашего государства. Переход людей из традиционных конфессий в нетрадиционные представляет ре-

альную угрозу для единства нации и государства, даже несмотря на то, что альтернативные культы, как правило, малочисленны. Наряду с социальными аутсайдерами в них также вовлекается наиболее активная молодежь. А это значит, что спустя одно поколение духовный ландшафт страны может сильно измениться. Сейчас как в Казахстане, так и в некоторых соседних странах региона сторонники отдельных религиозных течений искусственно конструируют альтернативные версии истории стран. Эта подтасовка призвана обосновать так называемую традиционность той или иной конфессии для титульного этноса. Такого рода манипуляции историческим сознанием народа формируют ни много ни мало альтернативное национальное самосознание. После накопления некоей критической массы религиозные процессы неизбежно выходят далеко за рамки собственно религии [16].

По нашему мнению, одной из причин роста в Республике Казахстан числа лиц, исповедующих нетрадиционные формы ислама, стало то, что в первые годы эйфории от независимости (отрицания всего, что связано с Советским Союзом) и представители власти, и так называемые национал-патриоты перепутали процесс казахизации с процессом исламизации общества.

В Казахстане появление человека в религиозной одежде на намазе в мечети ошибочно воспринималось как возврат к истокам казахской культуры. Очевидно, что каждая религия имеет свои формы, разновидности, которые не всегда являются традиционными в истории развития конкретной страны.

Известный казахстанский историк Н. Э. Масанов, названный в 1996 году президентом Казахстана «плохим историком и политологом» [17], отмечал, что каждая религия имеет свою специфику и историю происхождения. Каждая из них возникла в конкретном культурно-историческом контексте. Европа – это христианство, арабский мир – это ислам, индокитайский мир – буддизм. А казахи – это шаманисты-язычники. Это часть нашей культуры, это специфика нашего межцивилизационного развития [18, с. 66–67].

Государственная программа репатриации этнических казахов на историческую родину из Афганистана, Ирана и других стран, где получил распространение ислам ваххабитского толка, по сути, стало причиной тихой формы миссионерства в тех регионах, куда стали заселять приехавших оралманов (репатриантов).

Молодые люди, которые в первые годы независимости получили религиозное образование в Египте, Ливии, Саудовской Аравии, Иордании и других мусульманских государствах, стали агентами религиозных политико-правовых, этнокультурных установок стран обучения. Эти молодые люди вербуют в свои ряды представителей социально уязвимой части молодежи, которая не смогла реализовать свой потенциал, осталась невостребованной в жизни из-за коррупции, отсутствия влиятельных родственников, социальных лифтов.

При этом пропаганда того, что, например, в Саудовской Аравии и других мусульманских странах граждане живут достойно, получают всестороннюю поддержку от государства, беспроцентные ссуды (по Корану запрещено давать деньги под проценты), имеют доход от продажи нефти, изначально настраивает молодых людей оппозиционно государству, которое также имеет огромные запасы природных ресурсов, но его граждане отстранены от участия в управлении страной, распределения природной ренты. Вывод очевиден – такой молодой человек

будет уверен, что религиозное государство, живущее по исламу, способно изжить коррупцию и изначально является справедливым.

Следовательно, государство должно надлежащим образом выполнять свои функции, проводить эффективную, в том числе и молодежную политику, решать социально-экономические вопросы (создавать возможности для получения достойного образования, трудоустройства, решения жилищных проблем). В таком случае экстремистские религиозные течения и секты не будут востребованы в обществе, их идеи будут неконкурентоспособны.

Реализация соответствующей государственной политики в контексте исследования поставленной проблемы сегодня актуально и для Российской Федерации с учетом современного развития республик Северного Кавказа. Так, Институт социального маркетинга провел в 2011 году комплексное социологическое исследование «Общественное мнение и эффективность политики государства на Северном Кавказе», включавшее в себя массовые опросы населения (выборка – 3500 респондентов, репрезентирующая население всех шести республик Северокавказского федерального округа) [19, с. 169–185].

Исследование выявило высокую степень неудовлетворенности кавказцев положением дел в их республиках. В целом по региону им в той или иной мере недовольны 60% респондентов против 39% довольных. Наиболее негативно оценивают ситуацию в своей республике жители Дагестана (76% совершенно или скорее недовольных), Кабардино-Балкарии (70%) и Карачаево-Черкесии (65%). Чуть менее пессимистично население Северной Осетии (62%) и Ингушетии (56%). На общем фоне резко выделяется Чечня, положение дел в которой устраивает 85% жителей. Проблема номер один для Северного Кавказа – безработица. Не менее важной проблемой региона в глазах общественного мнения является коррупция, ставшая неотъемлемой частью образа жизни на Северном Кавказе. Жители северокавказских республик ощущают себя в России чужими, низведенными до положения людей второго сорта [19, с. 170, 171, 177].

В специальных исследованиях Северный Кавказ справедливо рассматривается как самый сложный с точки зрения международных и межнациональных отношений российский регион и обращается внимание на то, что сегодня на Северном Кавказе все больше наблюдается тенденция к превращению национальных республик Российской Федерации в моноэтнические [20, с. 212–214].

Среди причин этнорелигиозного терроризма на Северном Кавказе профессор Ю. М. Антонян называет:

- низкий уровень материального обеспечения населения, нерешенность большинства экономических проблем, что в регионе, охваченном этнорелигиозными конфликтами, способствует террористическому насилию;

- высокий уровень безработицы, когда незанятых в труде и нуждающихся людей, особенно молодых, достаточно легко втянуть в ряды боевиков и террористов, обещая за это солидное вознаграждение. К тому же участие в боевых действиях представляет собой форму социального протеста;

- широкомасштабную коррупцию среди государственных чиновников разного уровня, в том числе в правоохранительных органах. Коррупция позволяет террористам и их пособникам получать необходимые документы, просачиваться в государственную власть, скупать оружие, преодолевать заслоны на маршрутах своего следования, вести контрразведку и получать информацию о планах и замыслах власти;

– материальную, моральную и психологическую поддержку, часто негласную и скрываемую, которую население оказывает экстремистам и боевикам. Эта поддержка особенно сильна в Чечне, среди жителей которой очень много пострадавших от войны, потерявших своих близких;

– существование на Северном Кавказе многочисленной группы людей, воспитанных в условиях войны, не умеющих ничего кроме как воевать и, естественно, не представляющих себя в мирном труде и др. [21, с. 382–383].

Таким образом, в России и Казахстане система взаимоотношений личности и государства с точки зрения обеспечения конституционного права человека на свободу вероисповедания и светского характера государства характеризуется следующими особенностями:

– наши страны пережили колоссальный социальный шок при переходе от одной социально-политической системы к другой, когда на место атеистического государства пришло другое, по Конституции получившее наименование светского. Идеологический вакуум, образовавшийся в результате отрицания всего, что было связано с Советским Союзом (в том числе и коммунистического учения о светлом будущем), стал быстро и агрессивно заполняться. Населению в условиях социально-экономического кризиса 90-х годов прошлого столетия (криминализация общества, коррупция, нищета большинства населения, отсутствие социальной поддержки со стороны государства) была необходима вера. Эту веру некоторые граждане нашли в нетрадиционных религиозных учениях, сектах и организациях экстремистского толка;

– исповедование гражданами нетрадиционных религиозных учений в условиях, когда все еще сохраняется неразрешенной ситуация с социально-экономическими потребностями населения, потенциально угрожает основам конституционного строя, поскольку ряд религиозных учений имеет экстремистский характер, содержит претензии на власть с четко аргументированными установками на «справедливое государство»;

– на современном этапе конституционного развития наших стран очень важной является охрана основ конституционного строя с учетом светского характера государства, толерантности, веротерпимости, обеспечения конституционного права человека на свободу вероисповедания, невмешательства в дела религиозных объединений без выказывания предпочтения со стороны государства какой-либо религии.

Список использованной литературы:

1. Назарбаев Н. А. Послание народу Казахстана «Стратегия „Казахстан–2050“ – Новый политический курс состоявшегося государства» 14 декабря 2012 года. URL : <http://www.akorda.kz> (дата обращения : 22.10.2013).
2. Официальный сайт радио «Азаттык» URL : <http://www.rus.azattyq.org/content/terrorism-map-inkazakhstan/24747077.html> (дата обращения : 22.10.2013).
3. Кисленкова В. Аналитики составили обобщенный портрет казахстанского террориста. URL : <http://yk-news.kz/novost/analitiki-sostavili-obobshchennyi-portret-kazakhstanskogo-terrorista>(дата обращения : 22.10.2013) .
4. Рудинский Ф. М. Закон, религия, правонарушения : учеб. пособие. Волгоград, 1971.
5. Рудинский Ф. М. Атеизм вне закона? Свобода совести и ее ограничение в современной России // Голос коммуниста. 2000. № 10.
6. URL : <http://www.yk-news.kz/novost/politologi-siloviki-upustili-pokolenie-terroristov-v-kazakhstane> (дата обращения : 22.10.2013).

7. О свободе совести и религиозных объединениях : Федеральный закон РФ от 26 сентября 1997 № 125-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
8. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. М., 2011.
9. *Авакьян С. А.* Конституционное право России : учебный курс : в 2 т. М., 2005. Т. 1.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 декабря 2012 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 16 Федерального закона „О свободе совести и о религиозных объединениях“ и пункта 5 статьи 19 Закона Республики Татарстан „О свободе совести и о религиозных объединениях“ в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 51. Ст. 7324.
11. *Лучин В. О.* Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002.
12. Бывший муфтий Казахстана рассказал о причине своего ухода. URL : www.ktk.kz (дата обращения : 22.10.2013).
13. *Кунсеркин Ж.* В Казахстане сформировался подпольный ислам радикального толка // URL : www.zakon.kz (дата обращения : 30.05.2012).
14. О религиозной деятельности и религиозных объединениях : Закон РК от 11 октября 2011 г. № 483-IV // Ведомости Парламента РК. 2011. № 17. Ст. 135.
15. *Подопригора Р. А.* Перерегистрация религиозных объединений // Юрист. 2012. № 9.
16. *Шпаков В.* Миссионерская оппозиция // Экспресс К. 2013. 20 мар.
17. *С. Исмаилова.* «Инакомыслие преследуется» // Газета «XXI век». 2000. 20 апр.
18. *Масанов Н. Э. Я, Нарбулат Масанов,..* : сб. ст. и интервью. Астана, 2007.
19. *Хайкин С. Р., Попов Н. П.* Проблемы Северного Кавказа и эффективность государственной политики в оценках местного населения // Практическая социология. 2012. № 4.
20. *Кабышев В. Т., Заметина Т. В., Пихов А. Х.* Проблемы модернизации в Северо-Кавказском федеральном округе (конституционный аспект) // Конституционное развитие России : межвуз. сб. науч. ст. / ред. кол.: В. Т. Кабышев (отв. ред.) и др. Саратов, 2011. Вып. 12.
21. *Антонян Ю. М.* Причины этнорелигиозного терроризма на Северном Кавказе // Терроризм. Правовые аспекты противодействия : нормативные и международные правовые акты с комментариями, научные статьи / под ред. И. Л. Трунова, Ю. С. Горбунова. М., 2007.

Е. О. Глухова

ПРОФИЛАКТИКА НЕЗАКОННЫХ АБОРТОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

В соответствии с Конституцией Российской Федерации право на жизнь и здоровье является неотъемлемым правом человека в правовом государстве, что обуславливает необходимость законодательного урегулирования прерывания беременности [2].

Право на репродукцию принадлежит обоим родителям. Но медицинская сторона прерывания беременности (с юридической точки зрения) может касаться только матери – лишь она имеет право решать вопрос прерывания беременности.

Проблема правомерности аборта, а также его запрета не решается без определенного ограничения свободы распоряжения своими репродуктивными правами – возможно или запрещение аборт, или позволение их его проведения при необходимости, или продолжение этого права до границ жизнеспособности плода. Бесспорно, безусловное запрещение всех аборт нецелесообразно, но позволение такой операции только лишь по желанию женщины, без учета остальных событий, позволительно только на наиболее ранних сроках.

В соответствии со ст. 36 Основ законодательства РФ об охране здоровья людей [6] каждая женщина в РФ вправе улаживать вопрос о материнстве без помощи

третьих лиц. Искусственное прерывание беременности проводится на ранних сроках беременности – по воле женщины до 12 недель, по социальным показаниям до 22 недель, а при наличии медицинских показаний вне зависимости от срока беременности.

Перечень социальных показаний для искусственного прерывания беременности был утвержден распоряжением Правительства РФ от 11 ноября 2003 года № 485 «О списке социальных показаний для искусственного прерывания беременности» [5]. В нем предусмотрено следующее:

- смерть супруга во время беременности супруги;
- наличие инвалидности 1-й или 2-й группы у супруга;
- пребывание одного из супругов в местах лишения свободы;
- решение суда об ограничении или лишении родительских прав;
- признание одного из супругов безработным;
- факт, что женщина не состоит в браке;
- беременность в итоге изнасилования;
- отсутствие жилья, размещение в общежитии, на частной квартире;
- наличие статуса беженца или вынужденного переселенца у женщины;
- многодетность (трое и более детей) или наличие в семье ребенка-инвалида;
- размер дохода на 1 члена семьи ниже прожиточного минимума, установленного в регионе проживания.

Перечень медицинских показаний для аборта определен указом Министерства здравоохранения от 27 декабря 2011 [4]. К ним относятся сифилис, туберкулез (все функциональные формы), наличие злокачественных новообразований, ВИЧ-инфекция, лейкоз, врожденный порок сердца, несовершеннолетие женщины или возраст старше 40 лет. При наличии у беременной заболевания, не указанного в списке, но представляющего угрозу для жизни или здоровья новорожденного или женщины при продолжении беременности и родах, вопрос об аборте решается персонально.

Кроме того, желание каждой женщины обязательно должно основываться на её информированности о медицинских последствиях аборта. А за лиц младше 15 лет согласие на искусственное прерывание беременности обязаны дать их законные представители.

Аборты проводятся в рамках программы ОМС в организациях, имеющих разрешение на этот вид деятельности.

В странах Западной Европы законодательство об абортах закрепляет 3 модели отношения к абортам:

- система показаний;
- система совершенного запрета;
- система сроков.

«Во многих западноевропейских странах присутствует абсолютный запрет абортов. К 1990 г. Ирландия осталась одним государством, которое полностью запрещает аборты. В 1984 г. даже Португалия приняла такой закон, который по решению суда разрешал прерывание беременности, появившейся в результате изнасилования. В 1985 г. в Испании был принят подобный закон. В Бельгии до 1990 г. аборты были запрещены, позже был принят и вступил в действие такой закон, который легализовал аборты сроком до 12 недель» [1, с. 12].

В странах, которые отчасти легализовали аборты, используется система по-

казаний или система сроков. Система показаний подразумевает, что в законодательстве определен список тех случаев, которые считаются основанием для разрешения прерывания беременности. В Великобритании действует достаточно либеральная система показаний.

При разрешении проблемы позволительности прерывания беременности учитываются как медицинские, так и медико-общественные аспекты – угроза для жизни и здоровья беременной женщины, а также для ее умственного и физиологического здоровья, неблагоприятные последствия для уже рожденных детей, генетические показания.

В Норвегии, Австрии, Швеции, Франции также применяется система сроков. В законодательстве этих стран зафиксировано право каждой женщины на аборт (прерывание беременности) до определенного срока (10–18 недель). Прерывание беременности может проводиться только в муниципальном или частном медицинском учреждении, которое соответствует определенным требованиям. Аборты в сроки, превышающие установленные законодательством, разрешены только по генетическим или медицинским показаниям.

В США вопрос о правомерности абортов уже не единожды поднимался в законодательных собраниях и судебных органах ряда штатов. С конца XIX до середины XX века во многих штатах были приняты законы, запрещающие как аборты, так и распространение противозачаточных средств.

«Законодательство, криминализирующее использование контрацептивов, было признано неконституционным как нарушающее право супругов на частность, т. е. защищенность личной жизни. В центре спора об абортах в США постоянно находился конфликт права на жизнь будущего малыша и права на приватность беременной женщины. Право приватности выражается в способности самостоятельно, без вмешательства принимать решение о прерывании или сохранении беременности» [3].

При условии что в разных государствах законодательство о прерывании беременности различается, почти все женщины предпочитают сохранению нежеланной беременности поездку в то государство, где правовое регулирование наиболее либерально. Когда в США право на аборт не было защищено на федеральном уровне, примерно 40% абортов производилось за пределами штатов проживания женщин.

В Германии до либерализации здравоохранительного законодательства женщинам, которые желали прекратить беременность, приходилось уезжать в Нидерланды, а ирландские женщины пользуются услугами британских медицинских учреждений. В Польше аборты запрещены, поэтому женщины, желающие прервать беременность, ездят в РФ (Калининградская область).

Статистика говорит о том, что запретительные меры оказываются направленными главным образом против абортов среди несовершеннолетних, малообразованных, неимущих женщин, которые не знают о различиях правового регулирования прерывания беременности в разных странах либо не имеют средств на поездку в другую страну.

Надзирателями антиабортного законодательства предпринимались различные меры, чтобы не позволять женщинам пользоваться возможностью сделать незаконный аборт в иной стране. Например, в США в 1970-х годах наряду с антиабортным законодательством получило распространение судебное преследование защитников, врачей и редакторов газет за разглашение информации о юрис-

дикции с более мягким правовым регулированием в данной сфере.

В 1988 году в Ирландии были вынесены решения, которые запрещали докторам давать подобные сведения. В 1991 году Европейской комиссией по правам человека такие решения были расценены как нарушение права на свободу слова, гарантированной ст. 10 Европейской конвенции по правам человека.

Во многих странах предпринимались попытки уголовного преследования женщин, которые выезжали для проведения аборта в другие государства. В соответствии с действовавшим ранее антиабортным законодательством в Германии существовала практика принудительного медицинского осмотра женщин, которые возвращались из-за рубежа, с целью выяснения, не был ли во время пребывания там проведен аборт, что могло повлечь уголовную ответственность.

В перечисленных выше мерах несложно обнаружить нарушение ряда прав, которые получили признание как на государственном, так и на международном уровне, – на приватность, телесную защищенность, свободу слова и свободу передвижения.

Можно допустить, что с распространением новейших, менее brutальных методик аборт на ранних сроках беременности (имплантаты, оральные препараты, инъекции) ряд ограничений и запретов, которые установлены законодательством многих государств, сразу утратит значение, так как контроль их соблюдения станет фактически неосуществимым.

Однако необходимо учитывать, что медикаментозные аборты, которые, в отличие от хирургических, связаны с наименьшим риском для здоровья женщины, необходимо проводить только в стационарах под наблюдением врачей. После фармакологического прерывания беременности непременно должен проводиться ультразвуковой контроль. Препараты для прерывания беременности в аптеках не продаются.

Таким образом, незаконное проведение аборт является общественно опасным преступлением, так как представляет гораздо большую угрозу для здоровья, а в некоторых случаях и жизни женщин, нежели прерывание беременности в условиях медицинского учреждения.

Список использованной литературы:

1. *Афанасьева Е. Г.* У истоков человеческой жизни : правовые аспекты. М., 1994.
2. *Вестов Ф. А.* Правовое государство, власть и личность : историко-политический и правовой аспекты. Саратов, 2010.
3. *Манько Ю. В.* Демографический кризис в России : социально-политический анализ // Демографическое развитие Санкт-Петербурга и Северо-Запада России : проблемы, тенденции, перспективы : материалы конф. 25 ноября 2004 г. / под ред. Е. Г. Слущкого. СПб., 2004.
4. О внесении изменений в приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 3 декабря 2007 г. № 736 «Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности» : Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации (Минздравсоцразвития России) от 27 декабря 2011 г. № 1661н // Российская газета. 2012. № 35. 17 февр.
5. О перечне социальных показаний для искусственного прерывания беременности : Постановление Правительства Российской Федерации от 11 августа 2003 г. № 485 // СЗ РФ. 2003. № 33. Ст. 3275
6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011г. № 323-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

РАВЕНСТВО НЕЗАВИСИМО ОТ ИМУЩЕСТВЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ : СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОНФЛИКТА МЕЖДУ БОГАТСТВОМ И БЕДНОСТЬЮ В РОССИИ

Проблема противостояния между богатыми и бедными жителями в любой стране является наиболее конфликтогенной, влекущей за собой различные негативные последствия – начиная с социальной напряженности и заканчивая революциями со сменой власти. Именно поэтому государство должно быть заинтересовано в обеспечении равенства независимо от имущественного положения, игнорирование которого может привести к глобальным изменениям в самом государстве, нарушению стабильности его конституционного строя. Г. Н. Комкова справедливо отмечает: «Социально ориентированное государство должно решить проблему обеспечения баланса между свободной экономикой и определенными способами воздействия на распределительные процессы в духе справедливости, „выравнивания социальных неравенств“» [1, с. 147].

В России проблема бедности в последние десятилетия стоит достаточно остро. Переход от всеобщей социалистической «уравниловки» к резкой дифференциации социальных слоев оказался достаточно болезненным. Известный социолог академик Н. М. Римашевская отмечает: «Если в конце 60-х годов доля малообеспеченных („бедных“) составляла 29,6%, в конце 70-х годов – 32,1%, в конце 80-х годов – 30,7%, то в результате „шоковой терапии“ проблема бедности как самостоятельная исчезает, замещаясь проблемой экономической разрухи, падения уровня экономического развития и, вследствие этого, – жизненного уровня населения в целом. Бедной становится как бы страна в целом. Но катастрофическое падение доходов населения рассматривалось в то время как чрезвычайное, но весьма временное явление, связанное с коротким периодом социально-экономических трансформаций» [2, с. 34]. Несмотря на период определенной стабильности Российского государства, поступательного экономического развития, начавшийся с 2000-х годов, проблема бедности и резкого расслоения общества не исчезла. По данным Росстата, на конец 2012 года численность бедных в стране составляет 8,8% (12, 5 млн чел.), хотя, по мнению специалистов Института социологии РАН, официальная численность бедных в России занижена почти в 2,5 раза: 25% россиян испытывают лишения в самом необходимом – питании, жилье, медицинских услугах [3]. И это в то время, когда часть россиян не просто богата, а очень богата. Так, по данным Forbes, число долларовых миллиардеров в России в 2012 году составило 96 человек, а совокупное богатство 200 самых состоятельных предпринимателей – 446,3 млрд долларов. По данным ЗАО КБ «Ситибанк», средний уровень зарплаты обеспеченной части россиян в последний месяц 2012 года составил 312 878,36 руб., тогда как официальный порог бедности в этот же период составил 6700 рублей в месяц [4]. Таким образом, видно, что разрыв в доходах самых бедных и самых богатых россиян составляет 47 раз, и это представляет серьезную социальную опасность, ведь в результате формируются как бы две России – одна для богатых людей с их потребностями и ценностями, а другая для бедных с их психологией выживания. Жизненные перспективы этих двух категорий и их семей совершенно разные, начиная с уровня образования их детей, медицинского

обслуживания и заканчивая психологической обстановкой в семье. Все это свидетельствует о нарушении конституционного принципа равенства независимо от имущественного положения, поскольку лица, имеющие высокий доход, имеют право на более качественную медицинскую помощь, их дети – на более высокий уровень образования, доступ к культурным ценностям, зарубежный туризм и др. В России наблюдается негативное явление, которое называется «застойная бедность». В неё попадают те категории населения, доходы которых ниже прожиточного минимума на протяжении более чем 5 лет. Разработанный в Министерстве экономического развития прогноз показывает, что даже при очень оптимистических показателях эта застойная бедность за 20 лет (с 2000 по 2020 год) сократится в лучшем случае на 1–2 процентных пункта, а в случае пессимистического прогноза её уровень возрастёт в 2 раза по сравнению с нынешним состоянием [5].

Имущественное неравенство обуславливает существование определенного противоречия между материальными потребностями личности и легальными возможностями их удовлетворения. При этом материальные потребности могут формироваться под воздействием достатка наиболее обеспеченных слоев населения, а возможность их легального удовлетворения определяется рамками доходов той социальной группы, к которой данное лицо относится. Таким образом, у необеспеченных слоев населения налицо наличие конфликта между их потребностями и имущественными возможностями.

К сожалению, у ряда бедных людей этот конфликт выражается в девиантном поведении, желании отобрать у богатых то, что, по их мнению, богатым принадлежит не по праву. Выдающийся философ и социолог П. А. Сорокин указывал, что при равенстве прочих условий рост преступности будет тем больше, чем резче в данном обществе имущественная дифференциация на голодных и богатых [6, с. 322]. Кроме того, наличие в стране большого количества бедного населения создает неблагоприятную социально-психологическую обстановку, провоцирует социальные конфликты, неверие в органы власти, которые не могут ликвидировать бедность.

Нельзя в этой связи не согласиться с Р. В. Колесниковым в том, что «рыночные условия хозяйствования неизбежно приводят к имущественному неравенству. Несмотря на невозможность, да и ненужность искоренения имущественного неравенства, тем не менее, необходимо его определенное сглаживание. Основные направления деятельности государства для достижения нейтрализации имущественного неравенства должны сводиться к созданию условий для многообразия и широкой доступности законных способов достижения материального благополучия. Предоставление гражданам равных возможностей в сфере осуществления экономической деятельности позволит сформировать широкий слой экономически активных, материально обеспеченных людей, уважающих закон» [7, с. 26]. Таким образом, роль государства в предотвращении конфликта между богатством и бедностью является определяющей. «Социальное неравенство может быть преодолимо с помощью государства и его структур. И первым шагом в преодолении неравенства должны стать качественное законодательство и эффективная государственная социальная политика» [1, с. 168].

Российское законодательство должно с помощью правовых средств минимизировать имущественное расслоение общества, предоставив неимущим гражданам различные льготы и блага, позволяющие им увеличить свои доходы из разных источников, а также обеспечив равные стартовые условия в образовании, по-

лучении достойной работы, доступе к культурным и иным ценностям. К богатым гражданами подход обязан быть иной: они должны разделить с государством бремя его социальных расходов путем установления дифференцированного налога на доходы, что позволит уменьшить социальные риски. И это уже происходит. Например, согласно Постановлению Конституционного суда РФ от 15 декабря 2011 года № 28-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Е. Остаева», работодатель, даже если ему не нужен труд работника, не вправе его увольнять, т. е. обязан платить ему зарплату, если этот работник – кормилец многодетной семьи [8]. Таким образом, предприниматель-работодатель является в той или иной мере ответственным за решение социальных задач, потому что возлагает на себя обязанность заботиться о социальной поддержке своих работников и членов их семей в силу презумпции обладания более устойчивым экономическим положением в трудовых правоотношениях. Такая социальная ответственность богатых граждан вполне может служить превентивным фактором в предупреждении возможного противостояния работников и работодателей. Права Т. Я. Хабриева, которая отмечает: «Социальное государство не ставит перед собой задачу достижения абсолютной социальной справедливости, оно призвано лишь обеспечить такую социальную компенсацию, которая позволила бы исключить возникновение социальных конфликтов вследствие неравномерного распределения ресурсов, не допуская правовой, социальной, культурной изоляции определенных социальных групп» [9, с. 4].

Однако государство, беря на себя роль арбитра в преодолении конфликта между богатым и бедным населением страны, тем не менее, весьма уязвимо, поскольку результаты его деятельности могут не устроить ни тех ни других. Поскольку отобрание собственности, дохода, прибыли у богатых взамен бремени социальных обязательств не всегда происходит справедливо и соразмерно, это приводит к сворачиванию предпринимательской активности, вывозу капитала за пределы страны. Поэтому инструментом «отнять и поделить» нужно пользоваться весьма осторожно, предвидя его экономические и политические последствия. Одновременно с этим бесконтрольная и постоянная социальная помощь от государства неимущим приводит к росту их социального иждивенчества, нежеланию проявить самостоятельность, инициативу в преодолении своего бедственного положения.

Кроме того, в уязвимом положении оказывается и само государство, ведь «утоляя житейские надобности части граждан, государство расходует именно общее достояние, которое досталось народу от прежних поколений (недра, возобновляемые ресурсы, инфраструктура и т. п.), а равно средства, изъятые у частных лиц, которые потратили на них свой труд и удачу, свободу и собственность, здоровье, наконец» [10]. Социальную функцию государства выполняют чиновники, которые могут относиться к своим обязанностям по-разному, поскольку они распределяют не свои средства, а как бы «ничьи» – государственные, а значит, и отношение к ним соответствующее. «В движении средств, собранных на обслуживание социальных притязаний, велика доля „усушки“, и эта „естественная“ убыль обходится тем дороже, чем больше распорядители удерживают – законно или не совсем. Их выгоды тем выше, чем выше траты, от которых отсчитывают „административный процент“. И чем большими средствами распорядятся они, тем меньше достанется гражданам. Граждане же в итоге не используют изъятые средства

во благо себе и своей свободе, хотя, выйдя из нужды, они перестали бы давать власти поводы устраивать их благополучие» [10].

Все это побуждает искать другие правовые способы преодоления конфликта между богатством и бедностью в России. Данная проблема является актуальной для многих развитых демократических стран, а потому было бы полезным изучить их законодательный опыт предупреждения конфликтов между имущими и малоимущими, учитывая при этом специфику нашей страны.

Список использованной литературы:

1. Комкова Г. Н. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека в России / под ред. В. Т. Кабышева. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2002.
2. Римашевская Н. М. Бедность и маргинализация населения // Социс. 2004. № 4.
3. Российская газета. 2013. № 144(6120). 4 июл.
4. Прыткин Д. 2012 год оказался неудачным для богатых россиян. URL : <http://www.rbcdaily.ru/economy/562949985628654> (дата обращения : 26.07.2013).
5. Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. URL : <http://www.economy.gov.ru/minec/documents/VostrebDocs/> (дата обращения : 26.07.2013).
6. Сорокин П. А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / сост. В. В. Сапов, В. С. Сычева. М., 2003.
7. Колесников Р. В. Общесоциальные меры предупреждения угонов и хищений транспортных средств // Российский следователь. 2009. № 23.
8. Вестник Конституционного суда Российской Федерации. 2012. № 1.
9. Хабриева Т. Я. Российская конституционная модель социального государства // Конституция, закон и социальная сфера общества : Материалы научно-практической конференции. Москва, 1 декабря 2008 г. М., 2009.
10. Арановский К. В., Князев С. Д., Хохлов Е. Б. О правах человека и социальных правах // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4.

О. Ю. Голуб

УПРАВЛЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИМИ КОММУНИКАЦИЯМИ : РЕПУТАЦИОННЫЕ РИСКИ, КРИЗИСНОЕ РЕАГИРОВАНИЕ, НОВЫЕ МЕДИА

Чтобы заработать хорошую репутацию, необходимо совершить много хороших дел и всего одно плохое, чтобы ее потерять.

Бенджамин Франклин

Фундаментальные социально-экономические реформы последних десятилетий и формирование новых действующих лиц рыночных отношений привели в том числе и к появлению понятия деловой репутации, которое сегодня прочно вошло в нашу жизнь. Устойчивая деловая репутация воспринимается как признак стабильности и успеха.

Вопросы содержания, оценки, защиты, достижения и поддержания деловой репутации находятся в центре внимания не только представителей бизнеса и политики, но и ученых, представляющих разные науки, – юристов, социологов, психологов, экономистов [2, с. 258–266; 3, с. 23].

Обобщая все имеющиеся в литературе точки зрения, деловую репутацию можно определить как передаваемую на социальном уровне коллективную динамическую оценку компании (ее характеристику, практику, поведение и результаты и т. д.), отображающую восприятие ее действий, уровень надежности, предпо-

чительности и признания в сравнении с конкурентами всеми заинтересованными лицами [5, с. 6]. Репутация – это феномен восприятия, то, как оценивают некий объект (деятеля, фирму, организацию) представители разных заинтересованных сторон – партнеры, клиенты, служащие, органы власти, политики и др.

Формирование и поддержание высокой деловой репутации составляет основу программы управления стратегическими коммуникациями. Одним из ее направлений является организация управления репутационными рисками. Репутационный риск, или риск потери деловой репутации, – это риск возникновения убытков вследствие неблагоприятного восприятия имиджа компании заинтересованными группами общественности. В самом общем виде управление репутационными рисками предполагает следующие виды деятельности.

1. Оценка репутации в различных сферах и с использованием разнообразных методов, таких как анализ СМИ, фокус-группы, опросы общественного мнения. Первостепенное внимание должно быть уделено подробному анализу того, что публикуется, в каком объеме и контексте, поскольку главным образом именно СМИ формируют восприятие и ожидания. Считается, что для положительной репутации нужно, чтобы по меньшей мере 20% сообщений в ведущих СМИ были положительными, не более 10% отрицательными, а все остальные – нейтральными. Когда освещение в прессе выше «порога осведомленности» и в целом положительно, репутация компании выигрывает от единичных положительных сообщений и меньше страдает от появления отрицательных. Если освещение выше «порога осведомленности», но большинство сообщений отрицательно, компания не выиграет от единичных положительных сообщений, а плохие новости усилят ее отрицательную репутацию.

2. Оценка реального положения и способности оправдывать ожидания заинтересованных групп общественности в отношении результативности деятельности. Задача непростая, потому что зачастую менеджмент склонен, во-первых, переоценивать собственные достижения, а во-вторых, считать, что у компании хорошая репутация, если нет признаков, что она плохая, в то время как фактически у фирмы вообще нет репутации в нужной сфере. И, наконец, ожиданиями управляют – в одних случаях для верного достижения целей деятельности их сознательно занижают, а в других неоправданно завышают.

3. Ликвидация разрыва между репутацией и реальной ситуацией. Когда состояние дел компании оказывается лучше, нежели ее репутация, расхождение можно ликвидировать посредством эффективной работы службы по связям с общественностью по направлению организации эффективных как внешних, так и внутренних коммуникаций. Если репутация неоправданно завышена, стремление выдать желаемое за действительное рано или поздно приведет к тому, что несоответствие между репутацией и реальным положением дел обнаружится, репутация станет снижаться до тех пор, пока не приблизится к реальности. В этом случае компания должна или улучшить показатели и прибыльность, или смягчить ее восприятие заинтересованными сторонами. Конечно, первый вариант поведения более предпочтителен. Но если разрыв большой и для его ликвидации нужно много времени, а ущерб, в случае если заинтересованная аудитория узнает правду, велик, неизбежно придется задуматься о снижении ожиданий. Когда ожидания меняются, а политика деятельности компании остается прежней, расхождение между репутацией и реальностью увеличивается, а риск возрастает. Поэтому очень важно в постоянном режиме не только наблюдать за изменением убежде-

ний и ожиданий, но и выявлять влияние СМИ на процессы их формирования. Резкое изменение интенсивности освещения в прессе влияют на скорость и степень изменения убеждений и ожиданий.

Ситуация кризиса трансформирует потенциальные риски в реальную угрозу репутации компании. Поэтому принципиально важное значение приобретает организация кризисных коммуникаций как целого комплекса мероприятий, направленных на установление результативного взаимодействия организации и её общественности до, во время и после негативного воздействия, с целью поддержания устойчивой репутации организации и минимизации репутационных рисков.

Для этого используется совокупность социальных коммуникативных технологий, направленных на прогнозирование, диагностирование, управление кризисом, адаптацию к новым условиям и нейтрализацию негативных последствий. Применительно к кризисной ситуации это означает учет факторов, связанных не только с самим кризисом, но и с реакцией общественности на его возникновение и поддержанием устойчивой репутации организации.

Важно понимать, что кризис – это прежде всего результат нарушения информационных связей, особенно в условиях нынешнего бурного развития новых электронных медиа. Средства массовой информации не преминут воспользоваться кризисной ситуацией и привлечь к ней внимание широкой аудитории. «Проекция новых медиа на пространство СМИ – это совокупность новых форматов работы изданий по привлечению аудитории с использованием наиболее актуальных и востребованных инструментов визуализации информации, донесения её до аудитории и вовлечения аудитории в создание содержания издания» [6, с. 2]. Но самое главное заключается в том, что сегодня это не просто способ информирования – это мощный канал воздействия. По мнению 84% руководителей во всем мире, негативные публикации в прессе могут причинить наибольший вред репутации компании, однако россияне недооценивают потенциальные риски новых СМИ и возможные риски в Интернете относят исключительно к плохо сделанному веб-сайту компании. В России предпочтение отдается следующим способам защиты репутации: мониторингу традиционных СМИ (47%), хорошему веб-сайту компании (47%), построению хороших взаимоотношений с ведущими СМИ (45%). За рубежом считается, что лучшие средства – это мониторинг СМИ (42%) и социальных сетей и блогов (38%) [4].

В данном контексте управление репутацией в кризисной ситуации базируется на разработке программы кризисных коммуникаций, реализация которой осуществляется по нескольким направлениям. Первое направление посвящено управлению неопределенностью. Важно проанализировать коммуникационные аспекты проблемы, связанные с каналами, формами и содержанием передаваемой информации, осуществить анализ текущих и возможных рисков; разработать стратегию кризисных мероприятий, направленных на поддержание имиджа и репутации, а также конкретный детальный кризисный план.

Второе направление – управление реакцией на кризис. С одной стороны, необходимо определить все возможные заинтересованные группы, одинаково реагирующие на кризисную информацию, и установить цели коммуникаций для каждого из сегментов. С другой стороны, информирование общественности о планах по преодолению кризисной ситуации уже в первые часы и дни кризиса способно скоординировать действия, снизить уровень неопределенности и тре-

возможности. Такие действия демонстрируют компетентность, решимость руководства в преодолении кризиса, наличие контроля ситуации и способствуют получению запаса времени на разработку дальнейших мероприятий.

Третье направление системы кризисных коммуникаций связано с урегулированием кризисной ситуации. Здесь важно в соответствии с разработанными планами для каждого сегмента общественности последовательно осуществлять целый комплекс мероприятий, направленных на восстановление репутации. Необходимо обеспечить организацию и координацию коммуникационных потоков, активизировать поддержку со стороны партнеров, представителей власти и лидеров общественного мнения.

Четвертое направление – это извлечение уроков из кризиса, упреждающее выявление ситуаций высокого риска в деятельности. Во-первых, необходимо прогнозирование возможных рисков и кризисных ситуаций в целях разработки превентивных и ответных действий. Во-вторых, важно планирование коммуникации в условиях кризисной ситуации, и план должен быть гибким, чтобы возможны были его обновление, корректировка и согласование с заинтересованными сторонами, которые будут задействованы в период развития кризисной ситуации.

Эффективность планирования и результативность кризисных коммуникаций должны оцениваться не только по тому, как быстро это было сделано, но и по тому, в какой мере выполнена поставленная задача, были ли допущены ошибки и промахи и какова была на это реакция общественности. Публичное признание своих ошибок, декларация намерений осуществления мер, направленных на то, чтобы подобная ситуация не повторилась, способствуют созданию атмосферы доверия, снижают вероятность совершения подобных ошибок при наступлении кризисного момента и, что самое главное, позволяют сохранить или укрепить репутацию и авторитет в глазах общественности.

Список использованной литературы:

1. Большой юридический словарь. Академик.ру. 2010. URL : <http://jurisprudence.academic.ru/1756/%D> (дата обращения : 26.07.2013).
2. Колосова В. И., Вавильчева Т. Ю. Деловая репутация : понятие, проблемы правового регулирования и охраны // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 3 (1).
3. Певницкий С. Г. Некоторые аспекты защиты чести, достоинства и деловой репутации лиц при использовании СМИ материалов деятельности правоохранительных органов // Адвокатская практика. М., 2006. № 1.
4. Рискованный бизнес : репутация в Интернете. URL : <http://planetahr.ru/publication/2745> (дата обращения : 12.07.2013).
5. Рустамова И. Т. Генезис деловой репутации как объекта экономических исследований // Вопросы современной экономики. Электронный научный журнал. URL : <http://economic-journal.net/2013/07/201/> (дата обращения : 19.09.2013).
6. Сакоян А. Новые медиа : границы явления. URL : http://polit.ru/article/2011/08/05/new_media/ (дата обращения : 15.07.2013).

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ИРАКЕ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

Согласно словарю русского языка С. И. Ожегова, слово «неприкосновенный» означает «сохраняемый в целости, защищенный от всякого посягательства со стороны кого-нибудь» [1, с. 521]. Исходя из данного толкования, по мнению ряда российских учёных, под личной неприкосновенностью следует понимать гарантированную государством недопустимость постороннего вмешательства в физическую, психическую, духовную сферы жизнедеятельности индивида, т. е. недопустимость вмешательства извне в область индивидуальной жизнедеятельности личности [2, с. 93].

В соответствии с п.1 ст.9 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность [3]. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года в ст. 5 также предусматривает, что каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность [4]. Однако в международных документах содержится ряд ограничений, по которым человек может быть лишен свободы, например законное содержание лица под стражей после его осуждения компетентным судом, законное задержание лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний и др. [3].

Неприкосновенность личности обеспечивается государственными институтами, а уровень ее реализации, защиты и гарантированности нормами права служит необходимой предпосылкой становления и формирования правового государства и является показателем уровня демократизации правового режима в государстве [5, с. 310]. Необходимо отметить, что такое важное положение, как право на личную неприкосновенность, закреплено в конституциях ряда зарубежных государств с развитой демократией, таких как Швеция, Финляндия, Дания, Россия и др.

Иракская республика провозгласила права и свободы человека и гражданина как приоритетные и наиболее значимые и признала необходимость придерживаться в данной области общепринятых международных стандартов. Однако, как отмечает ряд исследователей, хотя конституции арабских стран даже в преамбуле декларируют приверженность принципам демократии, социальной справедливости и международным стандартам прав и свобод человека, тем не менее не эти принципы, а прямое господство государственной власти над личностью определяет конституционный статус человека в арабских странах [6, с. 27–29].

Конституция Ирака, принятая в 2005 году, установила, что каждый имеет право на жизнь, безопасность и свободу. В соответствии со ст. 15 лишение или ограничение этих прав запрещено, за исключением случаев, предусмотренных законом и основанных на решении, вынесенном уполномоченной судебной властью [6]. Свобода и достоинство человека под охраной. Никто не может быть взят под стражу или подвергнут допросу иначе как по законному решению. Все формы психологических и физических пыток, равно как и жестокое обращение, запрещены. Государство гарантирует защиту личности от интеллектуального, политического и религиозного принуждения (ст. 35) [7]. Также оно гарантирует сво-

боду выражения любым способом (ст. 36) [7]. Необходимо отметить, что в Конституции Ирака отсутствует норма, прямо закрепляющая право на неприкосновенность личности, что, соответственно, придает иной статус данному праву и снижает его значимость.

В течение последних 50 лет мир захлестнули опустошительные вооруженные конфликты, уносящие жизни миллионов мирных людей в таких странах, как Афганистан, Ирак, Пакистан, Сомали и др. В этой связи вопрос о соблюдении и защите прав человека в условиях вооруженного конфликта обретает особую значимость и актуальность.

Международное право предусматривает особые меры защиты личности в период вооруженных конфликтов. Общие принципы правового режима для мирного населения установлены IV Гаагской конвенцией 1907 года и Женевской конвенцией 1949 года. В отношении гражданского населения на оккупированных территориях запрещаются: насилие над жизнью, здоровьем, физическим или психическим состоянием, в частности убийство; все виды пыток; телесные наказания; увечья; надругательство над человеческим достоинством, в частности унижительное или оскорбительное обращение; принуждение к проституции или непристойное посягательство в любой его форме; захват заложников; коллективные наказания; угрозы совершения указанных действий [8, с. 570–658].

20 марта 2003 года США и их союзники развязали вооруженную агрессию против Ирака. Начался затяжной международный военный конфликт (2003–2011 годы), целью которого было свержение режима Саддама Хусейна. Как отмечает Х. М. Залбеков, действия США международное публичное право квалифицирует именно как агрессию, поскольку, в соответствии с определением агрессии, принятым Генеральной Ассамблеей ООН в 1974 году, факт объявления войны, которая не является актом самообороны, согласно ст. 51 Устава ООН, не превращает войну противоправную в войну законную, а представляет собой акт агрессии [9, с. 10].

Следует сказать, что вооруженный конфликт привел к катастрофическим последствиям для Ирака, фактически переставшего существовать как национальное суверенное государство. С момента вторжения США в Ирак происходили многочисленные нарушения прав человека. В ходе боевых действий погибло более 162 тыс. мирных жителей.

Несмотря на то что в 2005 году в обстановке усиленных мер безопасности в Ираке прошли первые за полвека многопартийные парламентские выборы, была принята Конституция Ирака, которая провозгласила права и свободы человека и гражданина как приоритетные и наиболее значимые направления государственной политики, в Ираке по-прежнему высок уровень гибели гражданских лиц и иракские власти прибегают к арестам и задержанию людей на длительный срок без обеспечения доступа к ним адвоката. Заключение и задержанные подвергаются пыткам и жестокому обращению [10]. В докладе, подготовленном Миссией ООН в Ираке и Управлением ООН по правам человека отмечается рост числа жертв среди гражданского населения в Ираке в июле 2013 года. В результате актов терроризма и насилия было убито 1057 человек и 2326 человек получили ранения. С начала 2013 года было убито 4137 гражданских лиц и ранено 9865 [11].

Таким образом, можно сказать, что права и свободы человека остаются одной из важнейших ценностей как в мирное время, так в условиях вооруженного конфликта. Ситуация в Ираке показала, что, несмотря на провозглашенный конституцией приоритет прав и свобод, права человека, в том числе и гарантирован-

ное государством право на неприкосновенность личности, которое включает неприкосновенность жизни, здоровья, телесную неприкосновенность, а также неприкосновенность чести и достоинства, как нарушалось в условиях вооруженного конфликта со стороны вооруженных сил США, так и нарушается в настоящее время иракскими властями.

Список использованной литературы:

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. М., 2004.
2. Комкова Г. Н., Шудра О. В., Даурова Т. Г. и др. Институт прав человека в России / под ред. Г. Н. Комковой. Саратов, 1998.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // Официальный сайт Организации объединенных наций. URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения : 22.09.2013).
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изменениями от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января, 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) ETS N 005. URL : <http://echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm> (дата обращения : 14.10.2013).
5. Головистикова А. Н., Грудцына Л. Ю. Конституционное право России : учебник / под ред. Н. А. Михалевой. М., 2006.
6. Хунов Р. Особенности конституционного статуса личности в исламском праве // Право и жизнь. 2003. № 5.
7. Конституция Ирака. Российский правовой портал : Библиотека Пашкова. URL : <http://constitutions.ru/archives/6109> (дата обращения : 22.09.2013).
8. Дополнительный протокол 1977 г. к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. // Международная защита прав и свобод человека : Сборник документов. М., 1990.
9. Залбеков Х. М. Агрессия США против Ирака // Евразийский юридический журнал. URL : http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_jcontentplus&view=article&id=1388:2010-11-12-06-55-22&catid=176:2010-11-12-06-52-56&Itemid=196 (дата обращения : 22.09.2013).
10. Центр новостей ООН. URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disappearance.shtml (дата обращения : 13.11.2012).
11. Центр новостей ООН. URL : <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=19983#.UmJ4gVNP3Gg> (дата обращения : 13.11.2012).

О. О. Дорофеева

КОМПЕНСАЦИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ, КАК НОВЕЛЛА ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

1 марта 2013 года вступила в силу ст. 16.1 ГК РФ, предусматривающая компенсацию ущерба от правомерных действий государственных органов и органов местного самоуправления. Прежде в ГК предусматривалось только возмещение убытков, причиненных гражданину или юридическому лицу вследствие неправомерных действий.

Рассмотрение в суде вопроса о возмещении гражданам и юридическим лицам вреда, причиненного неправомерными действиями публичных органов, зачастую ведет к отказу в удовлетворении исковых требований из-за недоказанности элементов правонарушения. Это показывает анализ судебной практики, в

частности определения ВАС РФ от 25.06.2012 N ВАС-7383/12 и информационного письма Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 31 мая 2011 года № 145 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами» [2].

Федеральным законом от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ, а впоследствии и гл. 22 ГПК РФ была также предусмотрена компенсация гражданам за нарушение права на судопроизводство или исполнение судебного акта в разумный срок. Интересно, что размер компенсации за данные правонарушения в России немного отличается от европейских стандартов, несмотря на то что российские суды обязаны их учитывать. Так, например, по одному из гражданских дел, которое рассматривалось в российском суде в течение 8 лет, 1 месяца и 16 дней, была взыскана сумма компенсации за затягивание процесса в размере 50 000 рублей. По иску испанского гражданина о возмещении вреда, причиненного здоровью, гражданское дело рассматривалось в течение 12 лет. ЕСПЧ признал данный срок нарушением и взыскал компенсацию в размере 40 000 евро [1, с. 161].

Так или иначе, но теперь российский суд несет ответственность за неправомерное затягивание процесса.

Причинение ущерба может являться следствием и правомерных действий, о чем как раз и говорится в ст. 16.1 ГК РФ. Следует отметить, что ст. 1064 ГК РФ уже установлено, что вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом. На первый взгляд может показаться, что ст. 16.1, таким образом, дополняет ст. 1064. Однако это не совсем так, поскольку в ст. 16.1 говорится о компенсации ущерба, причиненного органами власти, в то время как в ст. 1064 – о возмещении вреда. До сих пор ведутся споры о том, синонимичны данные понятия или нет. Некоторые правоведы соотносят их как часть и целое. Согласно п. 2 ст. 15 ГК РФ, реальный ущерб – это расходы, которые лицо, чье право нарушено, понесло или должно понести для восстановления права, а также утрата, повреждение имущества. Ущерб – натурально-вещественная форма выражения вреда.

Мерой гражданско-правовой ответственности является возмещение убытков. Для ее применения судом требуется наличие состава правонарушения. Лицу, требующему возмещения убытков, необходимо доказать противоправность действий лица, причинившего вред, наличие вреда, наличие причинно-следственной связи между противоправными действиями и нанесенным вредом и вину лица, причинившего вред. Для нас как юристов интерес представляет то, что в связи с появлением ст. 16.1 ГК истцу будет необходимо доказывать не все четыре элемента состава, а только два – наличие ущерба и причинно-следственную связь с правомерными действиями субъекта власти. Несмотря на это, доказать, что гражданин или юридическое лицо понесли ущерб из-за правомерных действий органов власти, будет нелегко в силу специфичности правового статуса последнего. Сложности могут появиться и с установлением суммы ущерба.

В целом появление ст. 16.1 является позитивным моментом в развитии отношений между государством, гражданином и юридическим лицом. Бывают случаи, когда для предотвращения террористического акта правоохранительные органы ломают двери, мебель, стены – портят имущество юридического лица. Да, теракт предотвращен, но будет ли компенсация ущерба юридическому лицу? На основании ст. 16.1 ГК РФ – да. Эта статья стала специальной нормой, касающейся

действий государственных органов и органов местного самоуправления.

Применяться на практике положения статьи будут в случаях, прямо предусмотренных законом. Наиболее распространенный пример применения статьи – аренда земельного участка при строительстве на нем многоэтажного дома. Арендодатель – муниципальное образование, которому предоставлено право отказа от исполнения договора аренды в одностороннем порядке. Если он реализует это право, арендатору будут причинены огромные убытки. Поскольку арендатор понес убытки и реализация права арендодателя правомерна, следовательно, можно применить статью 16.1 и обязать муниципальное образование компенсировать застройщику причиненный ущерб.

Теперь, когда статья вступила в силу, государство заинтересовано в установлении четкого порядка работы статьи на практике, иначе норма может привести к лавине необоснованных исков от бизнесменов и граждан к органам власти. Тем не менее это нововведение ГК РФ является перспективным, поскольку, во-первых, приведет к регламентации порядка компенсации ущерба, а во-вторых, повысит ответственность российских органов власти, что лишним в нашей стране никогда не будет.

Список использованной литературы:

1. Герасимова Н. Н. Присуждение денежной компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 3.
2. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами : Информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 31 мая 2011 г. № 145 // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2011. № 6.

И. А. Иванников

РОЛЬ ПРАВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ОПТИМИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Закрепление в Конституции Российской Федерации положения о том, что государственная власть в стране принадлежит народу, ещё не означает, что она ему действительно принадлежит. Народ России не спрашивают, какие законы ему нужны. Перед упразднением графы «национальность» в паспорте опрос населения не проводился и граждан России не спрашивали, хотят ли они идентифицировать свою национальность. Впоследствии это привело к недовольству многих граждан.

Несоответствие законов принципу справедливости и потребностям общества приводит к их неисполнению. В России с 1990-х годов действующее законодательство часто не соответствует уровню развития общества и не опирается на принятое в нем понятие социальной справедливости. Законы, исходящие от государственной власти, воспринимаются в обществе неоднозначно, а зачастую как несправедливые.

В целом с конца 1940-х годов до настоящего времени в мире произошло нормативное закрепление характеристики государств как социальных, что стало одной из сущностных характеристик гуманного государства.

По сути, социальное государство, как и учения о нем, возникает на базе правового государства. Государственная власть в гуманном государстве обязана

поддерживать равенство в правах и свободах всех классов, наций и иных социальных общностей, а также отдельных индивидов.

В СССР в конце 1960-х – первой половине 1980-х годов формировалось гуманное государство социалистической модели, соответствующее существующему тогда в СССР уровню развития экономики и общей культуры населения. В стране была ликвидирована безработица, реализовывались права на труд, бесплатное образование и здравоохранение, на достойную заработную плату и материальное обеспечение в старости.

В гуманном государстве одной из важнейших задач является и укрепление здоровья людей. Конституция РФ 1993 года (ст. 7) закрепила, что РФ есть социальное государство. Социальное государство должно проводить гуманную политику. Государственная власть гуманного государства действует в соответствии с законом.

Идеальным государством по проведению референдумов является Швейцария. Референдум по закону – это реализация идеи социальной справедливости в праве.

Поскольку история изменчива и неповторима, абсолютную справедливость искать бессмысленно. К реализации справедливости в практике общественных отношений можно лишь приблизиться. Даже там, где человек-гражданин осознаётся как высшая ценность и существует оптимальное соотношение прав и обязанностей – в современных Швейцарии, Швеции, ФРГ, Австрии, Соединённом Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, – этого достичь не удалось. Уничтожить социальное неравенство нельзя, но его уровень в каждом государстве свой – от оптимального до критического.

Практика показывает, что можно с помощью безнравственных и несправедливых законов разрушить любое общество и государство, а при справедливых законах, наоборот, сделать государство более прочным, а общество – гуманным и динамично развивающимся. После перестройки и гайдаровских реформ Россия понесла катастрофические потери. «Реформы» и вся модернизация политической и правовой систем России были антирусскими по своему содержанию. Разорение колхозов в России привело к развалу сельского хозяйства, обезземеливанию и обнищанию крестьян, падению нравов, росту преступности.

Революцию и террор ещё можно предотвратить. Создавая гуманные законы, нужно одновременно противодействовать идеологии экстремизма и терроризма. Для того чтобы построить гуманное государство с легитимной государственной властью, законы должны не только закреплять социальную справедливость, равенство граждан перед законом, но и реализоваться на практике. При разработке проектов новых законов следует руководствоваться принципом социальной справедливости. В противном случае правотворчество будет приводить к воплощению в жизнь несправедливых и негуманных законов, выражающих интересы богатых индивидов, кланов и т. п., что будет подрывать авторитет правосудия, государственной власти и вести к росту оправданного правового нигилизма.

Государственная власть эффективна при взаимовлиянии государственной власти и общества, причём показатель ее эффективности – это не только её влияние на общество, но и приносимая ею обществу польза, обеспечение уровня и качества жизни населения. При оценке правовой политики российской государственной власти можно отметить, что многие законы не продиктованы интересами народа. Бедное население провинции в Центральной России испытывает чув-

ство протеста против вопиющего нарушения норм социальной справедливости. Здесь нужна свобода. Те, кто не имеет возможности выразить своё мнение и активно участвовать в легальной политике, подталкиваются к экстремизму. Главная цель цивилизованной государственной власти заключается в обеспечении прав и свобод человека, достижении всеобщего блага. Граждане должны требовать от государства обеспечения нормальных условий для своего экономического и духовного существования. И тогда возможен подлинный патриотизм граждан как ответственное чувство на заботу о них со стороны государства. Социальная справедливость является основой, началом, точкой отсчёта для построения демократического и гуманного государства. Мы живём в обществе права силы, но необходимо строить общество силы права, основанного на социальной справедливости и гуманизме.

Обычаи, традиции и устои жизни той или иной местности накладывают отпечаток на нравственное состояние постоянно проживающих там людей, на их психику. Люди, привыкшие к вековой вере, форме правления и традициям своих предков, не желают без видимых причин от них отказываться. Их нарушение кем-либо вызывает в российской провинции общественное осуждение, молчаливое или гласное, снижающее рейтинг субъекта-нарушителя. Моральная ответственность пронизывает отношения между людьми здесь очень глубоко и способствует формированию законопослушных граждан, у которых хорошо развито чувство долга. Здесь обострены моральная ответственность перед окружающими и стыд за негативную оценку своих действий с их стороны. Это заставляет индивидов придерживаться в своем поведении принятых в данной местности обычаев и традиций. Это хорошо усвоили враги России – многонациональный состав, низкая политическая и правовая культура ее населения были использованы спецслужбами США при развале СССР. З. Бжезинский в 2007 году признал, что, занимая должность помощника президента Дж. Картера в конце 1970-х годов, он предложил «закрытую программу, направленную на поддержку стремлений к независимости со стороны нерусских национальностей Советского Союза» [2, с. 63]. По поводу развала СССР З. Бжезинский отметил, что 26 декабря 1991 года «Империя Зла униженно признала своё поражение...» [1, с. 63]. Поражение СССР – это, по Бжезинскому, результат сорокалетних усилий не только американских президентов, но и таких фигур, как «...Папа Иоанн Павел II, лидер польского движения „Солидарность“ Лех Валенса и инициатор разрушительной перестройки советской системы Михаил Горбачев» [1, с. 24]. США оказали правительству Б. Ельцина в 1992 году финансовую помощь в размере 60 млрд долларов. «Большая часть этих денег была просто украдена. ... Хаос и коррупция превращали в насмешку российские и американские заявления о „новой демократии“ в России», – отметил З. Бжезинский [1, с. 67]. Мы же отметим, что нет подлинной демократии в государстве с низкой правовой культурой общества и государственных служащих.

Современное человечество вступило в эру выживания индивидов, наций, рас и государств (стремительный рост народонаселения, глобальное потепление, экологический и мировой экономический кризис). В Российской Федерации и других государствах, которые возникли на территории бывшего СССР, еще не закончились процессы реформирования экономической, политической, правовой и духовной систем, эти страны оказались в особо тяжелых условиях. Из внутренних проблем государства актуальной является проблема гуманизации законодательства и взаимной ответственности государства и граждан. После

развала СССР Российская Федерация и русский народ оказались в невыгодной ситуации – государство без четких границ и искусственно разделенный русский народ. Если в период с 1917 по 1937 год большевистское руководство СССР недостаточно развивало национальную культуру русского народа, боролось с религией, то после 1988 года пришедшие к власти националисты в большинстве республик бывшего СССР стали развивать национальную самобытность. Если Европа объединялась и создавала наднациональные и надгосударственные органы власти, то на территории бывшего СССР верх взял национализм, проявились нацизм, фашизм, религиозный фанатизм и исламский терроризм. Националисты в республиках, несмотря на то что русский язык знало все население союзных республик, не признали его государственным или хотя бы вторым государственным даже в таких республиках, как Казахстан, Латвия, Литва, Украина и Эстония, где русские составляли большинство населения. Мировой опыт свидетельствует, что знание многих языков способствует повышению культуры общества. В освободившемся в 1956 году от колониальной зависимости Тунисе два государственных языка – арабский и французский. Это положительно отразилось на культурном развитии населения страны. То же можно сказать о Швейцарии, Финляндии и других странах. Правительства многонациональных государств, возникших после развала СССР, столкнулись с проблемой национальной идентичности. Попытки создания национальной идентичности в виде «россиян» в Российской Федерации или «казахстанской нации» в Казахстане не оправдали себя. У коренных народов исторической России, проживавших на территории Российской империи и СССР, нет другой исторической родины.

После 1991 года в России обострились противоречия между находящейся у власти элитой и подавляющей массой населения, центром и провинцией, проявилась многоаспектность ментальности. Проблемой российского общества 1990-х – начала 2000-х годов являлось то, что многие высокие должности были заняты чиновниками, которые, по сути, ни по состоянию души, ни по образу жизни не соответствовали званию интеллигента, не имели должной правовой культуры, не являлись профессионалами в той сфере деятельности, которую должны были контролировать или осуществлять руководство персоналом. Эти люди не в состоянии оценить истинного положения дел в министерстве, департаменте, агентстве, в государстве и определить его место в мире. Государственный служащий-профессионал – это еще и интеллигентный, всесторонне развитый человек, обладающий высокими нравственными качествами, готовый отдать свои знания людям. Это политик, который должен стремиться нарабатывать опыт, хорошо знать внутренние проблемы и пути их решения в рамках закона.

Самая главная проблема российской государственной власти – в ней самой. Нет ответственности ветвей власти за результаты своей деятельности. Субъекты законодательной власти особенно отличаются низкой правовой культурой, и правовая культура законодателей материализуется в принимаемых ими законах.

Особое внимание необходимо уделить правовому воспитанию будущих госслужащих и юристов, поскольку именно от них общество ждет демонстрации образцов честности, добросовестности и профессионализма. Но это невозможно без порядочного и уважительного отношения их друг к другу. В учебных заведениях, где готовят будущих государственных служащих, и на юридических факультетах нужны в качестве обязательных учебных дисциплин курсы служебной, судебной, прокурорской, следовательской и адвокатской этики, поскольку юри-

дическая этика – это часть правовой культуры и показатель профессиональной зрелости. Но и этого недостаточно. Занимаясь юридической практикой профессионально или находясь на государственной службе, юристы и государственные служащие «обречены» на самовоспитание и самообразование, на самостоятельный анализ политико-правовой теории и практики на протяжении всей своей профессиональной деятельности. Каждый практик или теоретик должен стремиться быть профессионалом своего дела. Успех здесь зависит в большей степени от самого человека, от его способностей и желания. Госслужащие и юристы в первую очередь должны демонстрировать образцы законопослушности, руководствоваться интересами государства, иметь высокую общую и правовую культуру. Их деятельность – это служению России, её народу. Эти люди должны иметь государственное правосознание, а значит, признавать огромную роль государства в обеспечении государственной безопасности. При этом само понятие «государственная безопасность» должно ими пониматься адекватно существующей форме государства.

Государственные служащие не должны увольняться за попытку блюсти государственный интерес, а наоборот, должны быть повышены в должности или награждены, поощряться материально. В министерствах, федеральных службах должны действовать аналитические отделы, состоящие из ученых, призванных анализировать состояние общества и государства, оценивать международный имидж государства и вовремя информировать верховную государственную власть о возможных проблемах, предвидеть кризисы. Необходимы также изучение идей и тактики поведения оппозиции и корректировка её методов борьбы за власть.

Законодательство устанавливает определённые ограничения для государственных служащих в связи с прохождением ими государственной службы, а поэтому те же законы должны закреплять определённые гарантии и льготы, которые компенсировали бы эти ограничения. Считаю, что субъекты государственной власти в период выполнения своих функций должны иметь материальные привилегии как признание их повышенной ответственности за результаты собственной деятельности и неизбежное при этом психическое напряжение. Прямые денежные выплаты представителям государственной власти должны быть в 3–10 раз выше прожиточного минимума в зависимости от занимаемой должности и её социальной значимости.

Высокая правовая культура должностных лиц является условием обеспечения реализации субъективных прав и юридических обязанностей в обществе, гарантией соблюдения законности и правопорядка.

Государственные служащие в меру их ответственности и значимости должны уметь дать правильную оценку политическим событиям и юридически-значимому поведению субъектов права. В ином случае они обществу просто не нужны. Государственная власть заинтересована в том, чтобы граждане исполняли законы. Однако некоторые люди рассуждают иначе: если я должен следовать закону, то закон должен быть справедливым, моральным с точки зрения подавляющего большинства населения страны. В силу этого реализация государственной властью закона любым путем делает его неэффективным и часто противоречит правовой культуре.

«Российская Федерация – это совершенно другое государство, чем СССР, не только по территории, но и по экономической, политической, правовой и духовной системам. Это государство, которое приняло западные ценности и образ

жизни, но при этом в ряде субъектов федерации очень сильно влияние ислама, а некоторые народы, населяющие Россию, могут создать свои национально-территориальные образования. Но повысился ли после этого имидж России? Имидж государства зависит от многих факторов – не только от личности главы государства, но и от обширности территории, мощи вооруженных сил, уровня развития культуры, того, насколько последовательно оно готово защищать интересы своих соотечественников, оказавшихся за рубежом. А это могут быть люди разных национальностей, социального и имущественного положения. Экономический рост также не всегда является единственным и решающим фактором успеха» [2, с. 305]. Со времени «перестройки» в СССР в очередной раз возник дефицит социальной справедливости и нравственности, который еще не преодолен и в современной России. Почему безнравственные люди быстро поднимаются по служебной лестнице? Социальное расслоение стало угрозой стабильности в стране.

«Во властных структурах оказались люди, доходы которых неизвестны, причины их богатства покрыты тайной. Они стали причастны к правотворчеству, закрепляют в законах свои представления о „правопорядке“, а иногда и о „справедливости“». А дефицит справедливости в обществе порождает политическую нестабильность, падение нравов и рост преступности [2, с.308].

Практически во все времена правовое воспитание рассматривалось как профилактика правонарушений. Образовательные учреждения призваны повышать правосознание граждан и правовую культуру молодого поколения, формировать у этой категории позитивное отношение к праву, правосудию, законности. Образовательный и воспитательный процессы должны быть взаимосвязаны. Правонарушения в практической деятельности выпускников вузов связаны с субъективными факторами, обусловленными низким уровнем правового и нравственного воспитания в вузе. Функция правового воспитания при подготовке юриста возложена на каждого преподавателя, который своим личным примером должен продемонстрировать образец законопослушности, профессионализма и патриотизма, активной борьбы с правонарушениями. При этом необходимо повышать и общекультурный уровень молодёжи. Это нужно делать не только на занятиях, в ходе учебного процесса, но и во внеучебное время. Можно, например, узаконить день бесплатной работы музеев или ввести в учебный процесс обязательное посещение музеев, как это делается в ФРГ.

Все граждане России должны участвовать в совершенствовании институтов государства, бороться за большую справедливость, за гуманную государственную власть. При этом нужно помнить, что бесконтрольная экономическая власть приобретает политическое влияние и ведет к олигархическому правлению. И тогда государственная власть уже не может выражать интересов всего народа.

Как можно объединить такой народ в единое целое?

1. Государственная власть должна создать не на словах, а на деле атмосферу заботы о каждом гражданине России, причем большая часть этой работы выпадает на органы государственной власти субъектов Российской Федерации.

2. Должна быть реальная ответственность государственных чиновников за свои действия.

3. Необходимо развитие гласности в деятельности центральных и местных органов власти. Принятие норм права, изменяющих правовой статус личности,

должно осуществляться только на референдуме после предварительного всенародного обсуждения.

4. Должна вестись конкретная борьба с преступностью, в том числе и с коррупцией и организованной и неорганизованной этнической преступностью.

5. Необходимо свести к минимуму правовой нигилизм путем повышения уровня правовой культуры общества, совершенствования качества принимаемых законов, упрочения законности и правопорядка. Перспективны для России развитие и реализация идей гуманного государства и законодательства, взаимной ответственности государства и граждан.

Потребности и интересы общества, государства, граждан настоятельно требуют упорядоченности и стабилизации основных сфер общественной жизни. А это возможно при повышении уровня общей и правовой культуры граждан. Отсутствие надлежащего правового порядка разрушает общество. Это проявляется в незащищённости прав, свобод и интересов граждан, в растущей преступности и постоянной угрозе жизни, здоровью, чести и достоинству людей, в разрушении экономических и социальных связей и т. д. В настоящее время в Российской Федерации нужен чёткий и жёсткий правопорядок как условие суверенного существования государства, достижения истины и справедливости, нужна переориентация деятельности СМИ от развлекательной функции к воспитательной, способствующей повышению уровня культуры общества.

Список использованной литературы:

1. *Бжезинский З.* Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М., 2007.
2. *Иванников И. А.* Теория государства и права. М., 2011.

А. М. Ключников

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ И ПРЕКРАЩЕНИИ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ НАРКОКОНТРОЛЯ

На государственной службе, как и в любом коллективе людей, не должно быть крайностей: тотального доноительства друг на друга в личных целях, с одной стороны, и круговой поруки – с другой.

Д. А. Медведев

Взаимоотношения людей зачастую немислимы без столкновения идей, жизненных позиций, целей как отдельных личностей, так и малых и больших коллективов. Возникающие расхождения и противоречия разных сторон нередко переходят в конфликты. Любой конфликт возникает, протекает и разрешается на фоне конфликтной ситуации.

В настоящее время изучение конфликтных ситуаций приобретает большой резонанс, рядом авторов приняты реальные меры по созданию юридической конфликтологии, предметом которой являются конфликты в сфере политики, межнациональные, в сфере деятельности правоохранительных органов и т. д. Особого внимания заслуживает возникновение и разрешение конфликтных ситуаций при поступлении и прекращении службы в органах наркоконтроля.

Изначально следует сказать, что правоохранительная служба в органах контроля оборота наркотических средств и психотропных веществ является видом государственной службы граждан Российской Федерации, замещающих должности правоохранительной службы в Федеральной службе Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков и ее территориальных органах [1].

В соответствии со ст. 10 Федерального закона от 25.12.2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [3] под *конфликтом интересов* на государственной службе понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) государственного служащего влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных (служебных) обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью государственного служащего и правами и законными интересами граждан, организаций, общества или государства, способное привести к причинению вреда и нарушению прав и законных интересов граждан, организаций, общества или государства.

Следует обратить внимание на то, что конфликт интересов не является служебным спором, поскольку возникает не по поводу установления или применения условий труда, а по поводу наличия или отсутствия личной заинтересованности у служащего [4, с. 39]. Исходя из этого предлагаем конфликтные ситуации при поступлении и прекращении службы в органах наркоконтроля рассматривать как множество условий и предпосылок возникновения реального противоречия между личной заинтересованностью государственного служащего, замещающего должность правоохранительной службы в Федеральной службе по контролю за оборотом наркотиков и ее территориальных органах, и интересами граждан, общества, государства, которые порождаются в случаях неисполнения требований законодательства при поступлении и прекращении службы в органах наркоконтроля.

Учитывая разнообразие конфликтных ситуаций, составить исчерпывающий перечень едва ли возможно. Тем не менее можно выделить ряд ключевых областей, в которых возникновение конфликтной ситуации является наиболее вероятным.

1. *Возникновение и разрешение конфликтных ситуаций при поступлении на службу в органы наркоконтроля.*

Порядок поступления на службу в органы контроля оборота наркотических средств и психотропных веществ регламентируется Указом Президента РФ от 5 июня 2003 года № 613 «О правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ» [1], приказом Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков от 8 октября 2009 года № 444 «Об утверждении Инструкции о порядке приема на службу, испытания при приеме на службу, назначения на должности, заключения контрактов о прохождении службы, освобождения от должностей и присвоения специальных званий в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ» [5].

При поступлении на государственную службу в Федеральную службу по контролю за оборотом наркотиков и ее территориальные органы претендент в целях недопущения возникновения конфликта добровольно соглашается с тем, что его личные интересы должны быть подчинены интересам государства и в связи с этим должен существовать механизм ограничения определенной активности

этого лица. Так, в настоящее время в отношении сотрудников и федеральных государственными гражданскими служащими органов наркоконтроля независимо от замещаемой должности при поступлении на службу установлен комплекс запретов, ограничений, обязанностей, обеспечивающих предупреждение коррупции в данных органах.

В соответствии с Положением о правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, утвержденным Указом Президента РФ от 5 июня 2003 года № 613, на соискателей распространяются такие требования, как отсутствие судимости в настоящее время или в прошлом; дееспособность соискателя; прохождение процедуры проверки или оформления допуска к сведениям, составляющим государственную тайну; отсутствие гражданства другого государства за исключением случаев, когда поступление на службу в органы наркоконтроля урегулировано на основе межгосударственного договора; прохождение обязательной дактилоскопической регистрации; отсутствие заболеваний, препятствующих исполнению служебных обязанностей, и т. д. Кроме того, п. 11 ст. 54 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» [6] с 1 марта 2011 года на сотрудников органов контроля оборота наркотиков распространено действие ст. 29 этого закона – «Ограничения, обязанности и запреты, связанные со службой в полиции».

Нарушение установленных законом требований влечет возникновение конфликта, что, в свою очередь, приводит к негативным последствиям, возникновению которых способствуют необъективное исполнение государственным служащим должностных обязанностей, противоречие между его личной заинтересованностью и законными интересами граждан, организаций, общества, государства.

Для успешного разрешения конфликта необходимо, во-первых, выяснить причины конфликтной ситуации и мотивы поведения конфликтующих сторон, во-вторых, прояснить сложившуюся ситуацию и позиции сторон и, в-третьих, прогнозировать ход и последствия конфликта.

Разрешение конфликта интересов – это определенный алгоритм, процедура, которая превентивно способствует предотвращению коррупционных проявлений. Представитель нанимателя, получивший от служащего уведомление о возникновении конфликта интересов или угрозе возникновения последнего, должен в соответствии с законом принять меры по предотвращению возникновения конфликта интересов и урегулированию уже возникшего конфликта. Для этого ему прежде всего необходимо убедиться в том, что действительно имеется конфликт интересов или угроза его возникновения.

Однако решение вопроса о наличии или отсутствии конфликтной ситуации чаще всего требует выяснения большого количества обстоятельств и, соответственно, достаточно больших временных затрат. Поэтому для урегулирования конфликта в региональных управлениях ФСКН России предусматривается создание комиссий по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих и урегулированию конфликта интересов, деятельность которых регламентируется Указом Президента РФ от 01.07.2010 № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов». В основе организации работы по урегулированию конфликтной ситуации в данной сфере лежит обеспечение исполнения государственными служащими обязанностей, преду-

смотренных ст. 11 Федерального закона № 273-ФЗ.

2. *Возникновение и разрешение конфликтных ситуаций при прекращении службы в органах наркоконтроля.*

Расторжение контракта с сотрудниками и федеральными государственными служащими органов наркоконтроля часто порождает возникновение конфликтных ситуаций, поэтому данный вопрос также заслуживает детального рассмотрения.

Служба в органах наркоконтроля прекращается в случае увольнения сотрудника или его гибели. Основания для увольнения сотрудника со службы в органах наркоконтроля предусмотрены п. 2 приказа Федеральной службы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ от 23 июня 2004 года № 186 «Об утверждении Инструкции об организации работы по увольнению сотрудников со службы в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ», перечень которых является исчерпывающим. Увольнение сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих органов наркоконтроля по основаниям, не указанным в данном перечне, а также нахождение на службе лиц, возраст которых превышает установленный законом предел, является фактором возникновения конфликтной ситуации.

В целом регулирование конфликтных ситуаций при приеме и увольнении со службы в органах контроля оборота наркотических средств и психотропных веществ должно осуществляться единым нормативным актом, которым может быть Положение о правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ или специальный федеральный закон о правоохранительной службе.

Список использованной литературы:

1. О правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ : Указ Президента РФ от 5 июня 2003 г. № 613 (ред. от 07.06.2013) // СЗ РФ. 2003. № 23. Ст. 2197.
2. О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 02.07.2013) // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215; 2013 ; № 27. Ст. 3477.
3. О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 07.05.2013) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6228; 2013. № 19. Ст. 2329.
4. Комментарий к Федеральному закону от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (постатейный) / под ред. С. Ю. Наумова, С. Е. Чаннова. М., 2009.
5. Об утверждении Инструкции о порядке приема на службу, испытания при приеме на службу, назначения на должности, заключения контрактов о прохождении службы, освобождения от должностей и присвоения специальных званий в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ : Приказ Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков от 8 октября 2009 г. № 444 // СЗ РФ. 2009. № 21. Ст. 2549 ; № 32. Ст. 4005.
6. О полиции : Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 28.06.2013) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900 ; 2013. № 26. Ст. 3207

СВОБОДА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ : НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОЙ ТЕОРИИ

В последней трети XX века человечество вступило в эпоху *информационного общества*, и первостепенное значение во всех государствах мира придается информации, регулированию информационных потоков.

Признание и осуществление *свободы массовой информации* – признак и условие демократичности общественного устройства и политической системы. Данная политическая свобода представляется результатом поступательного развития социальных отношений и связей, связанных со *свободой мысли, слова, печати* и имеет глубокие исторические корни. На протяжении почти пяти веков, начиная с середины XV века, с момента возникновения книгоиздания, а затем появления газет и журналов, традиционные средства печати занимали абсолютное или доминирующее место среди источников коммуникаций, способов передачи и сохранения знаний [1, с. 507]. Однако цивилизованные формы свобода печати приобрела только после буржуазно-демократических революций XVII–XVIII веков в Европе и Северной Америке и даже спустя несколько десятилетий.

Так, в знаменитой французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года сказано, что «свободное выражение мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека; каждый гражданин ... может высказываться, писать и печатать свободно...» [2, с. 86].

В форме негативного предписания Конгрессу США не принимать законов, ущемляющих свободу слова и печати (первая поправка), это право установлено в американской Конституции 1787 года [3, с. 411].

Достаточно содержательно анализируемые свободы были закреплены в Веймарской конституции (ст.103), принятой в Германии в 1919 году. В ней фиксировались недопущение цензуры и право каждого немца свободно выразить свое мнение устно, письменно, в печати, посредством изображения или иначе [4, с. 83–84].

После Второй мировой войны право на информацию закреплено во многих международно-правовых актах, таких как Всеобщая декларация прав человека 1948 года (ст. 19), Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года (ст. 10), Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года (ст. 19). Во Всеобщей декларации, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, подчеркнута связь свободы выражения убеждений со «свободой искать, получать и распространять информацию и идеи многими средствами и независимо от государственных границ» [5, с. 14–15].

Отечественное законодательство в сфере информации начало складываться в первой половине 90-х годов XX века. В советских Конституциях вопросы права на информацию и доступа к ней не фиксировались. Так, в Основном Законе РСФСР 1978 года было сказано о свободе слова и печати (ч. 1 ст. 48), в общем виде о широком распространении информации, возможности использования гражданами печати, телевидения и радио (ч. 2 ст. 48). Аналогичным образом эти свободы регламентировались нормами Конституции Союза ССР 1977 года [6, с. 122–123]. При этом нужно учитывать, что официальной идеологией советского общества

был марксизм-ленинизм с его идеями научного коммунизма, а многие права и свободы предоставлялись в соответствии с целями коммунистического строительства и для укрепления и развития социалистического строя.

Ситуация постепенно начала меняться в период перестройки, когда политика гласности, нацеленная на большую открытость в работе государственных и общественных институтов, стала приобретать черты *политического и идеологического плюрализма*. Впервые в отечественной истории право на беспрепятственное выражение своих мнения и убеждений и право искать, получать и свободно распространять информацию было установлено в Декларации прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 года (ч. 1–2 ст. 13). Эта формулировка была затем воспроизведена и в Конституции (Основном Законе) Российской Федерации 1978 года (ч.2 ст.43) в редакции Закона РФ от 21 апреля 1992 года [7, с. 13].

Базовые положения о свободе массовой информации установлены в Конституции РФ 1993 года (ч. 5 ст. 29). Под данной свободой понимается правомерная деятельность прессы, радио, телевидения, иных форм распространения сообщений, предназначенных для многих или неограниченного количества лиц.

Свобода массовой информации – следствие длительного эволюционного развития *свободы мысли, слова, печати*. Она выступает конституционным принципом и условием цивилизованного существования общества, государства, защиты всей системы установленных прав и свобод. Данная свобода, будучи *общественным и личным благом*, обеспечивает плюрализм идей, мнений, взглядов, концепций, позволяет беспрепятственно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Она направлена на гарантирование народовластия, верховенство права и противодействие государственному произволу в любых проявлениях.

Свобода массовой информации носит и публично-общественный, и частный характер. Первый (публичный) аспект проявляется в значимости информации, эффективно функционирующих средствах коммуникации, обеспечивающих деятельность органов публичной власти, общественных объединений. Свобода массовой информации неразрывно связана с правом российских граждан участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей (ст. 32 Конституции РФ). Без этого общественного блага невозможна выборная процедура – прежде всего право избирать и быть избранным в органы публичной власти. Обратная связь между государством и гражданами предполагает наличие правильно выстроенных информационных потоков, возможность донести до государственных и муниципальных служащих достоверную, неискаженную информацию о своих нуждах и потребностях. Это достигается в том числе и через основное право граждан обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ).

Второй (частный) аспект свободы массовой информации определяется заинтересованностью граждан в получении сведений сугубо личного (в некотором роде даже локального) характера – о транспорте, учреждениях образования, культуры, связи, графиках работы супермаркетов и магазинов. В ряде случаев ее значимость для индивида может даже превосходить роль политической или международной информации. В Российской Федерации действует (хотя и не в полной мере) общий принцип, согласно которому любая информация, представляющая государственный или общественный интерес, должна быть открытой и доступной, за исключе-

нием случаев, установленных законом. Принципиальным является то, что перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ), а не каким-либо иным правовым актом (например, указом Президента России или правительственным постановлением).

Конституция РФ 1993 года *расширила* правомочия человека и гражданина в информационной сфере (ст. 23, 24, 26, 29, 41, 42). Применительно к анализируемому праву (ч. 4 ст. 29) уточнено, что «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом». Ранее правомочия «передать и производить информацию» в основных нормах отсутствовали.

Установлены следующие конституционные и законодательные гарантии свободы массовой информации и информационных прав граждан:

1) государственная (публичная) деятельность, которая объективно связана с оборотом информации, должна носить правовой, легитимный характер, а права и свободы человека и гражданина – определять смысл, содержание и применение законов (ст. 18 Конституции РФ);

2) зафиксированы свобода массовой информации как принцип общественно-политической и социально-экономической жизни и запрет цензуры (ч. 5 ст. 29);

3) право на информацию обеспечено правосудием и судебной защитой (ст. 18, ч. 1 ст. 46);

4) недопустимы сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ч. 1 ст. 24);

5) на органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностных лиц возложена обязанность обеспечивать каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом (ч. 2 ст. 24 Конституции РФ);

6) запрещено применение любых нормативных правовых актов (включая законы), затрагивающих права, свободы и обязанности в информационной сфере, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения (ч. 3 ст. 15).

7) не допускается сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей (ч. 3 ст. 41 Конституции РФ). При нарушении этого требования наступает ответственность в соответствии с нормами федерального закона;

8) ограничения доступа к информации устанавливаются только федеральными законами. Так, этот принцип отражен в Федеральном законе от 8 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (ст. 3);

9) не допускается пропаганда или агитация, возбуждающая социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ч. 2 ст. 29 Конституции РФ).

Дискуссионным является вопрос об отнесении свободы массовой информации, информационных прав к одной конкретной «общеизвестной» группе прав. В российском правоведении чаще их включают в категорию личных (гражданских) прав – например, М. И. Кукушкин, И. А. Умнова, Х. Б. Шейнин [8]. Однако в реальной действительности информационные права касаются самых раз-

ных сфер жизнедеятельности личности, коллектива, объединений граждан. Они являются *комплексными* и могут включать не только личные, но и политические и социально-экономические права. В этом случае речь идет о преобладании политической или социальной, экономической, культурной информации при реализации правомочий личности, удовлетворении ее интереса.

Свобода массовой информации и вся система информационных и смежных прав не могут быть *абсолютными и безбрежными*, поэтому они соотносятся и ограничиваются правом на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных (ст. 23, 24 Конституции РФ).

Ныне действуют многочисленные разнообразные и многоуровневые (хотя и не всегда согласованные) акты законодательства, регулирующие отношения в информационной сфере. Ведущее место среди них принадлежит Закону Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации», создавшему правовые основы для свободной деятельности газет и журналов и гарантирующему недопустимость государственной цензуры [9]. Отечественное законодательство в этой области, согласно его положениям (ч. 1 ст. 5), состоит из вышеназванного закона и издаваемых в соответствии с ним иных нормативно-правовых актов. Однако его определяющая регулирующая роль проявляется далеко не всегда и в последние годы ослабла.

8 июля 2006 года был принят базовый Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» № 149-ФЗ. Он регулирует широкий круг отношений, связанных с осуществлением права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, ее защитой и применением информационных технологий. В нем также регламентированы важные аспекты доступа физических и юридических лиц к иностранным информационным ресурсам, в основных чертах ранее устанавливавшиеся в отмененном ныне Федеральном законе «Об участии в международном информационном обмене» от 4 июля 1996 года №85-ФЗ [10].

Осенью 2005 года были внесены Правительством РФ, а в июле 2006 года приняты Государственной думой Федерального собрания России федеральные законы «О персональных данных», «Об информации, информационных технологиях и защите информации», «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных», «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных“ и Федерального закона „О персональных данных“».

Важнейшим в этом пакете является принятый 8 июля 2006 года Федеральный закон «О персональных данных» № 152-ФЗ. Он стал *основой для создания отечественной информационной системы данных персонального характера* и посвящен формам и методам работы с информацией, касающейся человека и гражданина [11].

Так, данный закон в гл. 2 закрепляет в качестве принципов сбора и обработки данных законность, добросовестность, предварительно определенные и заявленные оператором цели сбора, достоверность и избыточность персональных данных, недопустимость объединения созданных для несовместимых между собой целей баз данных (ст. 5), их конфиденциальность (ст. 7), запрет обработки особой категории персональных данных (ст. 10). Создан уполномоченный орган

по защите прав субъектов персональных данных – Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Однако правовая основа ее деятельности нуждается в совершенствовании и прочном законодательном фундаменте.

В анализируемом законе не все проблемы защиты прав личности решены удачно. Так, он предусматривает возможность создания единого государственного регистра населения (ч. 4 ст. 13). Статус и порядок работы с этим государственным регистром устанавливаются специальным федеральным законом, который, однако, еще не принят. Фактически речь идет о создании крупнейшей базы данных о населении, которая может быть использована широким кругом субъектов без необходимого законного основания. К тому же вопросы ответственности за нарушение требований о защите персональных данных решены недостаточно четко и определенно (ст. 24). Примечательно, что в ходе работы над данным законопроектом в Государственной думе из него под давлением ряда депутатов и общественности были убраны как преждевременные предложения о присвоении каждому идентификаторов персональных данных (личного кода), при этом согласия лица на присвоение ему личного кода не требовалось (ст. 23). Практика применения Федерального закона «О персональных данных» показывает, что он устранил ряд существенных пробелов в законодательном регулировании, однако он не обеспечивает в должной мере запрета на сбор, хранение и использование информации о частной жизни лица без его согласия и сохранности конфиденциальной информации, а потому нуждается в доработке.

Отметим, что в России с 2005 года ведется большая подготовительная работа, направленная на установление системы персонального учета населения. Лица, имеющие доступ к данной информационной системе, получают почти все сведения, включая данные об уплате налогов, социальном страховании и даже времени вступления в брак [12].

С целью открытости деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, а также реализации права граждан на получение информации (ст. 29 Конституции РФ) 21 января 2009 года Государственной думой принят Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» № 8-ФЗ, вступивший в силу 1 января 2010 года [13].

Закон определяет способы обеспечения доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, форму предоставления такой информации, права пользователей информацией, обязанности государственных органов и органов местного самоуправления, связанные с обеспечением доступа к информации об их деятельности. Согласно законодательным новеллам, введенным Федеральным законом от 24 мая 2013 г. № 112-ФЗ, ныне в обязательном порядке и повсеместно общедоступная информация о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления предоставляется данными публичными институтами неограниченному кругу лиц посредством ее размещения в сети Интернет *в форме открытых данных* (ст. 7). Это существенно повысит открытость власти и будет способствовать ее престижу.

По целому ряду причин объективного и субъективного характера приняты далеко не все акты, обеспечивающие свободу массовой информации. Как неоднократно указывалось в литературе, ощущается острая потребность в таких федеральных законах, как о правовой информации, о телевидении и радиовещании, о

лицензировании телевизионного и радиовещания, о демонополизации средств массовой информации, об общественном телевидении, основах экономических отношений в сфере информации [14].

Не разрешены и многие проблемы реализации основной нормы о праве на достоверную информацию о состоянии окружающей среды (ст. 42 Конституции РФ), правомочия которой являются декларативными.

На протяжении последних десяти лет стоит задача регулирования особых общественных отношений в сети Интернет и оборота информации о служебной тайне и ограниченном доступе [15]. О необходимости разумной правовой регламентации в этой области свидетельствует и неуклонный динамичный рост количества пользователей Всемирной паутины. В начале 2013 года Россия вышла на лидирующую позицию среди европейских государств с показателями в 64,4 млн. человек ежемесячной аудитории Интернета, т. е. и в мире она занимает престижную позицию [16].

В заключении отметим следующее. В анализируемой сфере отсутствует целостное, непротиворечивое и эффективное законодательство. До сих пор не приняты многие важные федеральные законы, ряд законодательных и подзаконных актов не соответствует нормам и принципам Конституции Российской Федерации. Свобода массовой информации должна пониматься только в совокупности с основными правами на свободу слова и мысли, со свободой выражения мнений и комплексом информационных прав человека и гражданина. Отсутствие цензуры является неременным условием успешной деятельности средств массовой информации в условиях демократии. Надлежащая регламентация массово-информационных отношений, телекоммуникационных сетей, обеспечивающих достоверность информации и своевременность ее предоставления, играет ведущую роль в построении современного общества и государственности XXI века.

Список использованной литературы:

1. Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М., 1975. Т. 19.
2. Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М., 1997.
3. Избранные конституции зарубежных стран : учеб. пособие / отв. ред. Б. А. Страшун. М., 2011.
4. Конституции буржуазных стран : в 2 т. Л., 1935. Т. I.
5. Права человека : сборник международных документов / сост. Г. М. Мелков. М., 1998.
6. Конституция общенародного государства : сборник / под общ. ред. М. С. Смиртюкова, К. М. Боголобова. М., 1978.
7. Конституция (Основной Закон Российской Федерации) России. М., 1992.
8. Конституционное право Российской Федерации / под ред. М. И. Кукушкина, В. Д. Первалова. Екатеринбург, 1995 ; Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации / под ред. О. И. Тиунова. М., 2005 ; Умнова И. А., Алешкова И. А. Конституционное право РФ : учебник для бакалавров. М., 2012.
9. Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 7. Ст. 300 ; СЗ РФ. 1995. № 3. Ст. 169 ; 2004. № 27. Ст. 2711 ; № 52 (ч. 1). Ст. 5272 ; 2006. № 31. Ст. 3452 ; № 43. Ст. 4412 ; 2007. № 31. Ст. 4008 ; 2011. № 25. Ст. 3535 ; № 29. Ст. 4291 ; № 30. Ст. 4600.
10. СЗ РФ. 1996. № 28. Ст. 3347 ; 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448 ; 2010. № 31. Ст. 4196 ; 2012. № 31. Ст. 4328 ; Российская газета. 2013. 11 июн.
11. СЗ РФ. 2005. № 49. Ст. 5197, 5198 ; 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448, 3451, 3452.
12. Трофимов А. Р. Хочу всех знать! // Независимая газета. 2005. 30 нояб. ; Черешнев С. Правительство пронумерует граждан // Известия. 2005. 17 июн. ; Демидов А. «Персональная информация в России никак не защищена» : интервью // Известия. 2006. 2 мар.
13. СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776 ; 2011. № 29. Ст. 4291 ; Российская газета. 2013. 11 июн.
14. Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А.

Тихомирова, Ю. П. Орловского. М., 2004. С. 119, 120, 122, 320 ; *Просвирнин Ю. Г.* Совершенствование российского информационного законодательства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2007. № 1 (2). С. 21 ; *Архангельский А.* Телевизор с человеческими лицами : интервью // Российская газета. 2009. 31 дек.

15. Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. М., 2010. С. 538–540 ; *Погребинская Л. А.* Реализация конституционной свободы массовой информации : российское законодательство и практика его применения : автореф. дис. канд. юрид. наук. Тюмень, 2009. С. 8, 16 ; *Солдаткина О. Л., Санина А. С.* Правовое регулирование отношений в сети Интернет как важнейшая проблема современности // Правовая политика и правовая жизнь. Саратов – М., 2013. № 1. С. 93–97.

16. *Романова А.* Миллиарды из Сети // Российская газета. 2013. 21 мая.

К. Ю. Колесников

ОСНОВНЫЕ ТРАКТОВКИ ПАТРИОТИЗМА В ПРОГРАММАХ ВЕДУЩИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Политические партии являются важнейшими субъектами общественных отношений, выступая не только основными акторами политики, институтом гражданского общества, но и агентами политической социализации. Именно в рамках партийных программ и предвыборных платформ формулируются обоснование стратегического развития общества и альтернативные предложения по решению наиболее злободневных общественных проблем. Одной из важнейших проблем является задача патриотического воспитания подрастающего поколения и населения в целом.

Для того чтобы выявить основные трактовки патриотизма в программах зарегистрированных политических партий, нами был проведен с помощью поисковой системы количественный анализ ключевых слов, отражающих их ориентации на патриотические ценности. В качестве ключевых были использованы слова с корнем *патриот-* (патриот, патриотизм, патриотический), *родин-*, *отеч-* (Отечество, отечественный), *традиц-* (традиция, традиционализм, традиционный), *истор-* (история, исторический, историзм), *держ-* (держава, державный), *нац-* (нация, национальный, национализм), *опас-* (безопасность, безопасный). Количественный анализ дополнялся содержательным анализом данных ценностей в разных словосочетаниях (или представленных в программах политических партий как антиценности). Результаты данного исследования позволяют сделать ряд обобщений и прогнозов (табл. № 1).

В рамках данной статьи мы не могли даже кратко рассмотреть организационные и идеологические характеристики всех партий, акцентировав внимание только на их отношении к патриотизму и понимании его роли в общественно-политической жизни современной России. Кроме того, при оценке количественных показателей важно было учитывать, что программы партий, доступные на сайте Министерства юстиции Российской Федерации, представляют собой очень разные документы и по объему, и по содержанию, и по направленности. Но мы исходили из того, что партии, которые рассчитывают закрепиться на политическом поле России всерьез и надолго, готовят серьезные программные документы, а инструментальные целевые партии-«однодневки» имеют соответствующие минимальные и формальные программы.

Проведенный анализ позволил выделить партии, для которых патриотические ценности являются одним из ключевых оснований для формулирования направлений и принципов внутренней и внешней политики. Их можно условно разделить на несколько групп, различающихся по характеру идеологии и стратегической направленности.

Таблица 1

Ориентация политических партий на патриотические ценности

Партия	Ключевые слова в программах партий, отражающие ориентацию на патриотические ценности							
	патриот-	родин-	отеч-	традиц-	истор-	держ-	нац-	опас-
ВП «Единство и Отечество» – Единая Россия	0	0	4	0	2	1	4	4
ПП «Коммунистическая партия Российской Федерации»	10	2	17	2	17	2	24	3
Либерально-демократическая партия России (ЛДПР)	8	2	12	11	8	7	52	19
ПП «Патриоты России»	27	1	7	2	7	2	20	4
ПП «РОДП „ЯБЛОКО“»	6	0	0	2	3	0	9	8
ПП «Справедливая Россия»	6	2	18	14	18	6	43	32
ПП «ПРАВОЕ ДЕЛО»	0	1	7	1	4	1	7	0
ПП «Республиканская партия России – партия народной свободы (РПР-ПАРНАС)»	1	1	0	0	2	0	5	3
ПП «Демократическая партия России»	0	0	0	0	0	0	0	0
ОПП «Народная партия „За женщин России“»	1	3	9	5	4	10	7	1
ПП «Альянс Зеленых – Народная партия»	0	0	1	1	0	0	4	9
ПП «Союз горожан»	0	0	1	0	0	0	2	1
ВПП «Народная партия России»	0	0	0	0	0	0	1	1
ВПП «Социал-демократическая партия России»	0	0	0	0	0	0	0	1
ПП «Коммунистическая партия социальной справедливости»	0	0	0	0	0	0	3	0
ВПП «Партия пенсионеров России»	1	1	1	1	0	0	2	0
ПП «Города России»	0	1	3	0	3	0	6	9
ПП «Молодая Россия»	1 (-)	0	0	1	3	0	2	2
ВПП «Новая Россия»	1	0	1	0	0	0	5	3
ВПП «Партия свободных граждан»	0	0	0	0	0	0	2	0
ПП «Российская экологическая партия „Зеленые“»	1	0	2	5	4	0	7	24
ПП «Коммунисты России»	1	0	2	0	6	2	17	2
ВПП «Аграрная партия России»	5	0	10	6	6	0	8	7
ПП «Российский общенародный союз»	7	9	22	51	15	10	78	16
ВПП «ПАРТИЯ ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ!»	2	0	0	1	0	0	2	1
ПП СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ	0	1	0	0	4	0	1	1
ВПП «Гражданская Сила»	0	0	1	0	2	0	4	2

ПП «Российская партия пенсионеров за справедливость»	3	4	7	6	7	3	6	6
ПП «УМНАЯ РОССИЯ»	2	0	1	0	5	0	6	5
ПП «Родная Страна»	3	2	0	1	1	0	5	0
ПП «Монархическая партия»	0	0	0	0	0	0	0	0
Российская политическая Партия Мира и Единства	5	5	3	3	6	1	16	7
ПП «Гражданская платформа»	0	0	5	3	5	1	6	2
ВПП «ЧЕСТНО» /ЧЕЛОВЕК. СПРАВЕДЛИВОСТЬ. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ/»	1	1	0	0	0	0	2	0
ПП «Партия налогоплательщиков России»	0	0	0	1	0	0	0	0
ПП «Демократический выбор»	0	1	0	1	0	0	0	1
ОПП «ВОЛЯ»	1	1	5	1	0	3	3	6
ПП «Трудовая партия России»	0	0	3	3	ё	0	4	4
ПП «Интернет Партия Российской Федерации»	1	1	1	0	0	0	0	0
ПП «Против всех»	0	0	0	0	1	0	0	0
ПП «Российская Социалистическая партия»	2	3	2	0	0	1	0	4
ПП «Партия Духовного Преображения России»	6	2	15	23	22	1	44	13
ПП «ПАРТИЯ ВETERАНОВ РОССИИ»	4	4	6	5	1	0	7	2
ПП «Российский Объединенный Трудовой Фронт»	0	0	2	0	0	0	2	2
ВПП «ПАРТИЯ ДЕЛА»	2	1	0	2	0	0	1	1
ПП НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ	3	1	2	6	3	0	9	7
ВПП «РОДИНА»	10	26	29	34	48	5	114	40
ВПП «Союз Труда»	0	0	0	0	0	0	0	2
ПП «Российская партия народного управления»	1	1	0	1	1	0	0	0
ВПП «Женский Диалог»	0	2	1	0	2	0	7	1
ПП «Рожденные в Союзе Советских Социалистических Республик»	1	0	1	1	1	3	12	8
ВПП «Партия Возрождения Села»	6	1	14	5	17	2	18	3
ВПП «ЗАЩИТНИКИ ОТЕЧЕСТВА»	6	3	21	2	2	0	11	7
ПП «Казачья партия Российской Федерации»	3	1	3	6	6	0	3	0
ОПП «РАЗВИТИЕ РОССИИ»	2	1	1	2	0	0	1	0
ПП «Объединенная аграрно-промышленная партия России»	3	1	6	3	1	0	17	2
ПП «Демократическая правовая Россия»	0	0	0	0	0	0	4	2
ПП «Партия Социальных реформ»	1	0	0	0	0	0	1	0
ПП «Партия СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ»	0	0	0	0	0	0	1	0
ОПП «ДОСТОИНСТВО»	1	0	0	4 (-)	8 (-)	2	20	2
ПП «Социально-прогрессивная партия России»	0	1	0	3	0	0	2	0

ВПП «Партия Великое Отечество»	2	1	6	2	0	2	2	0
ВПП «Российская партия садоводов»	0	2	1	0	1	0	0	3
ПП «Гражданская позиция» ⁵	1	0	0	0	1	0	1	1
ПП «Возрождение аграрной России»	5	1	14	10	8	0	13	9
ВПП «Гражданская инициатива»	3	2	2	5	8	0	52	9
ПП «Партия Возрождения России»	4	0	9	1	1	2	15	15
ПП «Всероссийская социалистическая народная партия „Отчизна“»	5	2	10	8	9	1	35	10
ПП «КОЛОКОЛ»	2	4	2	5	2	1	20	5
ПП «Национальный курс»	3	2	2	10	15	0	35	4
ВПП «Автомобильная Россия»	1	0	3	1	0	1	4	11
ВПП «ИСТИНА»	4	5	3	8	11	2	13	3
ОПП «Народ против коррупции»	0	2	0	3	1	0	35	6

К первой группе относятся партии, которые патриотизм сделали стержнем своих программ, – «Патриоты России», «Российский общенародный союз», «Партия Духовного Преображения России», «Родина», «Защитники Отечества». Основная конкуренция среди них разворачивается по поводу партийной трактовки патриотизма как основополагающей ценности для защиты национальных интересов. Варианты представлены самые разные – от государственного патриотизма («Патриоты России») до его умеренных националистических вариантов (РОС). Последние могут составить основную конкуренцию ЛДПР, патриотизм которой под умелым управлением В. В. Жириновского уже два с лишним десятилетия успешно используется для институционализации националистических настроений российского общества и их канализации в управляемое умеренное русло.

Ко второй группе можно отнести партии левой направленности – КПРФ, «Справедливая Россия», Всероссийская социалистическая народная партия «Отчизна», «Партия Мира и Единства» (ПМЕ). Коммунисты достаточно успешно использовали идею национально-патриотического союза в 1990-е годы, когда либерально-демократический лагерь либо крайне негативно трактовал ценности патриотизма, либо просто не упоминал о них в своих программах. Впоследствии партия «Родина» стала серьезным конкурентом на патриотическом фланге до своего вхождения в партию «Справедливая Россия». В программе КПРФ подчеркивается, что «сложное переплетение геополитического положения, национальных и экономических обстоятельств сделало российское общество носителем самобытной культурной и нравственной традиции. Основополагающими ее ценностями являются общинность, коллективизм и патриотизм, теснейшая взаимосвязь личности, общества и государства. Отсюда вытекает стремление народа к воплощению высших идеалов правды, добра и справедливости, к равноправию всех граждан независимо от национальных, религиозных и других различий» [3]. То есть патриотизм выступает неотъемлемым элементом идеологии КПРФ, несмотря на то

⁵ Программа партии на сайте Минюста отсутствует.

что ее основатель К. Маркс акцентировал то, что «пролетарии не имеют отечества». «Справедливая Россия» также делает акцент на борьбе с антиармейской пропагандой.

В программе ПМЕ подчеркивается: «Сторонники и члены Партии, разделяя идеалы общечеловеческой солидарности и межнациональной дружбы, одновременно являются патриотами своей страны ... Патриотизм должен быть основой для объединения, а не для раскола. ПМЕ считает, что именно эти идеалы созвучны таким элементам самобытной российской политической культуры, как государственное сознание, компромисс при поиске социальной справедливости, чувство собственного духовного достоинства, способность к кооперации, взаимное уважение мнений друг друга. Именно следование этим идеалам дает возможность вести нравственно достойный образ жизни, обеспечить материальный достаток, всеобщее равенство перед законом и уверенность в будущем» [6].

К левой группе примыкают аграрные партии («Аграрная партия России», «Партия Возрождения Села»), которые в значительной степени ориентируются на социалистические и социал-демократические принципы особого регулирования государством сельского хозяйства с учетом специфики сельского образа жизни и способа производства. В этой связи они активно включают в программу патриотические ценности. В программе АПР подчеркивается, что «аграрная партия основывает свою деятельность на принципах патриотизма и гуманизма, государственности и правопорядка, на идеалах социальной справедливости, защиты интересов людей труда» [2]. ПВС также отмечает, что «главное в идеологии Партии – это воспитание у граждан России порядочности, добра и справедливости, подлинного патриотизма, гордости за свое Отечество и народ» [1].

Интересно, что среди партий либеральной ориентации только РОДП «Яблоко» включила в свою программу развернутое понятие патриотизма и соответствующую его трактовку: «Мы – партия российских патриотов. Но не таких, которые ставят государство выше личности, зовут страну в изоляцию и националистическое безумие. Национализм в любой его разновидности враждебен России, так как ведет к разжиганию национальной розни и разрушению межнационального мира, на котором базируется целостность нашей страны. Шовинистическая истерика, поиск внешних и внутренних врагов ведут Россию к ксенофобии и внутреннему расколу, ослаблению и распаду. Национальные интересы России не имеют ничего общего с имперскими мифами. Быть патриотом – означает для нас: не заявлять бесконечно о своем патриотизме, а работать на благо страны и ее граждан. Наша позиция – патриотизм дела, а не патриотизм „красивых“ слов» [5].

РПР дает несколько иную либеральную трактовку патриотизма, делая акцент на том, что «партия видит свой патриотический долг в открытой и смелой защите прав и свобод граждан России, ведь величие России – в свободе и достоинстве ее граждан. Наш долг – восстановить демократию и справедливость в России – в атмосфере свободы!» [4]

В рамках небольшой статьи нет возможности рассмотреть все имеющиеся в партийных программах трактовки патриотизма, особенно с учетом того, что некоторые партии намеренно или неосознанно раскрывают свое понимание его содержания без употребления данного понятия. Тем не менее количественный и содержательный анализ программ позволяет сделать обобщение, что ценности патриотизма являются базовыми для значительной части политических партий, независимо от их идеологической ориентации. Однако трактовка патриотизма

существенно отличается по своему содержанию и политической функциональности. Условно можно выделить два основных подхода – национально-патриотический и либерально-патриотический. Сторонники первого делают акцент на понимании патриотизма как стремления защитить особые интересы России, сохранить ее самобытность и традиции, уходящие корнями в глубокую историю, полную драматических и героических событий. Сторонники второго подхода делают акцент на вторичность патриотизма, который в их понимании представляет собой борьбу за совокупность демократических прав и свобод российских граждан, позволяющих войти в цивилизованное мировое сообщество. Тем не менее обращение представителей практически всего партийно-идеологического спектра к ценностям патриотизма позволяет надеяться, что именно на данной основе может быть найден общественный консенсус, который позволит сформировать демократическую политическую культуру в современной России.

Список использованной литературы:

1. Программа Всероссийской политической партии «Партия Возрождения Села». URL : <http://minjust.ru/ru/node/4457> (дата обращения : 28. 07. 2013).
2. Программа Всероссийской политической партии «Аграрная партия России». URL : <http://minjust.ru/ru/node/2322> (дата обращения : 18. 07. 2013).
3. Программа политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации». URL : <http://minjust.ru/ru/node/2290> (дата обращения : 29.07. 2013).
4. Программа Республиканской партии России – партии народной свободы (РПР – ПАРНАС). URL : <http://minjust.ru/ru/node/2428> (дата обращения : 23.07. 2013).
5. Программа Российской объединённой демократической партии «Яблоко» – «Демократический манифест». URL : <http://minjust.ru/ru/node/2272> (дата обращения : 17.07. 2013).
6. Программа Российской политической Партии Мира и Единства (ПМЕ). URL : <http://minjust.ru/ru/node/2420> (дата обращения : 18. 08. 2013).

Е. В. Комбарова

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОГЛАСОВАННОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Обращаясь с ежегодным Посланием к Федеральному Собранию РФ, В. В. Путин отметил, что Россия отстаивает принципы согласованных коллективных усилий в решении проблем современности [1]. Не является исключением и деятельность органов публичной власти в России, согласованное функционирование которых влияет на эффективность всего государственного механизма. Процесс модернизации публичной власти предполагает непрерывность, связан с действенностью ее органов, оптимальностью средств, способов, методов и форм осуществления, может выражаться в изменении финансовых основ организации и деятельности органов публичной власти, перераспределении компетенции, но не означает постоянного изменения системы и структуры органов публичной власти, принципов их организации и функционирования.

Россия является федеративным государством с тремя уровнями публичной власти – федеральным, субъектов Российской Федерации и муниципальным. Конституция РФ, принятая 12 декабря 1993 года, определила новую модель децентрализации публичной власти, основанную на разграничении предметов ведения

и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Федерации и признании самостоятельности местного самоуправления в пределах его полномочий. В соответствии с п. «н» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов отнесено установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления, и данная норма является характерным проявлением тенденции к децентрализации законодательного регулирования вопросов организации и функционирования публичной власти.

Несмотря на разграничение предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами и определение вопросов местного значения, постоянно возникают разногласия как во взаимодействии органов государственной власти Российской Федерации, субъектов Федерации и органов местного самоуправления, так и внутри каждой из систем. В связи с этим в данный период становления российской государственности, движения к правовому государству и гражданскому обществу одной из актуальных проблем становится обеспечение согласованного функционирования органов публичной власти, выявление и разрешение юридических коллизий в их деятельности. Чем более свободна и разнообразна общественная жизнь, чем динамичнее экономика и острее политическая борьба, тем прочнее и стабильнее должны быть фундаментальные институты демократии и институты высшей государственной власти, одним из которых является Президент Российской Федерации.

В условиях федеративного государства роль Президента чрезвычайно велика. Статус главы государства, закрепленный в Конституции РФ, предопределяет объем полномочий по обеспечению единства и устойчивости системы государственной власти, его эффективного функционирования в условиях существования трех уровней публичной власти, самостоятельных в пределах своих полномочий. Президент должен обеспечить положение, при котором все органы власти выполняют свои конституционные обязанности в пределах своей компетенции. Это является предпосылкой выполнения возложенной на Президента задачи по обеспечению сбалансированного функционирования государственного механизма.

Активная координирующая роль Президента находит воплощение как в системе сдержек и противовесов, обеспечивающих баланс полномочий органов государственной власти федерального уровня, так и в отношениях между федеральными органами власти и органами власти субъектов федерации. Являясь главой государства, он олицетворяет единство государственной власти и выполняет в силу занимаемого им в иерархии государственной власти места координационную и интеграционную функции, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов публичной власти. Одновременно – и в этом диалектика конституционно-правового статуса Президента РФ – он фактически и юридически «присутствует» во всех властях.

Конституционные полномочия Президента по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти связаны с выдвижением кандидатур на замещение государственных должностей, назначение на которые производится парламентом. Президент РФ представляет Совету Федерации ФС РФ кандидатуры на должности судей высших судов, а также кандидатуру Генерального прокурора РФ. Президент РФ представляет Государственной думе ФС РФ кандидатуру для назначения на должность Председа-

ля Центробанка РФ, а также ставит перед Думой вопрос об освобождении его от должности. Президент назначает и отзывает после консультаций с соответствующими комитетами или комиссиями палат Федерального собрания дипломатических представителей России в иностранных государствах и международных организациях. В процедуре назначения Председателя Правительства, в которой участвуют как Президент, так и Государственная дума, отражается согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти, предполагающее поиск согласия между ними в целях устранения возникающих противоречий по поводу кандидатуры на данную должность.

Функции Президента как гаранта, обеспечивающего единство и согласованное функционирование в государстве не только исполнительной, но и законодательной власти, выражаются и в его взаимоотношениях с палатами Федерального собрания РФ. Одно из исключительных полномочий Президента России – право утверждать законы или отклонять их (ст. 107 Конституции РФ). Общеизвестно, что отклонение закона главой государства – наиболее сильное средство воздействия Президента на законодательную деятельность парламента.

Еще одной процедурой разрешения разногласий между главой государства, исполнительной и законодательной ветвями власти является право роспуска Президентом РФ Государственной думы. Роспуск Государственной думы – крайняя мера, используемая Президентом России, когда другие возможности преодоления разногласий исчерпаны. В случае роспуска ГД ФС РФ и назначения новых выборов конституционные полномочия, принадлежащие Думе, не могут осуществляться ни Президентом, ни верхней палатой Федерального собрания. Согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 11 ноября 1999 года № 15-П, превентивное значение конституционно-правовых последствий возможного роспуска Думы заключается в том, что они призваны удерживать Президента и Думу от конфликтов, препятствующих согласованному функционированию и взаимодействию органов государственной власти [2].

Для разрешения разногласий между органами государственной власти федерального уровня и органами власти субъектов федерации, а также между органами государственной власти субъектов федерации Президент вправе использовать согласительные процедуры (ч. 1 ст. 85 Конституции РФ). Данное полномочие сформулировано в Основном Законе Российской Федерации именно как право Президента. Вместе с тем, учитывая роль Президента РФ как гаранта Конституции и арбитра между ветвями власти, инициирование им согласительных процедур представляется не только правом, но и обязанностью.

В тексте Конституции не приводятся понятия согласительных процедур, равно как не определён их перечень. На наш взгляд, согласительные процедуры могут заключаться во множестве неформализованных форм, не имеющих жёсткого порядка их реализации. К таковым можно отнести личные консультации, переговоры с участием заинтересованных сторон, создание рабочих групп, экспертных советов, посредничество Президента РФ при улаживании разногласий между субъектами РФ и др.

Для достижения консенсуса Президент также образует согласительные комиссии. Предметом деятельности такой комиссии являются разногласия по поводу проектов решений, расхождений между актами, различных позиций в подходе к той или иной проблеме. Комиссия создается из представителей федеральных органов и органов государственной власти субъекта Федерации. После заверше-

ния своей работы согласительная комиссия представляет главе государства свои предложения и отчитывается о достигнутых договоренностях. Например, Распоряжением Президента РФ от 23 февраля 1998 года была учреждена согласительная комиссия по урегулированию разногласий между органами государственной власти России и Ингушетии в связи с изданием нормативных правовых актов Республики Ингушетия, касающихся формирования судебных и правоохранительных органов этой республики [3]. Однако создание такого рода согласительных органов на практике не получило широкого распространения.

Согласительные процедуры осуществляются Президентом РФ через деятельность Государственного совета РФ, учрежденного Указом Президента РФ в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти [4]. Государственный совет является органом, благодаря которому руководители исполнительной власти субъектов РФ имеют возможность обсуждать непосредственно с Президентом РФ (а как показывает практика, заседания проходят с участием также Председателя Правительства РФ) широкий круг вопросов как общегосударственного масштаба, так и внутрифедеративного значения. За время функционирования Государственного совета была выработана единая позиция органов государственной власти РФ и субъектов РФ, в том числе и по многим вопросам, долгое время остававшимся «камнем преткновения» между общефедеральными и региональными властями РФ.

Важную роль в проведении единой федеративной политики государства, в обеспечении согласованного функционирования и взаимодействия федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Федерации играет институт полномочных представителей Президента в субъектах Федерации. Задачи полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах лежат именно в сфере координации и контроля законности актов и действий как территориальных подразделений федеральных органов государственной власти, так и органов государственной власти субъектов РФ. Институт полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах представляется достаточно эффективной формой реализации функций Президента РФ в механизме разрешения коллизий в федеративных отношениях. Деятельность полномочных представителей заметно приблизила федеральную власть к регионам, они стали активно участвовать в приведении регионального законодательства в соответствие с федеральным.

Проводимая Президентом реформа государственной власти с акцентом на усиление «властной вертикали» открывает большие возможности для президентских структур, и в первую очередь для самой «сильной» из них – Администрации Президента – в деле установления режима законности и улучшения экономического и социального положения граждан. Администрация Президента РФ [5] проводит подготовку предложений Президенту РФ об обеспечении согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти, подготавливает предложения Президенту РФ по реализации государственной политики в сфере борьбы с коррупцией в органах государственной власти и органах местного самоуправления, урегулирования конфликта интересов и реформирования государственной и муниципальной службы, по реализации государственной политики в области местного самоуправления.

Стоит отметить деятельность Государственного совета РФ, Администрации Президента РФ и ее структурных подразделений, полномочных представителей

Президента РФ в федеральных округах, советов при полномочных представителях Президента РФ в обеспечении функции главы государства по согласованному функционированию, взаимодействию органов государственной власти и содействию Президенту РФ при использовании им согласительных процедур для разрешения разногласий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Федерации, а также между органами государственной власти субъектов РФ. Деятельность данных органов власти важна и необходима для обеспечения суверенитета России, ее целостности и территориальной неприкосновенности, а также для укрепления вертикали власти, повышения ее эффективности и действенности.

В постановлении, принятом в декабре 2012 года, Конституционный суд РФ указал, что установление федеральным законодателем организационно-правовых предпосылок персонифицированного взаимодействия органов государственной власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления находящихся на его территории муниципальных образований еще в процессе замещения должности высшего должностного лица субъекта РФ направлено на достижение их согласованного функционирования, а также на обеспечение основанного на разграничении предметов ведения и полномочий и на признании самостоятельности местного самоуправления единства функциональных основ организации публичной власти в субъекте Российской Федерации [6]. Это касается изменений, внесенных в федеральный закон от 6 октября 1999 года «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ», устанавливающих новый порядок замещения должности высшего должностного лица субъекта РФ путем его избрания населением на прямых выборах и необходимость получения поддержки депутатов представительных органов муниципальных образований и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных образований субъекта РФ при выдвижении кандидатов на должность высшего должностного лица субъекта РФ, что не может рассматриваться как возложение на местное самоуправление государственных полномочий.

Совершенство государственного управления и правовой системы определяется степенью эффективности механизма обеспечения единства и взаимодействия составляющих их элементов, способностью поддерживать динамичное равновесие, своевременно и цивилизованно устранять возникающие противоречия. Завершенный характер правовой системы, ее целостность, упорядоченность нормативно-правового массива определяются не наличием или отсутствием коллизий, а действенностью способов разрешения возникающих противоречий и разногласий в рамках общих задач согласования нормативно-правовых актов на базе принципа верховенства Конституции Российской Федерации и согласованного взаимодействия органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления

Различая государственную власть и местное самоуправление, нельзя разрывать, дробить общую систему публичного управления в обществе. В рамках единого государства, проводящего единую политику, одновременно функционируют три ветви власти, три уровня власти и каждая выполняет свою функцию, самостоятельно определяясь в поле, очерченном для нее законом. Если органы каждого публичного управления служат интересам своей части народа государства, они,

тем самым, защищают интересы всего народа. Систему органов публичной власти отличают общность главных целей и задач, единство правовой основы их деятельности. На отдельных территориях и в рамках всего государства данный принцип не всегда соблюдается, однако субъекты публичной власти должны достигать гармонизации властеотношений и стремиться к согласованному функционированию.

Список использованной литературы:

1. Послание Президента Федеральному собранию РФ от 12 декабря 2012 г. // РГ. 2012. 13 дек.
2. СЗ РФ. 1999. № 47. Ст. 5787.
3. СЗ РФ. 1998. № 9. Ст. 1108.
4. О Государственном Совете Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 1 сентября 2000 года № 1602 (ред. от 10 августа 2012 г.) // СЗ РФ. 2000. № 36. Ст. 3633 ; 2012. № 33. Ст. 4632.
5. Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации : Указ Президента РФ от 6 апреля 2004 года № 490 (ред. от 11 февраля 2013 г.) // СЗ РФ. 2004. № 15. Ст. 1395 ; 2013. № 7. Ст. 632.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 года № 32-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ” и „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы” // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 2). Ст. 8062.

М. В. Короткова

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ГРАЖДАНИНА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЫ : КОНСТИТУЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Установление баланса между интересами государства и гражданина в информационной сфере является одним из условий существования гражданского общества и демократии в государстве, а «эффективное суверенное государство и развитое гражданское общество – не конфликтующие субъекты социальной жизни, а взаимодополняющие структуры, гарантирующие сохранность социума» [3, с. 3]. Взаимодействие органов публичной власти и гражданина в информационной сфере предполагает достижение такого уровня соотношения интересов, при котором имеет место четкий механизм подобного взаимодействия, гарантии реализации прав граждан в информационной сфере, а также контроль со стороны не только государства, но и общества.

Информационное обеспечение граждан является обязательной составляющей информационного взаимодействия органов власти и граждан и представляет собой совокупность информационных ресурсов, средств, методов и технологий сбора, обработки, накопления и предоставления информации гражданам. Информационное обеспечение граждан может осуществляться в двух формах – устной и документированной.

Основным преимуществом устной формы информационного обеспечения взаимодействия граждан и органов публичной власти является ее безвозмездный характер. В то же время данная форма, как представляется, имеет ряд недостатков, касающихся определенных неудобств для граждан (например, очереди на

прием). Вместе с тем следует иметь в виду, что взаимодействие граждан и государственных органов, осуществляемое в устной форме, может затруднить доступ к информации и реальное ее использование. Например, могут возникнуть трудности при необходимости сослаться на такую информацию. Ввиду этого было бы целесообразным конкретизировать положения ч. 2 ст. 7 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и аналогичной нормы Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», изложив последнее предложение указанной части следующим образом: «При невозможности предоставления указанной информации в запрашиваемой форме информация предоставляется в документированной форме, в том числе в виде электронного документа».

Важной разновидностью устной формы информационного взаимодействия граждан и публичных органов власти является присутствие граждан на заседаниях таких органов. Следует признать, что участие граждан в заседаниях органов публичной власти не только является формой получения информации, но и отражает характер взаимодействия граждан и органов власти. Начиная с 2005 года в России быстро растет число общественных консультативных структур, действующих при органах власти. Они включают в себя представителей некоммерческих организаций, создаются под самыми разными названиями – общественных, координационных, экспертных и общественных консультативных советов, общественных комиссий и коллегий, рабочих и экспертных групп и др. – и призваны стать инструментом участия общества в решении проблем государства.

Именно возможность присутствия граждан на коллегиальных заседаниях государственных органов способствует их вовлечению в процесс обсуждения принимаемых решений, что, несомненно, повышает доверие к деятельности органов государственной власти, а также сокращает барьеры между гражданином и государством, при этом последнее становится транспарентным и доступным гораздо больше, чем десятилетия назад. Участие граждан в коллегиальных заседаниях государственных органов способствует выработке и принятию решений «при строжайшем соблюдении принципа открытости и, насколько это возможно, самими гражданами» [1, с. 656].

Особое место в процессе взаимодействия граждан и органов публичной власти отводится предоставлению необходимой информации заинтересованным лицам с помощью официального документа. Обмен документами является своеобразной формой взаимодействия граждан и органов власти, поскольку государственные органы не только обязаны предоставлять гражданам требуемую информацию, но и имеют право истребовать ее у них. Предоставление гражданами необходимой документации по требованию государственного органа выступает формой привлечения граждан к процессу выполнения работ, оказания услуг, затрагивающих интересы общества, государства в лице его органов или отдельно взятого индивида. По справедливому замечанию Ю. А. Белевской и А. Г. Фисун, обеспечение государственных органов власти необходимой информацией, в том числе и посредством ее предоставления гражданами, представляет собой процесс создания оптимальных условий, соответствующих законным интересам государственной службы в получении и использовании полной, достоверной и качественной информации (информационных процессов), при котором обеспечивается ее развитие независимо от воздействия внутренних и внешних угроз [2, с.

143]. Таким образом, можно говорить о том, что обмен информацией, документами между гражданами и государством оказывает положительное влияние на процесс взаимодействия указанных субъектов в информационной сфере.

Несомненно, одной из традиционных и наиболее распространенных форм взаимодействия государства в лице его органов и общества является обнародование (опубликование) информации о своей деятельности в средствах массовой информации. Прежде всего это, конечно же, опубликование нормативных актов, поскольку, в соответствии со ст. 15 Конституции РФ, неопубликованные законы не применяются. Действующим законодательством детально урегулирован и порядок обнародования информации о деятельности органов власти.

Следует обратить внимание, что данный способ характеризуется инициативностью органа власти, на который возложена обязанность, ограниченная установленными в законодательстве сроками, по опубликованию принимаемых нормативных актов. Поскольку здесь инициатива исходит напрямую от органа власти, можно говорить о том, что гражданин при этом выступает пассивным участником такого взаимодействия. В данном случае до гражданина лишь доносится та или иная информация и предоставляется право выбора воспользоваться предоставленными сведениями или нет. Применение полученной информации в конкретной ситуации свидетельствует о вовлеченности гражданина в деятельность органов публичной власти, поскольку именно он реализует на практике решения государственных органов.

Все большей популярностью и распространением в последнее время приобретает такой способ взаимодействия граждан и органов публичной власти, как предоставление государственных услуг в Интернете. К настоящему времени многие государственные органы – как федеральные, так и субъектов Федерации – в Интернете имеют свои сайты. На сайтах федеральных органов исполнительной власти не только размещается вся необходимая информация, но и функционируют разнообразные сервисы для контакта граждан с представителями государственного органа, в которых они могут высказать свои пожелания, подать жалобу, оставить отзыв об услуге и т. д.

Вместе с тем, несмотря на видимые преимущества документированной формы взаимодействия указанных субъектов и наличие разнообразных средств обмена данными, в том числе и с использованием информационно-коммуникационных технологий, действующее законодательство в указанной сфере в настоящее время недостаточно совершенно и требует внесения соответствующих изменений и дополнений. Многочисленные предложения ученых, озвученные еще в начале нового тысячелетия, спустя годы так и не получили должного закрепления на законодательном уровне. В частности, на сегодня в России нет закона об электронном документе и не решена проблема долгосрочного хранения электронного документа.

Учитывая возможность размещения на официальных сайтах органов власти информации о публикуемых нормативных актах, отчетах о деятельности публичных органов, справочной информации, общения в форумах, интернет-сайты органов власти следует рассматривать как универсальный и наиболее эффективный способ вовлечения граждан в деятельность органов публичной власти, который может в будущем заменить все иные способы их взаимодействия.

Список используемой литературы:

1. Астапенко П. Н. Проблемы эволюции государственных и общественных институтов в условиях европейской интеграции // Традиции и инновации в постижении истории государства и права. М., 2009.
2. Белевская Ю. А., Фисун А. П. Развитие государственной службы в условиях формирования информационного общества. Орел, 2008.
3. Федоренко Д. В. Политико-правовые механизмы взаимодействия институтов гражданского общества и государства в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

А. О. Крамаров

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ

Вопросы административной ответственности несовершеннолетних в сегодняшней России являются достаточно актуальной темой.

Так, по официальным данным МВД России, несовершеннолетними или при их соучастии сегодня совершается каждое 18-е преступление, что составляет 5,5% от их общего количества. За различные административные правонарушения, в том числе и за появление в общественных местах в состоянии опьянения или распитие алкогольных и спиртосодержащих напитков, ежегодно в органы внутренних дел доставляется свыше полумиллиона подростков, на учете в органах внутренних дел состоит около 330 тыс. несовершеннолетних и около 170 тыс. родителей, отрицательно влияющих на поведение детей и не выполняющих прямых обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних. Каждый год к уголовной ответственности привлекается более 80 тыс. лиц в возрасте от 14 до 17 лет, при этом около четверти из них уже были до этого судимы [5].

В научной литературе предлагаются разные формулировки определения понятия административной ответственности.

Административная ответственность несовершеннолетних (как и подобная ответственность родителей) определяется как форма реагирования государства на административные правонарушения, выраженная в применении к этим субъектам административного принуждения в виде конкретных административных наказаний, предусмотренных санкциями нарушенных норм, и одновременно как их специфическая обязанность нести неблагоприятные последствия, связанные с применением указанных мер.

При этом, согласно мнению одних ученых, административная ответственность рассматривается как вид юридической ответственности, которая определяет обязанность лица претерпевать определенные лишения государственно-властного характера за совершенное административное правонарушение [3, с. 139].

Другие определяют административную ответственность как применение государственными органами, должностными лицами и представителями власти установленных государством мер административного воздействия к гражданам и организациям за совершенные административные правонарушения [2, с. 7].

Административная ответственность несовершеннолетних составляет особый вид юридической ответственности. Эта проблема в последнее время приобрела

рела острый характер не только по причине реформирования действующего в нашей стране законодательства по вопросам ювенальной политики, но и по причине реального увеличения количества правонарушений, совершенных подростками.

Под пристальным контролем органов внутренних дел Саратовской области находятся несовершеннолетние, особенно из неблагополучных семей. На 31.12.2012 года на учете в ОВД состоит 3307 несовершеннолетних (в 2011 году – 3193) и 1891 неблагополучная семья (в 2011 году – 1891). В рамках работы с ними совместно с органами опеки и попечительства подготовлено 532 документа на лишение родительских прав, из них удовлетворено судом 396, направлено в суд 58 ходатайств о решении вопроса о помещении подростков в ЦВСНП.

В Саратовской области удельный вес преступлений, совершенных несовершеннолетними, составляет 3,6% (ПФО – 4,6%, Россия – 5,1%), ранее совершавшими – 25,6% (ПФО – 50,6%, Россия – 46,6%), в состоянии алкогольного опьянения – 27,2% (ПФО – 28,9%, Россия – 25,1%) [7].

Так, по данным прокуратуры Саратовской области, уровень преступлений, совершенных несовершеннолетними за первые пять месяцев 2013 года, возрос на 20% по сравнению с аналогичным периодом 2012 года [10].

Вопросы административной ответственности несовершеннолетних и родителей должны рассматриваться комплексно, поскольку возникает необходимость определения рамок ответственности каждого из указанных субъектов за нарушение правопорядка несовершеннолетними.

Так, административная ответственность родителей предусматривается законодателем в связи с совершением подростками таких нарушений правопорядка, за которые несовершеннолетние самостоятельно юридической ответственности не несут, но подвергаются иным мерам правового принуждения. В связи с этим указанные правонарушения подростков являются одновременно и частью основания для применения административной ответственности к родителям, и самостоятельным основанием для применения принудительных средств к ним самим.

Административную ответственность родителей нельзя рассматривать в отрыве от правовых обязанностей по воспитанию детей и надзору за ними. В случае когда в создании условий для совершения подростками административных правонарушений оказываются виновными родители, они также должны нести административную ответственность.

Среди особенностей административной ответственности несовершеннолетних ученые-административисты выделяют:

а) значительную степень обусловленности цели административной ответственности, применяемой к несовершеннолетним, меньшим объемом и степенью лишения или ограничения прав и свобод несовершеннолетних лиц по сравнению со взрослыми правонарушителями;

б) невозможность применения к несовершеннолетним таких же мер наказания, как и для взрослых правонарушителей, – например, к несовершеннолетним не применяется административный арест;

в) наступление административной ответственности несовершеннолетних за правонарушения, предусмотренные ч. 1, 2, 3 ст. 20.20, 20.21, ст. 6.8 КоАП РФ, и другие, которые являются общественно опасными;

г) возможность привлечения к ответственности за совершение администра-

тивных правонарушений наряду с несовершеннолетними и их родителей (ст. 20.20 КоАП РФ) [4].

Одной из важнейших задач социального государства является защита прав и свобод ребенка, поддержка семьи, материнства и детства. Впервые в нашей стране на законодательном уровне государственная политика в интересах детей получила свое закрепление в Федеральном законе от 24 июня 1998 года № 120-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», согласно которому устанавливаются основные гарантии прав и законных интересов ребенка, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, в целях создания правовых и социально-экономических условий для реализации прав и законных интересов ребенка [8].

Кроме того, обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних осуществляется на уровне субъектов РФ региональными законодательными актами. Например, в Саратовской области таким актом является закон Саратовской области от 17 декабря 2008 года № 341-ЗСО «О мерах по защите нравственности детей в Саратовской области», согласно которому установлены меры содействия физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей и предупреждения причинения им вреда [9].

В рамках реализации указанных мер органы государственной власти Саратовской области определили с учетом культурных и иных местных традиций места, нахождение в которых может причинить вред здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию, а также общественные места, в которых в ночное время не допускается нахождение детей без сопровождения родителей (лиц, их заменяющих) или лиц, осуществляющих мероприятия с участием детей. Также с учетом культурных и иных местных традиций был снижен возраст детей, до достижения которого не допускается их нахождение в ночное время в установленных общественных местах без сопровождения родителей (лиц, их заменяющих), а также лиц, осуществляющих мероприятия с участием детей, на один год.

Так, мировыми судьями Красноармейского района Саратовской области за 2011–2012 годы по г. Красноармейску и Красноармейскому району было привлечено к административной ответственности 283 родителя и лица, их заменяющих, за нарушение требований статьи 2.2 закона Саратовской области. По сравнению с 2010 годом произошло значительное увеличение количества дел такой категории. Если за 2011 год к административной ответственности было привлечено 79 лиц, то в 2012 году их количество составило 204. Общая сумма наложенных штрафов составила 152 800 рублей. Более 80% родителей погашают наложенные штрафы в добровольном порядке. В отношении тех лиц, которые не исполнили наказание в виде штрафа добровольно, документы передаются в службу судебных приставов для принудительного взыскания штрафа [1].

Как правило, родители, впервые привлекаемые к административной ответственности, подвергаются штрафу в размере 500 рублей. При их повторном привлечении к административной ответственности за данное правонарушение сумма налагаемого штрафа превышает минимальный размер оплаты труда.

Кроме того, обращает на себя внимание практика Верховного суда РФ, который в своих определениях от 2 ноября 2011 года № 1-Г11-26 и от 13 марта 2013 года № 64-АПГ13-1 [6] указал, что, устанавливая административную ответственность за допущение нахождения детей в местах реализации товаров только сексу-

ального характера, алкогольной продукции, пива и напитков, изготавливаемых на его основе, и в иных местах, нахождение в которых может причинить вред здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию, а также в ночное время в общественных местах, субъект Российской Федерации фактически реализовал свое право установления административной ответственности, предоставленное п. 7, 8 ст. 14.1 Федерального закона от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и статьей 1.3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Однако данное право субъекта Российской Федерации абсолютным не является, его осуществление обусловлено особенностями принципа разграничения нормотворческой компетенции Российской Федерации и субъекта Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях.

В соответствии со статьями 1.1, 1.3, 1.3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, субъект Российской Федерации вправе устанавливать своими законами административную ответственность лишь по вопросам совместного ведения, не урегулированным федеральным законом.

Исходя из вышеизложенного следует, что административная ответственность в этом случае установлена региональным законодателем по вопросу, находящемуся в совместном ведении Российской Федерации и субъекта Российской Федерации.

Государственная политика по защите детей сводится к комплексу разнообразных мер – законодательных, финансовых, материально-технических, организационных.

К таковым относятся и меры, предусмотренные п. 3 ст. 14.1 Федерального закона от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации».

Указанные меры по своей юридической природе являются мерами по содействию физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей. Обязанность по их соблюдению возложена федеральным законодателем на родителей, которые обязаны воспитывать своих детей, заботиться об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии. Поскольку указанная обязанность установлена федеральным законодательством, то и установление административной ответственности за несоблюдение либо ненадлежащее выполнение этой обязанности – прерогатива федерального законодателя.

Исполнение родителями данной обязанности обеспечивается административной ответственностью, установленной действующим Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, и не нуждается в подтверждении законом субъекта Российской Федерации.

Согласно статье 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями или законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних влечет предупреждение или наложение административного штрафа в размере от 100 до 500 рублей.

Нахождение детей в ночное время в общественных местах, предусмотренных п. 3 ст. 14.1 Федерального закона от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основ-

ных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (в том числе и без сопровождения родителей (лиц их заменяющих), со всей очевидностью демонстрирует ненадлежащее выполнение родителями обязанностей по воспитанию своих детей и защите прав и интересов несовершеннолетних, и как следствие, влечет квалификацию правонарушения по статье 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

При таком положении установление административной ответственности законом субъекта Российской Федерации Верховный суд РФ расценивает как превышение региональным законодателем своих нормотворческих полномочий.

Существующее нормативно-правовое регулирование указанной сферы порождает коллизию правовых норм и несогласованность региональных и федеральных норм в системе законодательства об административных правонарушениях, допускает применение органом или должностным лицом административного наказания и мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении в связи с административным правонарушением с нарушением компетенции указанного органа или должностного лица, исключает назначение административного наказания на законном основании, позволяет дважды привлекать к административной ответственности за одно и то же административное правонарушение, снижая тем самым уровень правовых гарантий для граждан при привлечении их к административной ответственности.

Наряду с вышеизложенным считаем целесообразным для более эффективного выполнения родителями своих прямых родительских обязанностей привлекать их к административной ответственности, а в последующем в случае неприятия родителями мер по надлежащему воспитанию несовершеннолетних привлекать их и к уголовной ответственности.

Кроме того, необходимо ужесточить санкцию по ст. 5.35 КоАП РФ за административные правонарушения, совершенные взрослыми в отношении несовершеннолетних. Этого можно достигнуть путем повышения в несколько раз штрафных санкций, применением в качестве наказания административного ареста, а также обеспечив право мировым судьям рассматривать дела данной категории.

Таким образом, только разносторонний анализ основных причин и условий правонарушений среди лиц, не достигших совершеннолетия, законодательства и судебной практики в исследуемой сфере может стать эффективным инструментом для совершенствования деятельности системы профилактики правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации.

Список использованной литературы:

1. Административная ответственность родителей. URL : http://krasnoarmeisky.sar.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=4&did=17 (дата обращения : 11.11.2013).
2. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право. М., 2008.
3. Бровко Н. В., Григорян С. А., Соколова Ю. А. Административное право / под ред. С. А. Григоряна. Ростов н/Д, 2002.
4. Ильина Т. А. К проблеме административной ответственности несовершеннолетних // Административное и муниципальное право. 2012. № 10.
5. Министерство внутренних дел РФ : [сайт]. URL : <http://mvd.ru/stats/> (дата обращения : 11.11.2013).
6. О частичной отмене решения Архангельского областного суда от 25.08.2011 и частичном удовлетворении заявления о признании недействующими отдельных положений Закона Ар-

хангельской области от 15.12.2009 № 113-9-ОЗ «Об отдельных мерах по защите нравственности и здоровья детей в Архангельской области» и Закона Архангельской области от 03.06.2003 № 172-22-ОЗ «Об административных правонарушениях» : Определение Верховного суда РФ от 02.11.2011 № 1-Г11-26. URL : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=233870> (дата обращения: 11.11.2013) ; Об оставлении без изменения решения Сахалинского областного суда от 13.12.2012, которым удовлетворено заявление о признании недействующими отдельных положений Закона Сахалинской области от 29.03.2004 № 490 «Об административных правонарушениях в Сахалинской области» и статьи 5.1 Закона Сахалинской области от 01.08.2008 N 83-ЗО «О Сахалинском областном регистре муниципальных нормативных правовых актов» : Определение Верховного суда РФ от 13.03.2013 № 64-АПГ13-1. URL : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=327104> (дата обращения : 11.11.2013).

7. Отчет об основных результатах оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Саратовской области за 2012 год // Министерство внутренних дел РФ : [сайт]. URL : http://64.mvd.ru/citizen/Otchet_ob_osnovnih_rezultatah_operativno (дата обращения : 11.11.2013).

8. СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802, 2013 ; № 27. Ст. 3477.

9. Собрание законодательства Саратовской области. 2008. № 25. Ст. 4923.

10. Уровень преступлений, совершаемых несовершеннолетними, вырос на 20%. URL : <http://news.mail.ru/inregions/volgaregion/64/society/13318667/> (дата обращения : 11.11.2013).

Е. А. Крючкова

ПОРУЧЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РФ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОГЛАСОВАННОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ

Конституция РФ 1993 года устанавливает статус Президента РФ в качестве главы государства, выступающего гарантом прав и свобод человека и гражданина (ст. 80). Данной нормой корреспондирует обязанность Президента РФ обеспечивать согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти, деятельность которых направлена на обеспечение прав и свобод человека и гражданина (ст. 2, 18).

Президентские решения и действия, согласно нормам Конституции РФ и законодательства, реализуются путем издания им указов как нормативного, в том числе и стратегического, так и ненормативного характера, а также распоряжений, носящих в основном кадровый ненормативный характер. Кроме того, решения главы государства выражаются в форме президентского контроля в отношении органов власти в виде поручений и указаний, статус которых определен Указом Президента РФ от 28 марта 2011 года № 352 «О мерах по совершенствованию организации исполнения поручений и указаний Президента Российской Федерации» (далее – Указ о поручениях и указаниях) [1].

Указ о поручениях и указаниях, вступивший в силу с 1 июля 2011 года, устанавливает статус поручений и указаний Президента РФ, определяет порядок их исполнения и направлен на повышение исполнительской дисциплины по их реализации. В нем решения Президента РФ четко разграничены на две основные категории – собственно поручения и указания главы государства.

Поручения содержатся в указах и распоряжениях, а также в директивах Президента РФ или оформляются в установленном порядке на бланках со словом «Поручение». Также они могут оформляться в виде перечней поручений.

Указания Президента РФ оформляются в виде резолюций. При необходимости на основании указания по решению руководителя Администрации Президента РФ готовится проект поручения. В случае его подписания соответствующее указание снимается с контроля.

Как поручения, так и указания Президента подлежат безусловному исполнению, закрепляется персональная ответственность исполнителей за их несвоевременное или ненадлежащее выполнение [2]. Проверка исполнения поручений и указаний ложится на Контрольное управление Администрации Президента РФ.

В соответствии с Указом о поручениях и указаниях, руководители федеральных органов исполнительной власти, иных федеральных государственных органов и высшие должностные лица (руководители высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации несут персональную ответственность за своевременное и надлежащее исполнение поручений и указаний Президента РФ.

Согласно принципу разделения властей, провозглашенному Конституцией РФ, и системе сдержек и противовесов, вытекающей из него, Президент РФ может давать поручения и указания органам или должностным лицам, напрямую ему подчиняющимся, то есть вспомогательным органам (Администрации, советам и комиссиям). Однако подавляющее большинство поручений адресовано Правительству РФ, в основном в лице его Председателя.

На официальном сайте Президента РФ содержится информация о данных главой государства поручениях и отчеты об их выполнении [3]. Показательным является перечень поручений, данных Президентом РФ по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека (далее – Совет), состоявшегося 4 сентября 2013 г. Приведу лишь некоторые из этого перечня [4]:

Поручение	Ответственный	Срок исполнения
Подготовить для внесения в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»	Первый заместитель руководителя Администрации Президента РФ, Председатель Совета	1 марта 2014 г.
Представить предложения по внесению изменений в Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»	Правительство РФ	1 января 2014 г.
Представить предложения о мерах материальной поддержки ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, проживающих за рубежом	Правительство РФ	1 марта 2014 г.
Проработать вопрос об учреждении ежегодной государственной премии в области правозащитной и благотворительной деятельности	Правительство РФ	1 ноября 2014 г.
Представить предложения об объявлении амнистии в связи с 20-летием принятия Консти-	Совет	15 октября 2013 г.

туции Российской Федерации.		
Представить предложения по повышению роли Совета и институтов гражданского общества в работе по совершенствованию законодательства Российской Федерации о судебной системе	Совет	1 декабря 2013 г.
Представить предложения по совершенствованию правового статуса Совета, предусматривающие в том числе наделение членов Совета правом осуществления общественного контроля за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания	Совет	1 декабря 2013 г.
Представить предложения по совершенствованию механизма рассмотрения обращений граждан	Совет	1 февраля 2014 г.
Рекомендовать Верховному Суду Российской Федерации проанализировать и обсудить судебную практику по делам об условно-досрочном освобождении	Председатель Верховного Суда РФ	срок отсутствует

Данные поручения вызывают ряд правовых вопросов.

1. Президент поручает проработать вопрос о государственной премии Правительству РФ, однако вопросы государственного награждения находятся в ведении Президента РФ (ст. 89 Конституции РФ) и регулируются нормативным Указом Президента РФ [5]. Обеспечивают реализацию президентских полномочий по вопросам государственного награждения Комиссия по государственным наградам при Президенте РФ [6] и Управление по государственным наградам Администрации Президента РФ [7, 8].

2. Президент РФ поручает Совету представить предложения об объявлении амнистии, однако согласно п. «ж» ст. 103 Конституции РФ и ст. 84 Уголовного кодекса РФ [9], решение данного вопроса относится к ведению Государственной думы Федерального собрания.

Обращает на себя внимание тот факт, что в отношении судебной власти президентское поручение носит рекомендательный характер. В этом случае возникает вопрос, каковы санкции в случае невыполнения или несвоевременного выполнения такого поручения.

Ответственное отношение Правительства РФ и его руководителя к поручениям главы Российской Федерации выразилось в подписании Д. А. Медведевым Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года. Данный документ был представлен на расширенном заседании Правительства РФ 31 января 2013 года. Основные направления разработаны в соответствии с Федеральным конституционным законом «О Правительстве Российской Федерации» [10] и определяют цели и приоритеты политики Правительства РФ в области социального и экономического развития на среднесрочную перспективу. Документ направлен на выполнение указов Президента России от 7 мая 2012 года, в которых сформулированы перспективные задачи в области совершенствования системы государственного управления, обеспечения межнационального согласия, экономической, демографической и социальной политики, в сфере здравоохранения, образования и науки, обеспечения граждан доступным

жильём, а также задач, поставленных в Послании Президента Федеральному собранию 2012 года. Главным механизмом реализации Основных направлений станут государственные программы Российской Федерации.

Таким образом, сложившаяся конституционно-правовая практика свидетельствует о праве главы государства принимать решения в форме указов, распоряжений, поручений и указаний в отношении исполнительной власти федерального и регионального уровня. В отношении законодательной и судебной власти такие решения носят рекомендательный характер. Данный механизм обеспечивает реализацию полномочий Президента РФ по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти в гуманитарной сфере.

Список использованной литературы:

1. О мерах по совершенствованию организации исполнения поручений и указаний Президента Российской Федерации (вместе с «Порядком исполнения поручений и указаний Президента Российской Федерации») : Указ Президента РФ от 28.03.2011 № 352 // СЗ РФ. 2011. № 14. Ст. 1880.
2. Официальный сайт Президента РФ. URL : <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения : 05.09.2011).
3. Официальный сайт Президента РФ. URL : <http://www.kremlin.ru/assignments/execution> (дата обращения : 27.09.2011).
4. Официальный сайт Президента РФ. URL : <http://news.kremlin.ru/assignments/items?topic=50> (дата обращения : 27.09.2011).
5. О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации : Указ Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 (ред. от 26.06.2013) // СЗ РФ. 2010. № 37. Ст. 4643 ; 2013. № 26. Ст. 3310.
6. О Комиссии при Президенте Российской Федерации по государственным наградам (вместе с «Положением о Комиссии при Президенте Российской Федерации по государственным наградам») : Указ Президента РФ от 02.12.2008 № 1712 (ред. от 25.08.2012) // СЗ РФ. 2008. № 49. Ст. 5767 ; 2012. № 35. Ст. 4786.
7. Об Администрации Президента Российской Федерации : Указ Президента РФ от 25.03.2004 № 400 (ред. от 11.02.2013) // СЗ РФ. 2004. № 13. Ст. 1188 ; 2013. № 7. Ст. 632.
8. Об утверждении Положения об Управлении Президента Российской Федерации по государственным наградам : Указ Президента РФ от 27.11.2009 № 1356 (ред. от 14.01.2011) // СЗ РФ. 2009. № 48. Ст. 5793 ; 2011. № 4. Ст. 572.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.07.2013) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.09.2013) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954 ; 2013. № 27. Ст. 3477.
10. О Правительстве Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 № 2-ФКЗ (ред. от 07.05.2013) // СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5712 ; 2013. № 19. Ст. 2294.

А. М. Куликов

ОПЫТ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ, СВЯЗАННЫХ СО СМИ, В РАБОТЕ КОМИССИИ ПО ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ САРАТОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ

В нашей стране информационные права и свободы получили свое нормативное закрепление только на исходе XX века. Первый закон о печати СССР был принят 12 июня 1990 г.

На конституционном уровне право на информацию впервые было зафиксировано после принятия Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 года «Де-

кларации прав и свобод человека и гражданина», в которой была представлена иная, чем в советской конституции, концепция правового статуса личности. В редакции Конституции России от 12 апреля 1992 года появилась ст. 43, которая гласит: «Каждый имеет право на свободу мысли, слова, а также на беспрепятственное выражение своих мнений и убеждений. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений. Каждый имеет право искать, получать и свободно распространять информацию. Ограничения этого права могут устанавливаться только законом».

Поэтому можно сказать, что культура пользования информационными правами и свободами в России не имеет длительной истории и, возможно, поэтому мы встречаемся с большим количеством злоупотреблений в этой сфере.

В качестве адекватной институциональной реакции на информационные споры возникают специфические структуры, обладающие специальными правовыми или этическими полномочиями.

В России с 1993 по 2000 год существовала Судебная палата по информационным спорам при Президенте России – опыт этого органа воплощен в большом количестве решений, рекомендаций и экспертных заключений, которые сохраняют свое значение для этико-правового регулирования в сфере массовой информации.

Далее было создано Большое жюри Союза журналистов России, которое действовало как уставной орган Союза журналистов России. Большое жюри также сформировало большое количество прецедентов в урегулировании медийных конфликтов.

Наконец, в 2005 году при участии около 60 отечественных неправительственных организаций была создана Общественная коллегия по жалобам на прессу, которая успешно работает в настоящее время [1].

Два года назад при Саратовском отделении Союза журналистов РФ была организована комиссия по информационным спорам. Предполагалось, что комиссия станет механизмом досудебного разрешения жалоб на СМИ со стороны читательской аудитории, представителей различных организаций, госорганов и отдельных граждан. Для правления Областного союза журналистов польза такого способа разрешения информационных споров была очевидна. Во-первых, удалось бы разрешать возникающие конфликтные ситуации минуя суд. Во-вторых, поскольку в своих решениях комиссия руководствуется не только законодательством о СМИ, но и профессионально-этическими нормами российской и международной журналистики, мы надеялись, что ее решения будут способствовать повышению качества работы саратовских журналистов и распространению в обществе стандартов порядочной и профессиональной журналистики.

Последнее особенно актуально в связи со значительной деформацией таких норм в СМИ в настоящее время.

Устав комиссии по информационным спорам был разработан на базе устава успешно работающей на протяжении уже многих лет в Москве Общественной коллегии по жалобам на прессу.

При формировании комиссии по информационным спорам Саратовского отделения Союза журналистов мы старались сохранить принцип участия в работе комиссии не только журналистов, но и представителей общественных организаций и читательской аудитории. В результате был сформирован и утвержден правлением Союза журналистов состав комиссии, в которую вошли и члены не-

журналистского сообщества. В настоящее время в комиссии два таких человека – это заместитель президента Саратовской областной торгово-промышленной палаты, юрист, третейский судья С. Г. Леонов и известный адвокат С. М. Зайцев.

Медийное сообщество в комиссии представляют известные, с большим опытом работы, уважаемые журналисты Е. М. Музалевский, С. В. Шалункин, Е. В. Пантелеева, Д. Г. Митрошин, В. Н. Лопанцева, а также два менеджера в сфере СМИ – директор информагентства «Четвертая власть» Н. А. Гурин и директор газеты «Совфакс» Д. С. Лабунский.

Сфера компетенции комиссии – все публикации, как печатные, так и электронные, в СМИ, издаваемых на территории области.

Одно из основных условий – лицо или представитель обратившейся организации берет на себя обязательство не продолжать спора в судебном порядке. Если вторая сторона, т. е. средство массовой информации, отказывается от участия в разбирательстве, спор все равно может быть рассмотрен. Однако в таком случае сторона, обратившаяся с жалобой, может решением комиссии быть освобождена от своего обязательства не продолжать спора в судебном порядке.

Согласно порядку разрешения споров, при поступлении жалобы на СМИ комиссия определяет ее приемлемость, решает, относится ли она к компетенции комиссии. В дальнейшем комиссия направляет уведомление СМИ, на которое поступила жалоба, о получении жалобы и приглашает участвовать в заседании комиссии. Копия жалобы направляется редактору СМИ.

Рассмотрение спора проходит открыто, стороны обосновывают свои позиции, члены комиссии задают вопросы, чтобы разобраться в ситуации. Решение выносится в закрытом заседании, оформляется в разумные сроки и высылается участникам спора.

За почти два года работы комиссия рассмотрела и вынесла решение по двум спорам, еще несколько обращений до стадии рассмотрения по разным причинам не дошли.

Первый спор инициировал депутат Саратовской городской думы предприниматель О. К. Комаров. Он обратился с жалобой на газеты «Время» и «Саратовский репортер». Речь шла об опубликовании не соответствующей действительности информации о том, что якобы предприниматель вел незаконное строительство над линией теплотрассы.

Представители «Времени» приняли участие в заседании комиссии. Они обосновывали свою позицию тем, что опубликовали данный материал, опираясь на результат прокурорской проверки.

Надо сказать, что данные публикации прошли на фоне информационной кампании, которую вел ряд саратовских СМИ в отношении Комарова.

Комиссия, рассмотрев спор, посчитала, что журналисты в своих публикациях сделали поспешные выводы, не совпадающие с реальным положением дел, а их действия были недостаточно профессиональными [4].

Второй спор связан с обращением президента Саратовской ТПП М. А. Фатеева, который обратился с жалобой на газету «Богатей», где была опубликована его фотография в числе других руководителей разного ранга и располагалась под заголовком негативного характера.

При этом, как выяснилось, ранее редакция газеты обращалась к президенту ТПП с запросом, на который не получила ответа, как объяснили представители этой организации, в связи с некорректной формулировкой запроса. М. А. Фатеев

признал этот факт на заседании и выразил по этому поводу сожаление.

Редактор «Богатя» А. Г. Свешников в рассмотрении дела участвовать не стал. В то же время он объяснил, что, по его мнению, к фото М. А. Фатеева заголовок не относится, а относится только фрагмент текста статьи.

Комиссия, рассмотрев дело, посчитала такую подачу материала в газете непрофессиональной и неэтичной. В то же время в решении был отмечен факт невыполнения требований законодательства о СМИ и со стороны самой Торгово-промышленной палаты. Член комиссии С. Г. Леонов, который является членом правления ТПП, в соответствии с нашим Уставом взял самоотвод и в вынесении решения не участвовал [3].

Оба спора были завершены решением комиссии, стороны в суд впоследствии не обращались.

Кроме того, споры в журналистской среде разрешает Большое жюри Саратовского отделения союза журналистов. Если комиссия по информационным спорам разбирает жалобы на СМИ со стороны читательской аудитории, то Большое жюри должно рассматривать споры журналистов между собой.

Однако в реальности получилось, что Большому жюри в конце прошлого года пришлось разбираться в ситуации несколько иного плана. В Союз журналистов обратилась руководитель аппарата Саратовской областной думы И. В. Муругова с просьбой дать оценку акции двух молодых людей, которые развернули растяжку на балконе думы во время первого после прошедших выборов заседания регионального парламента.

Комиссия по информационным спорам посчитала себя не вправе рассматривать данное обращение. Хотя одна из участниц этой акции действительно являлась журналистом, мы решили, что все-таки наша задача – разбираться в профессиональной, а не политической деятельности коллег.

Жалобу рассмотрело Большое жюри Саратовского отделения Союза журналистов. На мой взгляд, было вынесено объективное решение [2].

В заключение несколько слов о реакции журналистского сообщества на появление комиссии по информационным спорам. Так, вскоре после рассмотрения комиссией первого же дела на заседании правления отделения Союза журналистов редактор одного из местных изданий заявил, что журналисты вообще не должны оценивать работу коллег, поскольку они якобы не могут быть объективными – мол, наше журналистское сообщество слишком разобщено и зависит от учредителей. При этом претензий к персональному составу комиссии или к самому решению, которое тогда было вынесено, у него не оказалось.

Такое опасение оценки собственной деятельности некоторыми работающими в СМИ профессионалами, на мой взгляд, является очень показательным. Сама возможность того, что результаты твоей работы могут быть подвергнуты публичному обсуждению коллегами-профессионалами, уже дает повод посмотреть на самого себя со стороны.

Это особенно важно в ситуации, когда российские журналисты действительно подвергаются сильному давлению со стороны учредителей и вынуждены работать в рамках редакционной политики, зачастую не соответствующей профессиональным этическим нормам.

Список использованной литературы:

1. Настольная книга по медийному саморегулированию / под ред. д-ра юрид. наук проф. М. А. Федотова. М., 2009.
2. Протокол заседания Большого жюри Саратовского регионального отделения Союза журналистов России от 8 ноября 2012 г. // Союз журналистов. Саратовское отделение. [Сайт]. URL : <http://sarunion.ru/actual/news/403-8-noyabrya-sostoyalos-zasedanie-pravleniya.html> (дата обращения : 15.06.2013).
3. Решение комиссии по информационным спорам от 4 апреля 2012 // Союз журналистов. Саратовское отделение. [Сайт]. URL : <http://sarunion.ru/actual/main-news/301-reshenie-komissii-po-informacionnym-sporam.html> (дата обращения : 15.06.2013).
4. Состоялось заседание комиссии по информационным спорам от 27 июня 2011 г. // Союз журналистов. Саратовское отделение : [сайт]. URL : <http://sarunion.ru/actual/main-news/236-sostoyalos-zasedanie-komissii-po-informacionnym.html> (дата обращения : 15.06.2013).

Н. С. Куфтов

КОРРУПЦИОННЫЕ СКАНДАЛЫ КАК ФАКТОР ИМИДЖА АРМИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Армия является одним из базовых государственных институтов, обеспечивающих суверенность и стабильность общественно-политического и социально-экономического развития общества. В свою очередь, боеспособность и эффективность армии зависит от совокупности множества факторов, важнейшим из которых является ее восприятие в обществе и соответствующее отношение к Вооруженным силам⁶ разных социальных групп. Особое значение имеет восприятие армии подрастающим поколением, на социальной базе которого и происходит ее формирование и функционирование.

По мнению исследователей, имидж Вооруженных сил Российской Федерации является одним из средств решения формирования общественной поддержки ВС РФ, привлекательности военной службы, привития военнослужащим гордости за службу в ВС РФ, формирования мотивации к продолжению службы [1].

В современной имиджологии рассматривают разные типы имиджа. Е. А. Петрова предлагает делить имидж «1) по объекту (персональный и кооперативный), 2) по соотношению с другими объектами (единичный – множественный), 3) по содержанию (простой – сложный), 4) по оригинальности характеристик (оригинальный – типичный), 5) по контексту имиджирования (личный, профессиональный, политический), 6) по полу (мужской – женский), 7) по возрасту (молодежный – зрелый), 8) по социальной категории (имидж политика, бизнесмена, поп-звезды и т. д.), 9) по длительности существования (общий – ситуативный), 10) по параметрам проявления (средовой, габаритарный, овеществленный, вербальный, кинетический) и др.» [7, с. 53–54]. На наш взгляд, данный подход к классификации имиджа в отношении армии можно использовать лишь при определенном допущении, с учетом специфических характеристик и функциональности ВС в социально-политической системе современной России.

Имидж армии представляет собой очень сложную структуру, которая включает в себя характеристики персональные (имидж военнослужащего), институциональные (образ армии как единой государственной организации, выполняющей

⁶ Понятия армии и Вооруженных сил (ВС) используется нами как синонимы.

важнейшие социальные функции), субъектные и объектные (как армии в целом, так и по отдельным родам войск), статический и динамический образ, позитивный и негативный имидж, имидж конструируемый, внедряемый и актуализированный, т. е. реально сформированный у разных социальных групп в результате воздействия объективных процессов в армии и целенаправленных информационно-коммуникационных усилий разных субъектов общественно-политических отношений.

Имидж армии – это не только институциональный образ огромной организации, но и представление об определенном и строго организованном образе жизни, не совпадающем с гражданскими нормами и традициями. Это представление носит упрощенный характер и включает в себя как позитивные, так и негативные стереотипы, которые имеют социальную значимость для воспринимающего такой образ молодого человека и оказывают на него определенное мотивационное воздействие.

Особенно негативно на имидже российской армии сказались последствия социально-политических, социально-экономических и социокультурных преобразований 1990-х годов, а также участие армии в контртеррористических операциях в Чечне. В результате, по данным известного специалиста в данном вопросе В. В.Серебрянникова, на 2003 год 30% молодых российских граждан были заражены абсолютным пацифизмом («не буду братья за оружие даже в случае прямой агрессии»), около 30% юношей не желали служить в армии и только 23% считали себя патриотами [8, с. 42]. В 2000-е годы ситуация в ВС Российской Федерации стала постепенно выправляться, но негативные аспекты имиджа армии продолжали воздействовать на общественное мнение.

На основе исследования материалов трех ведущих российских печатных изданий («Коммерсантъ», «Ведомости», «Российская газета») Д. Крутилин пришел к выводу, что «на протяжении двух последних лет в самых цитируемых периодических печатных изданиях преобладает информация, формирующая в общественном сознании отрицательное либо нейтральное отношение к офицерам армии и флота» [4, с. 18].

Одним из факторов, существенно влияющих на формирование негативного имиджа российской армии, является коррупция. Ее различные аспекты привлекают внимание многих исследователей как одна из важнейших проблем демократического развития современной России. По мнению исследователей, «коррупция в Российской Федерации серьезно затрудняет нормальное функционирование всех политических и социально-экономических механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и модернизации национальной экономики, вызывает в российском обществе серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам» [6, с. 6].

Эту опасность признает и официальная власть. 14 апреля 2010 года был принят Указ Президента РФ «О национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы», который развивал и укреплял соответствующее решение от 2008 года. Целью Национальной стратегии обозначено «искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе» [14].

В соответствии с российским законодательством коррупция – это «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным инте-

ресам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица» [10].

Особую опасность представляет именно коррупция в армии. По данным заместителя Председателя Следственного комитета Российской Федерации, руководителя Главного военного следственного управления генерал-лейтенанта юстиции А. С. Сорочкина, имеет место тенденция роста коррупции в армии. «В общей массе удельный вес преступлений коррупционной направленности постоянно растет. Так, если в 2007 году он составлял 7%, в 2008 – 11,3%, в 2009 – 14,3%, то в 2010 – уже 17,5%. Цифры, что называется, говорят сами за себя» [2]. В качестве примера масштабов такой коррупции главный военный прокурор С. Фридинский привел факт, когда бывший руководитель Главного управления обустройства войск Минобороны генерал-лейтенант Дзулучанский, действуя в интересах своего сына и его партнера по бизнесу – хозяев строительных коммерческих организаций, дал этим организациям кредит на 163 млн рублей за счет средств своего главка. Бывшее руководство Службы расквартирования и обустройства Минобороны достоверно знало об этом, однако никаких мер не приняло. Деньги, предназначенные для строительства жилья, пошли на развитие частного бизнеса. Ущерб превысил 190 млн рублей [3].

Масштабы коррупции таковы, что ею охвачены самые верхние эшелоны власти Министерства обороны Российской Федерации. По последним данным Генпрокуратуры, в 2013 году коррупция в армии выросла в 5,5 раза по сравнению с показателями 2012 года. Ущерб превысил 4,4 млрд рублей. По мнению экспертов, такие результаты – тяжелое наследие предыдущей команды [11]. Уже два года проводится расследование, связанное с ближайшим окружением экс-министра МО РФ А. Сердюкова [5]. Следствие еще не завершено, но негативные последствия для имиджа армии налицо.

Во-первых, на наш взгляд, в результате коррупции в данной сфере у населения России подрывается доверие прежде всего к институту армии в целом и, соответственно, формируется ее негативный имидж не только для молодого поколения, но и для всех возрастных групп российского общества. Это особенно опасно в связи с традицией восприятия российской армии как народной, которая была характерна не только для советского периода, но в значительной степени и для дореволюционной России. Образ армии как «народного детища», как «плоти от плоти» был обусловлен тем, что российская армия никогда не была наемной и потому всегда воспринималась как неотъемлемая часть российского общества.

Во-вторых, армейская коррупция подрывает в глазах общества имидж российского офицерства, которое является «становым хребтом» Вооруженных сил Российской Федерации. Многовековые традиции хранения офицерской чести и достоинства, проявления самопожертвования и самоотверженности перечеркываются неумным сребролюбием и корыстью отдельных представителей российской военной элиты.

В-третьих, коррупция в среде высших военных чиновников разлагающе действует на боевой дух российской армии в целом, поскольку снижает мотивационные стимулы добросовестного служения Отечеству у офицеров и рядового состава.

В-четвертых, подрывается имидж институциональной функциональности российской армии, ее способности к выполнению задач по защите внешних и внутренних интересов современной России. С одной стороны, разворовывание денег и иных ресурсов, выделенных на обеспечение обороноспособности страны, приводит к реальным проблемам в материально-техническом оснащении ВС РФ, снижению уровня боеготовности и надежности армейских подразделений. С другой стороны, постоянные коррупционные скандалы в армейской среде приводят к формированию негативного образа армии как своеобразной «черной дыры», в которой бесследно исчезают огромные бюджетные деньги.

Ну и, наконец, подрываются традиции дисциплины и беспрекословного выполнения приказов вышестоящего командования как базовой основы российской армии. Это начинается с молчаливого одобрения значительной частью общества аргументов «уклонистов» и «отказников» от службы в армии и заканчивается многочисленными фактами нарушения воинской дисциплины на всех уровнях.

Конечно, на негативный имидж российской армии влияет совокупность самых разных факторов объективного и субъективного свойства, связанных с проблемами как внутри армии, так и всего общества в целом. Но наличие коррупции в армейской среде, на наш взгляд, является тем препятствием, не устранив которого, невозможно разрешить ни одну другую проблему Вооруженных Сил современной России и существенно изменить их имидж в лучшую сторону.

Список использованной литературы:

1. *Давыдов Д. Г.* Имидж вооруженных сил Российской Федерации в молодежной среде как предмет социально-психологического исследования // Армия России. На службе Отечеству. Военно-информационный портал. URL : http://armyrus.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=725&Itemid=2139 (дата обращения : 22.08. 2013).
2. Деятельность военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации в современных условиях // Гарант. Информационно-правовой портал. URL : <http://www.garant.ru/action/interview/319683> (дата обращения : 22.08.2013).
3. Коррупция в армии. URL : <http://voennovosti.ru/2010/08/korrupciya-v-armii/> (дата обращения : 22.08. 2013).
4. *Крутилин Д.* Имидж офицерского корпуса Российской армии. По публикациям в СМИ // ОБОЗРЕВАТЕЛЬ-OBSERVER. 2011. № 4. С. 18.
5. Минобороны через суд хочет вернуть базу, проданную при Сердюкове. URL : <http://www.rbcdaily.ru/society/562949988635672> (дата обращения : 25.08. 2013).
6. *Моисеев В. В., Прокуратов В. Н.* Противодействие коррупции в современной России. Орел, 2012. С. 6.
7. *Петрова Е. А.* Имидж вооруженных сил как научная и социальная проблема // Человеческий капитал. 2010. № 5 (17). С. 53–54.
8. *Серебрянников В. В.* Военная идеология России : миф или реальность? // Власть. 2003. № 6. С. 42.
9. О национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы : Указ Президента РФ от 14 апреля 2010 года // Официальный сайт президента РФ Д. А. Медведева. URL : [http // kremlin.ru](http://kremlin.ru) (дата обращения : 25.08. 2013).
10. О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (п. 1 ст. 1) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
11. Эксперт списал выявленную в армии коррупцию на след «эпохи Сердюкова». URL : http://ria.ru/defense_safety/20130711/949009430.html (дата обращения : 25.08. 2013).

ОТ КОНФЛИКТА К БАЛАНСУ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Неотъемлемым элементом любых общественных отношений выступает конфликт. Он несет в себе столкновение потребностей, интересов и ценностей противоборствующих субъектов. С одной стороны, сам конфликт способен разрешать противоречия, исполнять роль стабилизатора общества и обновлять общественные отношения на основе переоценки основных приоритетов дальнейшего развития. С другой стороны, конфликт может привести к дезинтеграции общества, кризису или вовсе к потере легитимности власти.

Особой разновидностью конфликта выступает политический конфликт – конкретное взаимодействие, столкновение, борьба политических субъектов с целью реализации своих интересов в сфере государственной власти. Каждый субъект конфликта имеет свои политические интересы, но все они образуют целостную систему, призванную обеспечить общее благо для всех и каждого.

Для достижения правового баланса интересов государства и других субъектов политической системы общества необходимо преодоление разногласий интересов и установление политического равновесия. На установление такого баланса оказывает влияние комплекс внутренних и внешних факторов. Рассмотрим процесс согласования интересов российского государства и общества на примере международного усыновления российских детей. Необходимо отметить, что конфликт интересов разных политических сил России по вопросу международного усыновления имел место. Однако вызов времени – легализация супружеских союзов однополых пар и предоставление им права на усыновления детей, начавшиеся с 2001 году (именно с этого времени Нидерланды стали первой страной, разрешившей однополые браки и усыновление детей однополыми парами), – достиг критического уровня и способствовал консолидации политических сил России на пути нахождения политического и, как следствие, правового баланса интересов.

Критический уровень данного вызова характеризуется следующими обстоятельствами. Во-первых, недостаточен консульский контроль судеб российских детей из-за малочисленности и многофункциональности обязанностей консульских работников. Во-вторых, необязательна постановка на консульский учет российского ребенка, усыновленного иностранной семьей. В-третьих, получение информации о жизни детей, усыновленных в иностранное государство, ограничено первыми тремя годами их жизни в новой семье. В-четвертых, процессе легализации однополых супружеских союзов в мире очень динамичен.

Нидерланды, Бельгия, Испания, Норвегия, Швеция, Португалия, Исландия, некоторые штаты США, Мексика, Аргентина, Бразилия, Дания, Уругвай и другие страны легализовали однополые браки. При этом некоторые государства разрешили таким парам усыновлять детей. Примером может служить Франция, с которой у России 18 ноября 2011 года подписан договор о сотрудничестве в области усыновления детей. В соответствии с п. 1 ст. 20 настоящего договора он подлежит ратификации и вступает в силу с момента получения последнего письменного уведомления о том, что каждая из сторон выполнила внутригосударственную процедуру, необходимую для его вступления в силу. Россия ратифицировала данный договор [1], а Франция до настоящего времени не завершила соответ-

ствующую процедуру [2, с. 70].

Особо следует отметить широкое освещение в СМИ прошедших во Франции в 2013 году массовых общенациональных манифестаций против принятия закона, разрешающего однополые браки. За незыблемые семейные ценности и фундаментальные для Франции принципы выступили не только рядовые граждане, но и мэры многих городов (Жак Румилер, Марсель Бауэр и др.), которые высказали намерение отказаться регистрировать однополые браки, невзирая на правовые последствия (штраф, смещение с должности и т. д.). Произошедшие события привели к дебатам в России о запрете на передачу наших сирот для усыновления не только однополым парам, но и одиноким гражданам тех иностранных государств, где такие браки легализованы.

26 февраля 2013 года Правительством РФ был внесен в Государственную думу проект федерального закона № 229781-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», а 21 июня 2013 года данный закон был единогласно принят 444 депутатами [3]. Таким образом, было достигнуто равновесие интересов государства и общества, которое выразилось в запрете на международное усыновление российских детей однополыми парами и сохранении сложившейся модели традиционных семейных отношений.

С принятием Федерального закона от 2 июля 2013 года № 167-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» внесены изменения в 11 законодательных актов [4]. В частности, ст. 12² Федерального закона от 19 мая 1995 года № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» дополнена ч. 2 следующего содержания: «В случае усыновления ребенка-инвалида, ребенка в возрасте старше семи лет, а также детей, являющихся братьями и (или) сестрами, пособие выплачивается в размере 100 000 руб. на каждого такого ребенка» [5]. Следовательно, происходит увеличение размера единовременного пособия в несколько раз – с 13 087,61 руб. до 100 000 руб., – направленное на стимулирование усыновления как основной формы устройства детей, проживающих вне семьи.

В ст. 7 Федерального закона от 21 декабря 1996 года № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» внесены изменения, позволяющие таким детям получать медицинскую помощь за пределами России за счет государственного бюджета [6].

Кроме того, федеральный закон от 2 июля 2013 года № 167-ФЗ упрощает процедуру внутреннего усыновления в стране. В частности, процедура медосвидетельствования для потенциальных усыновителей и опекунов будет проводиться в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, продлено действие значительного пакета необходимых для усыновления документов, сокращен перечень заболеваний, которые раньше не позволяли взять ребенка на воспитание, а также упрощен порядок получения заключения о возможности быть усыновителем.

Итак, данный закон уравнивает интересы политических сил России и выступает ответом на современный вызов времени. Длительный процесс от конфликта до баланса интересов государства и общества по вопросу международного усыновления российских детей повлек за собой следующие правовые последствия: а) совершенствование механизмов правовой, организационной и психоло-

го-педагогической поддержки граждан России, намеревающихся усыновить или взять под опеку детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также семей, воспитывающих приемных детей; б) упрощение процедуры передачи на усыновление или под опеку (попечительство, патронат) детей, оставшихся без попечения родителей.

Список использованной литературы:

1. О ратификации Договора между Российской Федерацией и Французской Республикой о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей : Федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 148-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 31. Ст. 4337.

2. О вступлении в силу международных договоров : Письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 7 ноября 2012 г. № 07-624 // Официальные документы в образовании. 2012. № 36.

3. Паспортные данные проекта федерального закона № 229781-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. URL : [http:// http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=229781-6](http://http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=229781-6) (дата обращения : 28.06.2013).

4. СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3459.

5. СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1929; 2006. № 50. Ст. 5285.

6. СЗ РФ. 1996. № 52. Ст. 5880 ; 2004. № 35. Ст. 3607.

О. В. Ливерко

КОНФЛИКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ САМОИДЕНТИФИКАЦИЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ПЕРИОД ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ И МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ

Политическая идентичность любой большой социальной группы, и российские военнослужащие со своим семейным и родственным окружением в данном случае исключением не являются, вписана в определенный «коридор». Это позволяет самой идентичности двигаться в определенном прогрессивном либо регрессивном направлении, а исследователям – воспринимать ее как нечто системное, как отражение состояния политической культуры и политической динамики социальной группы и общества в целом. Границы этого «коридора» задают политические обстоятельства, на которые вынуждены реагировать социальные группы, их групповые традиции, ценности и нормы социального общежития, приверженность к определенным схемам и порядку взаимодействия с ключевыми государственными и общественными институтами. Под влиянием этих условий в системе политической идентичности социальной группы возникают конфликты формального или же сущностного порядка, под влиянием которых границы «коридора» сдвигаются, начинается общее изменение границ политической субъектности группы в политическом процессе, и по этим подвижкам исследователь получает возможность опознать общую направленность и динамику тех изменений, в результате которых, выражаясь известными словами В. И. Ленина из его книги «Что делать», социальная группа из «класса в себе» превращается в «класс для себя».

В XX столетии и в начале XXI века во многих странах цивилизованного мира социальная группа военнослужащих играет важную роль во внутренней и внешней политике. В некоторых случаях военнослужащие непосредственно формируют политическую элиту государства и общества. В России эта тенденция не

выражена настолько ярко вследствие традиции, унаследованной от советской эпохи, когда армия рассматривалась как органическая часть советского народа, причем его лучшая, наиболее политически сплоченная часть. И в этом изначально были заложены те самые предпосылки для формирования у российских военнослужащих того элитарного восприятия своего места в обществе и государстве, которое имеет сегодня место в других странах. Но даже если такая перспектива превращения военнослужащих в общественную и государственную элиту современной России не грозит, к общей динамике политической самоидентификации военнослужащих имеет смысл присматриваться и осуществлять ее постоянный мониторинг. Изменения в «коридоре» политических военнослужащих как раз представляют собой, на наш взгляд, комплексное основание для такого мониторинга. И особое значение для использования этого индикатора политической идентичности имеют представления о тех конфликтах, которые возникают между политическими идентичностями, условно говоря, движущимися по этому «коридору».

В основе таких представлений должны лежать политико-философские основания и в данном случае уместно задаться вопросом, почему же возникают такого рода конфликты в сообществе граждан, сама повседневность которых к такого рода конфликтам не располагает. Более того, сама направленность современной государственной политики, в отличие от времени президентства Б. Н. Ельцина, предполагает, что не должно быть почвы для такого рода конфликтов. Действительно, в сравнении с 1990-ми годами, что отмечают современные исследователи, уровень конфликтности политической идентичности военнослужащих значительно снизился. С. С. Соловьев, исследуя социальные последствия утраты военнослужащими привычного для них высокого материального статуса (рост инфляции в начале 1990-х годов опережал индексацию денежного довольствия на 3–4 месяца), отмечал, что российское общество оказалось перед вполне реальной угрозой потерять армию и стать заложником политической ситуации в стране [4, с. 26–34]. Сегодня идет обратный процесс, материальное благосостояние военнослужащих растет более быстрыми темпами, чем в целом у населения страны, и главное, происходит определенное мотивированное выравнивание принципов и норм распределения материальных благ внутри всей корпорации военнослужащих.

Но совсем внутренний конфликт не исчез. Конфликтность в известной мере подпитывается самой неопределенностью стратегии модернизации. Один из ведущих отечественных социологов, директор Института социологии РАН М. К. Горшков отмечает: «Результаты исследования показывают, что модернизационные сценарии будущего России рассматриваются и властными структурами, и рядовыми согражданами сквозь призму собственных предпочтений и интересов, чему в немалой степени способствует идеологическая неопределенность провозглашенного курса на модернизацию, оставляющая различным группам и слоям общества возможность примерять этот курс „на себя“, свои взгляды и ценности, а также многозначность самого термина „модернизация“, понимаемого по-разному в зависимости от политических задач участников развернувшегося общественного дискурса» [1, с. 32]. По мнению Е. Н. Даниловой, в постсоветской России «элиты не смогли предложить цивилизованно сформулированную общегражданскую программу, заменяя ее популистскими призывами, что способствует скорее росту экстремистских настроений, особенно на основе этнически окрашенного патрио-

тизма, ведущего в многонациональном государстве скорее к дезинтеграции, чем к интеграции и препятствующего притоку необходимых для развития экономики страны мигрантов. Попытки возродить идею великодержавной составляющей общероссийской идентичности, которая была взята на вооружение новым руководством страны, также таят в себе много опасностей. У россиян существует потребность в общегражданской идентичности, основанной на доверии граждан и государства, а стратегию ее формирования власть и элиты пока не предлагают» [2, с. 96–97]. Это, на наш взгляд, совершенно справедливые оценки. Армия была и остается одним из ключевых институтов. Если меняются прочие институты государства, то в эту стратегию системных изменений органично должна быть вписана и политика модернизации армии. Сегодня эта стратегия определенным образом сужена до решения материально-технических и кадровых проблем. Но если выдерживать модернизационную политику в таком ключе, прогнозируемым результатом будет формирование предельно узкого «коридора» политической идентичности военнослужащих – такого, который будет соответствовать, условно говоря, «наемническому» типу политической идентичности военнослужащих. Что в нынешней стратегии модернизации может и должно специально работать на патриотическое и гражданское развитие военнослужащих, сегодня сказать с определенностью трудно. Пока общим инструментом решения этих проблем остается все то же материально-техническое и кадровое переоснащение армии.

Конфликтность эта имеет подпитку и изнутри самой системы социальных отношений в России. Общество продолжает, как и в предшествующие десятилетия, относиться к армии как государственному институту очень неоднозначно. Так, согласно данным Всероссийского центра по изучению общественного мнения за 2010 год, Вооруженные силы России чаще всего вызывают у наших сограждан чувство уважения, причем за прошедшие два года таких респондентов стало больше (с 29 до 35%). Россияне также испытывают по отношению к армии надежду и гордость (27 и 26% соответственно). У 10% Вооруженные силы вызывают доверие, у 5% – восхищение. Значительно меньше тех, кто выказывает негативные эмоции – разочарование (12%), недоверие (8%), скепсис (4%), осуждение (3%). Позитивные эмоции Вооруженные силы вызывают главным образом у пожилых респондентов. Так, в этой группе чаще встречаются те, кто испытывает уважение (39%) и гордость (31%) по отношению к российским Вооруженным силам. Молодежь чаще, чем другие респонденты, выражает недоверие (13%) [3, с. 132–133]. Такая неоднозначность не может не транслироваться внутрь самой социальной корпорации военнослужащих, порождая внутрисистемный конфликт их индивидуальной и корпоративной, профессиональной и бытовой, политической и неполитической идентичности. Из всех социальных групп, чья судьба сегодня решается в ходе очередной российской модернизации, армия, на наш взгляд, остается самой большой «загадкой». Не в том смысле, что политическая наука не может объяснить, что происходит с армией в ходе политики модернизации, а в том, что научное объяснение выглядит слишком вариативным, чтобы на нем основывать какие-либо четкие прогнозы. Предлагаемый нами концепт «коридора политической идентичности военнослужащих» позволяет, как представляется, если не разгадать эту «загадку», не дать единственно верный ответ на вопрос о динамике модернизационных изменений в жизни российской армии, то, по крайней мере, сузить ее условие до того масштаба, при котором эта задача воспринималась бы относительно единообразно большинством представителей научного сообщества. Чтобы

исследования специалистов по имиджу армии в СМИ, например, и исследования специалистов по военной реформе в выводах и результатах своих не противоречили друг другу, что нередко встречается, чтобы общество, ориентирующееся на мнение ученых, могло быть уверено, что политическая идентичность военнослужащих в ходе модернизации не выйдет за пределы того «коридора», который традиционно делал российскую армию оплотом общественного порядка и государственного суверенитета.

Список использованной литературы:

1. Горшков М. К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиции социологической науки // Социс. 2010. № 12.
2. Данилова Е. Н. Гражданские и этнические идентификации в России и Польше // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В. С. Магун. М., 2006.
3. Мельков С. А. Гражданско-военный диалог : состояние и некоторые перспективы развития в России // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 2.
4. Соловьев С. С. Российские офицеры – опора государственности или источник нестабильности (размышления по поводу динамики уровня жизни семей офицеров) // Социс. 1997. № 5.

И. В. Лобанов

ПРОБЕЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ВОПРОСОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ

Вопросы взаимодействия органов власти в субъектах Российской Федерации являются весьма актуальными, поскольку в той или иной степени затрагивают всех жителей региона. От эффективности взаимодействия законодательных и исполнительных органов субъектов Российской Федерации зависит не только политическая стабильность региона, но и экономический рост, отсутствие социальной напряженности, формирование их положительного имиджа. Именно поэтому выявление недостатков, пробелов в законодательном регулировании вопросов взаимодействия региональных органов власти представляется весьма актуальным.

Если рассматривать проблемы, связанные со взаимодействием высшего законодательного и высшего исполнительного органов государственной власти, можно отметить следующее: ст. 23 Федерального закона от 06.10.1999 года № 184-ФЗ (ред. от 07.06.2013) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» называется «Основы взаимодействия законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации и органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации». В части 2 указанной статьи говорится: «Законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации и высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации взаимодействуют в установленных настоящим Федеральным законом и законом субъекта Российской Федерации формах в целях эффективного управления процессами экономического и социального развития субъекта Российской Федерации и в интересах его населения» [1].

Однако толкование главы 4 данного закона «Взаимоотношения законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) и органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации» позволяет ряду исследователей прийти к различным мнениям относительно форм такого взаимодействия.

Так, по мнению составителей Комментария к федеральному закону № 184, анализ действующего федерального и регионального законодательства позволяет выделить следующие основные формы взаимодействия законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ и органов исполнительной власти субъекта РФ:

- 1) взаимодействие при осуществлении организационных мероприятий;
- 2) взаимодействие при осуществлении правотворческой деятельности;
- 3) взаимодействие в сфере государственного управления – принятия управленческих решений;
- 4) осуществление взаимного контроля и применение мер конституционной ответственности;
- 5) взаимодействие органов законодательной и исполнительной власти при разрешении споров между ними [2]. Видим, что здесь формы взаимодействия тесно связаны с направлениями деятельности законодательного и исполнительного органов власти.

Аналогичного мнения придерживается Ю. Ю. Попова, которая к основным направлениям взаимодействия законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов Федерации относит:

- 1) организационное взаимодействие, которое проявляется в возможности участия в формировании иных органов государственной власти (участие регионального парламента в формировании высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ);
- 2) взаимодействие при осуществлении правотворчества (возможность присутствия руководителя органа исполнительной власти субъекта РФ на заседаниях законодательного органа субъекта Федерации с правом совещательного голоса);
- 3) взаимодействие в сфере государственного управления (право высшего должностного лица субъекта РФ созывать парламент субъекта Федерации на первое заседание ранее установленного региональным законодательством срока);
- 4) осуществление взаимного контроля и применение мер конституционной и политической ответственности (право регионального парламента осуществлять контроль деятельности исполнительных органов при реализации ими своих полномочий по исполнению бюджета; выражение законодательным органом субъекта РФ недоверия высшему должностному лицу субъекта Федерации);
- 5) взаимодействие органов законодательной и исполнительной власти при разрешении споров между ними (создание согласительной комиссии по разрешению спора между законодательным органом и высшим должностным лицом субъекта РФ) [3, с. 30].

Однако все эти формы взаимодействия, скорее, можно отнести к направлениям совместной деятельности, тогда как, по нашему мнению, можно выделить среди форм взаимодействия органов государственной власти субъектов РФ следующие: контроль, сотрудничество, координацию, совместную деятельность.

Контроль выступает одновременно одной из важнейших функций государственных органов. В современной юридической науке под государственным контролем принято понимать проводимую государственными органами проверку соответствия результатов ранее заданным параметрам. Взаимный контроль деятельности органов законодательной и исполнительной власти субъектов РФ позволяет им лучше выполнять свои функции, не нарушая при этом федерального законодательства и законодательства субъектов РФ.

Сотрудничество между органами власти субъектов Российской Федерации предполагает деятельность в сфере исключительного и совместного ведения, связанную с реализацией основных функций данного субъекта Федерации. Такое сотрудничество предполагает как принятие региональных законов, так и активную деятельность по их реализации, воплощению в жизнь, «в целях эффективного управления процессами экономического и социального развития субъекта Российской Федерации и в интересах его населения» (ч. 2 ст. 23 ФЗ № 184).

Координация предполагает существование взаимной связи между различными субъектами, среди которых выделяются один или несколько более активных, которые заставляют всю систему двигаться слаженно и в одном направлении.

В отношении органов власти субъектов РФ координация, в частности, предполагает согласование планов законопроектных работ, принятие органами законодательной и исполнительной власти субъектов РФ нормативных актов, которые будут сочетаться и не противоречить друг другу.

Совместная деятельность как форма взаимодействия органов власти субъектов РФ предполагает выполнение каждым органом власти определенной работы с использованием собственных ресурсов в целях обеспечения функций субъекта Федерации. Совместная деятельность обусловлена общими социально-экономическими задачами, которые возникают в сфере деятельности субъектов Федерации, и равной заинтересованностью органов законодательной и исполнительной власти в их согласованном решении.

Таким образом, пробел в определении форм взаимодействия законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации можно ликвидировать путем внесения перечня форм их взаимодействия в законодательные акты субъектов Федерации, что будет способствовать более эффективному решению вопросов, возникающих при реализации полномочий данных органов публичной власти.

Список использованной литературы:

1. СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005 ; 2013. № 23. Ст. 2876.
2. Зюзин С. Ю., Юдина А. Б., Карташова Ю. А., Подсумкова А. А. Комментарий к Федеральному закону от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Н. И. Воробьева // СПС «КонсультантПлюс».
3. Попова Ю. Ю. Взаимодействие органов законодательной (представительной) и исполнительной власти субъектов Российской Федерации как необходимое условие государственного строительства в регионах // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 8.

НЕГАТИВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ : ИХ ВИДЫ И СУЩНОСТЬ

Негативные тенденции и проявления в обществе носят, с точки зрения исследователей, довольно распространенный и всесторонний характер, однако каждый из них выделяет особые аспекты и проблемы в данной сфере.

Одним из видов негативных проявлений в обществе, по мнению ученых, являются политический экстремизм и терроризм. Р. Бочаров, рассуждая о данной проблеме, говорит о ее причинах, в том числе и о формировании преступного мышления, а также чувств озлобленности, нетерпимости, протеста и агрессии. С точки зрения автора, своевременное предупреждение и пресечение противоправных экстремистских действий зависит от качественной работы специализированных субъектов предупредительной деятельности и дифференцированного воздействия на различные их причинные комплексы и детерминирующие обстоятельства [3, с. 46].

Подробный анализ таких негативных проявлений в обществе, как наркотицизация и алкоголизация населения, представлен в статье А. Ф. Галузина. С точки зрения автора, данные негативные социальные проявления приводят к формированию «элементов наркокультуры, наркофилософии, наркоидеологии, наркобизнеса, порождающих относительно самостоятельные явления наркопреступности, наркотицизации и самонаркотицизации населения, заболеваний алкоголизмом, наркоманиями и других слагаемых наркоситуаций как системности опасностей и угроз безопасности личности, общества, государства» [6]. В качестве мер противодействия социально-негативной составляющей наркотицизма автор предлагает так называемый антинаркотицизм, требующий системности государственной политики и участия в противодействии наркотицизму всех структур общества и государства, граждан.

Алкоголизация и наркотицизация выступают не только негативными проявлениями в обществе, но и криминогенными факторами. Так, согласно официальным статистическим данным, 61% убийств и 50% покушений на убийство, 49% фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, 57% изнасилований, 25% разбойных нападений было совершено виновными в состоянии алкогольного опьянения [10, с. 105].

Негативными проявлениями состояния российского общества и государства А. В. Безруков и И. В. Тепляшин считают организованную преступность, а именно «особенно опасны проявления таких негативных явлений, как терроризм, экстремизм, бандитизм» [1, с. 57].

Ю. Г. Борисенко дает определение терроризму как общественному феномену, заключающемуся в противоправном использовании крайних форм насилия или угрозы насилием для устранения противников с целью достижения конкретных политических целей. Отличительными признаками терроризма как негативного проявления в обществе являются, по мнению исследователей, общая опасность, возникающая в результате совершения агрессивных действий (и она должна быть реальной и угрожать большому кругу лиц), публичный характер исполнения, преднамеренное создание обстановки страха, подавленности, напряженности [2, с. 6–20].

При раскрытии сущности негативных проявлений в обществе интересными нам кажутся размышления о состоянии безопасности личности и существующих для нее опасностей. Так, В. А. Осипов характеризует современный этап развития российской государственности рядом тенденций: «...исчезли или существенно ослабли опасности для граждан, исходившие от государства в виде незаконных репрессий, прежде всего за оппозиционную политическую деятельность, инакомыслие, критику властей и руководителей государства ... На первый план вышли опасности, порожденные угрозой терроризма, коррупции, глубокой трансформацией социально-экономических и политических отношений, издержками приватизации и экономических преобразований, дифференциацией общества на богатое меньшинство и бедное большинство, принижением социальной сферы, криминализацией бизнеса и предпринимательства (теневой экономикой)» [13]. Важное значение в определении действующих негативных проявлений в обществе играет курс государственной политики на современном этапе, политический режим и идеология, а также многие другие факторы, оказывающие влияние на формирование уголовной политики и ее концепции.

Причины негативных проявлений в обществе рассматриваются А. К. Зурушевым, который связывает их с показателями уровня жизни его членов: «...при ухудшении положения дел жизни людей их поведение деформируется, и проявляются криминально значимые признаки, действия, направленные на совершение преступления» [8, с. 25]. При всем этом, с точки зрения автора, общественные отношения складываются из межличностных, семейных, бытовых и являются направляющим фактором поведения людей.

К формирующим условиям общего уровня преступности Д. В. Синьков относит противоречия в социально-экономической сфере общественного развития, такие как социальное расслоение населения, безработица, инфляция и т. д. [15, с. 29].

Причинами негативных проявлений в обществе могут выступать различные социально-психологические противоречия (семейно-бытовые, досугово-бытовые и др.), связанные с социальными, социально-экономическими условиями, среди которых, например, А. К. Зурушев выделяет соотношение рождаемости и смертности, состояние здоровья населения, проблему браков и разводов, занятость населения, уровень культуры и образования, а также алкоголизм, наркоманию, проституцию, беспризорность [8, с. 26].

Рассуждая на тему криминально-значимых социально-экономических условий, вызывающих негативные проявления в обществе и государстве, А. К. Зурушев выделяет криминологический анализ социальных условий и социальную детерминацию. В связи с этим объединяющими терминами для причин и условий возникновения негативных проявлений в обществе являются детерминанты: «...процесс детерминации понимается как сложное взаимодействие различных форм связи, не только причинных, но также статистических и функциональных» [8, с. 26].

В качестве детерминант негативных проявлений в обществе исследователи также видят и обратную реакцию насильственной преступности на изменение социальных условий и внешней среды, аргументируя это наличием внутреннего механизма развития насилия как социального явления и способностью оказывать обратное воздействие на порождающие его условия. В данном случае преступность выступает в качестве своей собственной причины, порождает саму себя,

воспроизводит себя, создает и упрочивает почву, на которой произрастают преступления (Г. А. Аванесов). Самодетерминацию обществом насилия схематично можно представить следующим образом [8, с. 27].

1. Общество с его противоречиями, социальными конфликтами, проблемами порождает социальные отклонения преступного характера, в том числе криминальное насилие.

2. При неблагоприятных социальных условиях эти отклонения способны во взаимодействии с другими факторами обуславливать преступность и криминальное насилие, их развитие.

3. При этом в преступности нарастают организованность и криминальный профессионализм, развиваются преступные традиции и обычаи, уверенно прокладывает себе дорогу нелегальный (теневой) порно-, нарко- и алкогольный бизнес.

4. Происходит усугубление негативных социальных отклонений в обществе.

5. Идет активное вовлечение части населения в потребление наркотиков, алкоголя, занятие проституцией [8, с. 27].

Значительными факторами преступности в современной России, по мнению А. А. Корсантия и И. В. Максименко, являются бедность, имущественная поляризация населения, рост числа безработных, безнаказанность за совершение преступлений или правонарушений, негативные процессы в сфере миграции, коррупция, негативные тенденции в развитии духовно-нравственных ориентиров россиян, алкоголизация и наркотизация определенной их части [10, с. 100–105]. С нашей точки зрения, некоторые из указанных авторами факторов также можно отнести к негативным проявлениям в обществе. Для более полного анализа и аргументации подробнее остановимся на каждом из них.

Социально-экономическим фоном, или фактором развития негативных проявлений в обществе, на наш взгляд, является бедность, которая порождает маргинальную среду (источник дегуманизации общества), состоящую из таких асоциальных элементов, как бродяги, бомжи, беспризорники, проститутки. Данный фактор влечет за собой определенную криминализацию деятельности граждан, а сопутствующие ей условия способствуют нанесению ущерба их физическому и психическому здоровью. Второй фактор – имущественная поляризация населения России – оказывает влияние на усиление негативного воздействия бедности, генерирует социальную дисгармонию, рождает протестные настроения, мотивирует значительное число нарушений закона.

Другим не менее важным фактором негативных проявлений в обществе можно считать безработицу. Ее уровень в России в феврале 2013 года составил 5,8%, число безработных – 4,3 млн человек, сообщил Росстат [14].

Безнаказанность за совершение преступлений или правонарушений, на наш взгляд, также можно отнести к негативным тенденциям в обществе, характеризующим малоэффективную деятельность правоохранительных органов и правовую политику государства в данной области. Согласно статистическим данным, почти каждое второе преступление в России остается нераскрытым [12].

Одним из видов негативных проявлений в обществе, на наш взгляд, выступают процессы в сфере миграции. По данным ФМС России, на 1 апреля 2013 года в стране насчитывалось 36 700 вынужденных переселенцев и беженцев. Из них 29% (1070) составляли бывшие жители Казахстана, 22% (7900) – Грузии, 12% (4300)

– Узбекистана, 5% (1700) – Таджикистана. Почти 10 000 человек (26%) переселились внутри России из регионов с нестабильной общественно-политической обстановкой [14].

А. А. Корсантия и И. В. Максименко в своей статье характеризуют некоторые тенденции в сфере миграции таким образом: коэффициент криминальной активности мигрантов, как минимум, в 2,5 раза выше коэффициента криминальной активности граждан России, при этом значительное число преступлений, совершенных мигрантами, остается латентным [10, с. 102]. В своей работе К. В. Дядюн подтверждает данные рассуждения, считая что «миграция и преступность – социальные явления, обусловленные зачастую тождественными причинами и условиями, а потому требующие взаимосвязанных мер регулирования и воздействия» [7, с. 109–114].

Одним из наиболее обсуждаемых негативных проявлений в обществе стала коррупция. Слово «коррупция» в переводе с латыни означает «порча», исследователи определяют ее также как «несущее угрозу безопасности государства общественное явление системного характера, связанное с моральным разложением должностных лиц государственного аппарата и политиков, которое выражается в прямом использовании ими своего служебного положения в целях личного незаконного обогащения, взяточничестве и срастании с преступными структурами» [11, с. 83–85]. Данное социальное явление распространилось на все сферы жизнедеятельности и привело к снижению готовности граждан, прибегающих при защите своих прав в государственных органах к взятке, следовать закону. Коррупционная преступность, с точки зрения Ф. А. Вестова, негативно влияет на становление правового государства и воздействует на социально-экономические, политические, нравственные основы гражданского общества [5, с. 38].

Классификация социально-негативного поведения носит довольно подвижный характер, так как многие виды аморального поведения могут перерастать в правонарушения и даже преступления, например проституцию, наркоманию, алкоголизм и др. По мнению В. Н. Кудрявцева, переход от одного вида социально-негативного поведения к другому происходит в большинстве случаев в трех основных вариантах: 1) в первом случае часто наблюдается негативное развитие единой линии поведения от аморального поступка – к правонарушению, от малозначительного преступления – к тяжкому, от эпизодического употребления спиртных напитков или наркотических веществ – к систематическому пьянству, алкоголизму, наркомании [4, с. 174].

Важным аспектом при рассмотрении негативных проявлений в обществе, на наш взгляд, также является обратная сторона проводимых в нашем государстве политических, экономических и социальных преобразований. Так, В. А. Хайлова пишет, что на сегодня в российском обществе обострена проблема нарушения прав человека и совершения против него противоправных действий, которая характеризуется двумя основными направлениями – с одной стороны, постепенной трансформацией государства, утверждением демократических принципов государственного строя, а с другой – проявлением в обществе таких негативных социальных явлений, как безработица, инфляция, низкий уровень жизни, межнациональные конфликты, вынужденная миграция населения [16, с. 20–23].

Вопрос о негативных проявлениях в обществе является закономерным и актуальным, так как позволяет изучить общий проблемный фон взаимодействия государства и общества, выявить наличие тех или иных противоречий в процессе

их трансформации.

Российская Федерация в настоящее время переживает период экономических и социально-политических реформ, основная цель которых – создание условий для максимальной реализации личности в обществе и государстве. Процесс функционирования новой властной конструкции, принципиально отличной от предшествующих, происходит весьма сложно и противоречиво. На наших глазах меняются многие принципы жизни общества, появляются новые идеологические основы функционирования, устройства и развития государства. Появляются и набирают силу новые политические институты, возникают новые виды отношений, соседствующие и взаимодействующие со старыми формами. Главной стратегической целью в данном процессе выступает формирование правового государства и гражданского общества. Однако оборотной стороной правовой политики выступают, помимо позитивных, также и негативные проявления.

Условно, на наш взгляд, понятие «негативное проявление» можно определить как отрицательный общественный феномен, сформированный в определенной среде и под воздействием определенных факторов и характеризуемый как опасный для развития как всего общества, так и отдельных его представителей. К числу негативных проявлений можно условно отнести такие общественные явления, как коррупция, незаконная миграция, алкоголизация, наркомания, экстремизм и терроризм. При этом факторами, провоцирующими появление данных феноменов, выступают бедность, имущественная поляризация населения, рост числа безработных, негативные тенденции в развитии духовно-нравственных ориентиров россиян и другие социально-экономические показатели уровня жизни населения.

Список использованной литературы:

1. Безруков А. В., Тепляшин И. В. Реформирование высшего юридического образования в контексте конституционных преобразований в современной России // Российская юстиция. 2011. № 5.
2. Борисенко Ю. Г. Терроризм : причины возникновения, признаки, правовые и психологические аспекты // Информационное противодействие угрозам терроризма. 2006. № 7.
3. Бочаров Р. Профилактика политического экстремизма и терроризма в молодежной среде // Власть. 2013. № 5.
4. Вдовина Т. В. Детерминация преступности : от отклоняющегося поведения к преступному // Следователь. 2003. № 9.
5. Вестов А. Ф., Вестов Ф. А. Некоторые аспекты реализации международных положений в борьбе с коррупцией в уголовной политике России // Политико-правовые проблемы взаимодействия власти, общества и бизнеса : опыт России и зарубежных стран : материалы междунар. науч.-практ. конференции. Саратов, 2012.
6. Галузин А. Ф. О наркотизме и нарколоббизме в теории и практике обеспечения безопасности личности, общества (государства) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Дядюн К. В. Миграция и преступность : взаимосвязь причин и условий // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 2.
8. Зурушев А. К. О социальных условиях и причинах возникновения криминального насилия // Российский следователь. 2008. № 15.
9. Информация о социально-экономическом положении России (январь–апрель 2013 года). Федеральная служба государственной статистики. URL : gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140087276688 (дата обращения : 1.06.2013).
10. Корсантия А. А., Максименко И. В. Основные причины детерминации преступности в Российской Федерации // Право и безопасность. 2009. № 2.
11. Лавренко С. В. Феномен коррупции в России : причины возникновения и существования // Право и безопасность. 2009. № 2.

12. Нераскрытым в РФ остается почти каждое второе преступление. URL : bfm.ru/news/207446 (дата обращения : 27.05.2013).
13. *Осипов В. А.* Правовая безопасность в системе национальной безопасности // СПС «КонсультантПлюс».
14. Росстат : Уровень безработицы в феврале составил 5,8%. URL : vz.ru/news/2013/3/26/626084.html (дата обращения : 27.05.2013).
15. *Синьков Д. В.* Некоторые социально-экономические детерминанты женской преступности // Российский следователь. 2009. № 18.
16. *Хайлова В. А.* Предупреждение глубоких нарушений психологического состояния потерпевших как субъектов уголовного процесса // Юридическая психология. 2009. № 3.

Е. А. Малько

ТРАНСЛЯЦИЯ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ КАК ГАРАНТИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ГРАЖДАН НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ

В последнее время вопросы прозрачности правосудия являются предметом дискуссии не только ученых-юристов, но и представителей власти. Интерес к этой проблеме обусловлен тем, что обеспечение прозрачности правосудия относится к числу приоритетных задач, подлежащих разрешению на государственном уровне.

Так, прозрачность правосудия представляет собой открытость и гласность судопроизводства, своевременное, квалифицированное, объективное информирование общества о деятельности судов, способствующее повышению уровня правовой осведомленности о судостроительстве и судопроизводстве и являющееся гарантией справедливого судебного разбирательства, а также обеспечивающее общественный контроль функционирования судебной власти. Открытое судебное разбирательство является одним из средств поддержания доверия общества к суду [1].

В связи с этим Министерство юстиции РФ предлагает регламентировать трансляцию судебных процессов: «Если инициатива пройдет, мы сможем воочию увидеть, как вершится правосудие» [3]. Кроме того, «фотосъемка, видеозапись, трансляция судебного заседания по радио, телевидению и в информационно-телекоммуникационной сети Интернет допускается с разрешения суда в объеме, определяемом им в интересах правосудия и в целях обеспечения безопасности участников судебного процесса, а также при наличии технической возможности в конкретном суде» [3].

Безусловно, вышесказанное определяет развитие правосудия в более эффективном и действенном направлении. Можно предположить, что указанное направление создает дополнительные гарантии доверия граждан к судебной власти, которая представляет собой, как отмечает В. А. Терехин, особую самостоятельную ветвь государственной власти, обладающую всей полнотой собственной компетенции, осуществляющую властные полномочия конституционно учрежденными органами судебной системы на основе закона и соблюдения юридических процедур с целью обеспечения прав, свобод и законных интересов субъектов права [4, с. 155].

Действительно, судебная власть нацелена в первую очередь на обеспечение прав, основных свобод и законных интересов граждан. В данном случае нельзя не

сказать о перспективе видеоконференцсвязи в судебной деятельности арбитражных судов и судов общей юрисдикции, поскольку ее использование позволяет повысить эффективность судебной деятельности, избежать лишних финансовых и временных затрат, связанных с проездом от места жительства или места нахождения до места расположения суда, обеспечивая выполнение одного из требований информационного общества, и т. д. [5, с. 17].

Помимо этого идею Министерства юстиции РФ полностью поддерживают эксперты. Один из них полагает, что потенциальное нововведение может изменить в лучшую сторону поведение представителей судейского сообщества, так как веб-камера не только способствует дисциплине, но и в апелляционной и кассационной инстанции стороны, недовольные первой инстанцией, традиционно используют любой повод, чтобы добиться пересмотра. Они могут ссылаться в том числе и на отказ в ведении фото-, аудио- и видеозаписи или трансляции, если таковой был. Поэтому судьи первой инстанции вряд ли будут огульно отказывать в трансляции, а что записано на камеру, может быть использовано в вышестоящих инстанциях, поэтому судье не расслабиться [3].

Из сказанного видно, что данное мнение справедливо и обоснованно, хотя нередки ситуации, когда судья весь процесс проводит в соответствии с законом и транслировать такой процесс, возможно, и нет смысла, и в этом случае государство тем самым подрывает доверие к независимым и дисциплинированным представителям судебной власти. Однако в связи с достаточно противоречивым отношением общества к судебной власти получается так, что проведение трансляции будет являться дополнительным гарантом обеспечения права граждан на доступ к правосудию.

Председатель Высшего арбитражного суда РФ верно заметил, что «мы должны сделать судебную систему максимально открытой ... за стремлением к закрытости и нежеланием разговаривать кроется обычное высокомерие и неумение объяснять свои действия и логику своих поступков. Но мы не можем себе позволить отворачиваться от общества» [2].

Помимо этого, стоит отметить, что судебная система России занимает все более важное и существенное место в жизни общества. Государство, в котором у граждан не остается права на судебную защиту, – это уже не цивилизованное демократическое государство, это тирания [2].

Список использованной литературы:

1. Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов : Постановление Пленума Верховного суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 // Российская газета. 2012. 19 дек.
2. События и комментарии. Правосудие онлайн // Российская газета. 2013. 14 янв.
3. Куликов В. Судьят напоказ // Российская газета. 2013. 11 апр.
4. Терехин В. А. Суд в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод человека : теория и практика. М., 2013.
5. Чижов М. В. Организационные предпосылки применения видеоконференцсвязи в судебной деятельности арбитражных судов и судов общей юрисдикции // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 6.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ : МАНИПУЛЯЦИЯ И МИФОЛОГИЗАЦИЯ В ПОЛИТИКЕ

Общественное мнение как особый социальный институт существует более девяти столетий (термин, характеризующий этот феномен, появился в XII веке) и представляет собой способ массового сознания, отражающий отношение групп людей к событиям, явлениям и процессам действительности, в том числе и политической. Общественное мнение играет важную роль в развитии и функционировании гражданского общества и его политической системы. Такая точка зрения является общепризнанной и в той или иной степени отражена в большинстве научных трудов.

В современном значении понятие «общественное мнение» впервые трактовал Г. Тард в работе «Общественное мнение и толпа» (конец XIX века). Исходя из того что общественность представляет собой некую совокупность людей, потребляющих одну и ту же информацию и вырабатывающих на ее основе совпадающее мнение, общественное мнение – это мнение группы людей, основанное на принятии либо отрицании одинаково поданной и эмоционально окрашенной информации. Г. Тард предпринял попытку выявить истоки существования общественного мнения. Согласно его концепции, творцом общественного мнения является некая публика с весьма подвижными и неясными границами, уходящими своими корнями в особенности массовых духовно-психологических процессов [3].

На значимость общественного мнения в общественной и политической жизни обращали внимание многие исследователи, зарубежные политические деятели (Д. Юм, Т. Джефферсон, А. Линкольн), подчеркивая зависимость успеха действий правительства от общественной поддержки, что справедливо для различных политических режимов.

Существует и другая точка зрения, свидетельствующая о достаточно «прохладном» отношении к общественному мнению (А. Гамильтон и Дж. Мэдисон). Как подчеркивал А. Гамильтон, в ситуации, когда интересы народа расходятся с его желаниями, долг лиц, назначенных самим народом в качестве блюстителей этих интересов, заключается в противодействии временным заблуждениям для того, чтобы дать ему время и возможность для спокойного размышления.

Далее хотелось бы остановиться на концепции формирования и изменения общественного мнения Дж. Цаллера. Исследователь определяет мнение через осведомленность и говорит о том, что «граждане оказываются тем более определенными в своем мнении, консистентными и сознательными по отношению к своим политическим убеждениям, чем большими знаниями они обладают» [4, с. 14]. Мнение является неполноценным знанием. Цаллер сводит понятие знания только к одному его типу – знанию, предложенному элитой. Это помогает определить принципы производства и распределения знания в современном обществе.

В целом работа Дж. Цаллера «Происхождение и природа общественного мнения» является проектом, направленным на реабилитацию концепций современной демократии. Многие известные мыслители (Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, А. Токвиль) считали, что демократия существует только тогда, когда

общественность имеет высокий уровень политической грамотности и способна принимать рациональные решения. Основным условием для формирования общественного мнения является информированность граждан. Однако в теории существуют два недостатка. Во-первых, «отсутствует ответ на ключевой вопрос: в какой степени общественность может вносить конструктивный вклад в политическую дискуссию? В какой степени следует позволять публике влиять на правительство и защищаться от произвола политических лидеров и элиты?» [4, с. 17]. Во-вторых, основанием для критики модели информированного гражданина явился тот факт, что сама информированность (в нужном объеме) «требует от граждан необычайного интереса к общественной жизни, любопытства и немалых усилий, а это делает демократию невозможной: жесткое требование высокого уровня вовлеченности граждан, в то время как повседневные дела не позволяют им уделять политике большое количество времени, или просто не будет выполняться, или при его выполнении будут нарушаться свободы граждан» [4, с. 17].

В качестве альтернативы предполагалось, что граждане могут принимать эффективные решения и при среднем уровне информированности. Такая модель предполагает три допущения: 1) основой формирования установок являются убеждения граждан; 2) убеждения базируются на более или менее достоверной информации; 3) формирование и выражение установок – активный процесс. Теория Цаллера основана на вышеперечисленных допущениях, которые, в свою очередь, приводят к некоторому противоречию. С одной стороны, поскольку установки общественности зависят от достоверности политической информации, доминирование элиты, безусловно, является неизбежным. С другой стороны, предполагается наличие убеждений, не зависящих от мнения элиты, которая является основой формирования установок. Более того, какая-то часть общественности практически совсем не владеет информацией о политике, т. е. эта часть «отгорожена» от элиты своим незнанием. Может ли данное обстоятельство означать, что эта часть общественности независима от элиты и достоверность информации для нее не важна [4, с. 18]? Это еще один дискуссионный вопрос в цаллеровской концепции, которая, безусловно, является элитоцентричной, хотя автор и оправдывает такую модель формирования общественного мнения существованием множества примеров возникновения у элиты верных суждений, которые совместимы с предрасположенностью граждан и в дальнейшем становятся общественным мнением.

Таким образом, общественное мнение – это сложная система, а его формирование – многоступенчатый процесс, который предполагает реализацию политической элитой определенных методов конструирования убеждений. Более того, он предполагает формирование нужной «картины мира», восприятие которой предопределяет возникновение «верных» суждений.

По сути, такие методы можно называть политическими технологиями, которые исследователи классифицируют по-разному. Проанализируем наиболее яркие из таких методов.

Манипулирование – это система способов идеологического и социально-психологического воздействия, целью которого является изменение мышления и поведения людей вопреки их интересам. Однако манипуляция никогда не бывает жестко насильственной, она носит так называемый добровольно-принудительный характер.

Манипуляция общественным мнением осуществляется через средства массовых коммуникаций, и прежде всего СМИ, которые ежедневно создают и воспроизводят политическую реальность, соответствующую интересам доминирующих групп общества. СМИ «отбирают большую часть информации и дезинформации, которыми пользуется аудитория для оценки социально-политической действительности. Отношение к проблемам и явлениям, даже сам подход, что считать проблемой или явлением, во многом предопределены теми, кто контролирует коммуникации» [2, с. 216]. Основная цель любой манипуляции политическим восприятием – изменение чьего-либо политического поведения путем изменения его системы образов и стереотипов, лежащих в основе поведения.

Существуют конкретные технологии манипуляции, которые используются в повседневной политической практике:

– специальный подбор тем и проблем, освещаемых в СМИ, создающий особое состояние сознания и ожидания, после чего вводится необходимая тема, которая вызывает желаемую реакцию граждан;

– преобразование информационного потока, осуществляемое различными способами, такими как искажение информации (полная ложь или частичное искажение), использование специально подобранных фактов, но без учета других, которые могли бы опровергнуть выдвигаемую точку зрения, «подтасовка фактов», при которой каждый из них сам по себе может быть верным, но в сочетании они дают искаженное представление о политической действительности, замалчивание, т. е. преднамеренное сокрытие невыгодной информации для воздействия на население;

– перевод части политической информации в категорию секретной, который заключается в сокрытии важных и значимых фрагментов информации, а далее с помощью преднамеренной утечки повышается ее статус и информация становится особо правдивой и существенной – соответственно, степень ее воздействия на граждан увеличивается;

– создание информационного шума как технология препятствует критическому восприятию важной политической информации, поскольку она становится незаметной во множестве пустых сообщений и не воспринимается должным образом;

– технологии манипуляции с использованием подсознательных и подпороговых информационных стимулов, из которых наиболее популярным психологическим инструментом манипуляции считается нейролингвистическое программирование (NLP). Суть этого инструмента заключается в «кодировании» (программировании) человека как вербальными (лингвистическими), так и невербальными (мимика, пантомимика и т. п.) средствами воздействия [1, с. 89–90].

Мифологизацию отдельные исследователи политических технологий рассматривают в качестве самостоятельного метода формирования общественного мнения. Однако, на наш взгляд, мифологизация является *технологией* манипулирования массовым сознанием, а в отдельных случаях даже его основой. Общественное сознание во многом построено на мифологемах⁷. Исследователи отме-

⁷ Мифологема (от греч. Mythos – сказание, предание и logos – слово, наука) – термин, используемый для обозначения устойчивых и повторяющихся конструктов народной фантазии, обобщенно отражающих действительность в виде чувственно-конкретных персонификаций, одушевленных существ, которые мыслились архаическим сознанием как вполне реальные, был заимствован общепотребительной научной лексикой из психоанализа Юнга.

чают, что при внимательном рассмотрении рациональность человека оказывается всего лишь рационализацией, так называемой попыткой прикрыть рациональными доводами те мысли и поступки, которые продиктованы импульсами, исходящими из недр бессознательного. Представления людей об окружающем мире носят мифологический характер, хотя сами люди этого и не осознают [5, с. 17]. Реальная жизнь не укладывается в рациональные схемы. Вся сложность бытия передается с помощью закодированных сообщений – мифов. Миф делает проще процесс познания, упорядочивает разнообразную информацию, циркулирующую в обществе, открывает индивидуальному и массовому сознанию понятную систему стереотипизированных образов предметов и явлений, а также предлагает готовые модели поведения в той или иной ситуации.

Мифологизация является своеобразной подстройкой под уже существующий в массовом сознании миф. Мифы придают противоречивой действительности осмысленность и дают человеку возможность понимания происходящих событий. По мнению Д. А. Вылегжанина, человек живет в символическом мире, где постоянно умирают старые и возникают новые мифы. Среди множества существующих выделяют мифы партийные (левые партии активно используют мифологию советского периода, правые – мифологию западного мира), государственные (например, «борьба с бедностью позволит России стать цивилизованной страной», «частная собственность – основа процветания России» и т. д.), исторические, тематические и т. д. [1, с. 94].

Мифологизация – это продукт массового сознания, действующий в безальтернативном пространстве, который характеризуется упрощенным восприятием действительности. Мифологизация является одной из важнейших составляющих сложного процесса манипулирования массовым сознанием и формирования общественного мнения.

Таким образом, общественное мнение – это мнение граждан по значимым социальным, политическим и другим аспектам жизнедеятельности общества. Это суждения и критические оценки деятельности политической элиты, которые формируются на основе той информации и того знания, которое «подает» сама политическая элита, на основе тех установок, которые возникли в результате непрерывной манипуляции, мифологизации сознания в процессе создания определенной «картины мира». Правящая элита так или иначе определяет характер общественных установок, задает границы, так называемые пределы общественного мнения, в то же время испытывая явную потребность в существовании общественного мнения как института социального контроля и поддержки деятельности правящей элиты. Такие дуальность и феноменологический характер рассматриваемого явления «общественное мнение» оставляют много поводов для полемики и научных изысканий.

Список использованной литературы:

1. *Вылегжанин Д. А.* Введение в политическую имиджелогия : учеб. пособие. 2-ое изд., испр. и доп. М., 2008.
2. *Паренти М.* Демократия для немногих. М., 1990.
3. *Тард Г.* Мнение и толпа / пер. с фр. под ред. П. С. Когана. Изд-во Т-ва типографии А. И. Мамонтова. М., 1902 ; Институт психологии РАН, Издательство «КСП+», 1999.
4. *Цаллер Дж.* Происхождение и природа общественного мнения / пер. с англ. А. А. Петровой. М., 2004.
5. *Цуладзе А.* Политическая мифология. М., 2003.

КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Современный этап развития общества характеризуется возрастающей ролью информационной сферы. Средства массовой информации, информационно-коммуникационная сеть Интернет на сегодняшний день являются основным источником, формирующим представление большинства людей о реалиях окружающего мира. Следовательно, СМИ представляют собой мощный инструмент социального регулирования. Именно поэтому требования к ним и Интернету в последнее время стали объектом повышенного внимания власти и общества. Инструментом практической реализации государственной политики в этой сфере является активная как законотворческая, так и исполнительно-распорядительная деятельность органов государственной власти [1]. Для последней характерны такие черты, как подзаконность, универсальность и, конечно, принуждение. Известно, что административное регулирование деятельности СМИ в последние годы характеризуется усилением контроля соблюдения действующего законодательства о СМИ и рекламе, и с этим связаны немалые противоречия и конфликты. Современная система органов исполнительной власти, обеспечивающих реализацию государственной политики в области СМИ, а также осуществляющих надзор и контроль в этой сфере, представляется достаточно разветвленной. Так, в нее входят:

1) Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минкомсвязь), которое является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере информационных технологий (включая использование информационных технологий при формировании государственных информационных ресурсов и обеспечение доступа к ним), электросвязи (включая использование и конверсию радиочастотного спектра) и почтовой связи, массовых коммуникаций и средств массовой информации, в том числе электронных (включая развитие Интернета, систем телевизионного, в том числе и цифрового, вещания, радиовещания и новых технологий в этих областях), печати, издательской и полиграфической деятельности, обработки персональных данных, управления государственным имуществом и оказания государственных услуг в сфере информационных технологий, в том числе в части использования информационных технологий для формирования государственных информационных ресурсов и обеспечения доступа к ним. Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации выступает в качестве почтовой администрации Российской Федерации и выполняет функции администрации связи Российской Федерации при осуществлении международной деятельности в области связи;

2) Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), которая является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции контроля и надзора в сфере средств массовой информации, в том числе электронных, и массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, функции контроля и

надзора за соответствием обработки персональных данных требованиям законодательства Российской Федерации в области персональных данных, а также функции по организации деятельности радиочастотной службы;

3) Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям (Роспечать), являющееся федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по оказанию государственных услуг, управлению государственным имуществом в сфере печати, средств массовой информации и массовых коммуникаций, в том числе компьютерных сетей общего пользования в области электронных средств массовой информации, издательской и полиграфической деятельности;

4) Федеральное агентство связи (Россвязь), которое является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по управлению государственным имуществом и оказанию государственных услуг в сфере электро- и почтовой связи, в том числе в области создания, развития и использования сетей связи, спутниковых систем связи, систем телевизионного и радиовещания.

Помимо перечисленных отраслевых органов государственной исполнительной власти есть целый ряд контрольно-надзорных ведомств, которые так или иначе влияют на деятельность СМИ (Прокуратура РФ, ФАС РФ и т. д.) Представляется целесообразным ограничиться анализом только полномочий Роскомнадзора.

Итак, в соответствии с Положением о Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 марта 2009 года № 228, данное ведомство:

- осуществляет государственный контроль и надзор за соблюдением законодательства Российской Федерации в сфере средств массовой информации и массовых коммуникаций, телевизионного и радиовещания;

- следит за соблюдением требований обязательной сертификации или декларирования соответствия информационных технологий, предназначенных для обработки государственного банка данных о детях, оставшихся без попечения родителей; за соответствием обработки персональных данных требованиям законодательства Российской Федерации в области персональных данных;

- призвано отслеживать соблюдение требований законодательства Российской Федерации в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию;

- осуществляет лицензирование деятельности, а также контроль соблюдения лицензиатами лицензионных условий и требований в области телевизионного и радиовещания и оказания услуг связи;

- формирует и ведет единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети „Интернет“ и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети „Интернет“, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено»;

- регистрирует средства массовой информации, радиоэлектронные средства и высокочастотные устройства гражданского назначения, сети электросвязи, входящие в сеть связи общего пользования, подлежащие регистрации в соответствии с законодательством Российской Федерации;

- выдает разрешения на распространение продукции зарубежных периодических печатных изданий на территории Российской Федерации и т.д.

Данный перечень полномочий укладывается в обычную схему отраслевого контрольно-надзорного органа и отражает разрешительный характер деятельности, но одна функция выбивается из традиционного ряда. Это прежде всего полномочия, связанные с попытками регулирования сети Интернет. Очевидно, что на практике их реализация связана с рядом трудностей. Так, например, за период с 27 сентября по 3 октября 2013 года в рамках осуществления полномочий по ведению Единого реестра интернет-ресурсов с информацией, запрещенной к распространению в РФ Роскомнадзором обработано 962 обращения с данными о сайтах с противоправным контентом [2]. Учитывая, что Роскомнадзор целый ряд задач решает в так называемом ручном режиме, 962 – огромная цифра. Ведь в данном случае речь идет не только о механической работе, а количество обращений напрямую связано с качеством их анализа. Но это лишь первая часть проблемы. Вторая ее часть связана с конечной целью, способствовать достижению которой и призвана функция контроля. И если это цель пресечь (предупредить) правонарушение, то, как известно, необходимо наказывать (воспитывать) правонарушителя. Интересным представляется факт, что еще в 2001 году В. В. Балытников, анализируя в своей диссертации положения законодательства о средствах массовой информации и практику применения административно-предупредительных и административно-пресекательных мер, показал существующие в этой области проблемы. А именно он говорил о том, что прекращение в судебном порядке деятельности средства массовой информации (объекта права) никоим образом не затрагивает деятельности выпускавшей его редакции (субъекта права). В результате ликвидированное средство массовой информации зачастую тотчас же возрождается под новым или слегка измененным названием [3]. Нетрудно провести аналогию с сегодняшними событиями, когда попытки регулирования информации в Интернете порой превращаются в борьбу не с причиной, а со следствием.

Текущий кризис в системе Роскомнадзора был частично заложен в самой модели практической реализации законотворческих инициатив в области государственного регулирования сети Интернет. Таким образом, для эффективной работы органов государственной исполнительной власти в этой сфере, для результативного контроля необходимо четко представлять, чего, в какие сроки и каким способом необходимо достичь.

Список использованной литературы:

1. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации», утв. Президентом РФ 07.02.2008 г. № Пр-212. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92004/ (дата обращения : 14.08.2013) ; О средствах массовой информации : Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 02.07.2013) // Российская газета. 1992. № 32. 8 фев. ; СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3477 ; О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» : Распоряжение Правительства РФ от 20.10.2010 г. № 1815-р // СЗ РФ. 2010. № 46. Ст. 6026.
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.07.2013) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448 ; 2013. № 27. Ст. 3479.
3. Балытников В. В. Административно-правовое регулирование в области массовой информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Действующее российское законодательство не содержит правового определения семьи. В юридической литературе по вопросу о его необходимости существует две противоположные позиции.

Приверженцы первой считают необходимым дать законодательное определение семьи. В настоящее время, по их мнению, разные отрасли права регулируют общественные отношения с участием членов семьи, что порождает трудности в выработке универсального понятия семьи, приемлемого для всех отраслей права. В связи с этим следует выработать и закрепить в законе единое определение семьи для каждой отрасли, субъектами которой являются ее члены [4, с. 23–25; 5, с. 124].

Сторонники второго подхода отрицают необходимость определения семьи на законодательном уровне. Основной аргумент в поддержку данной позиции заключается в многообразии и многочисленности критериев, характеризующих семью. Кроме того, авторы этой концепции полагают, что семья как таковая субъектом права не является, поскольку субъектами выступают конкретные члены семьи. Более того, полагают они, семья – это явление не правовое, а социологическое [3, с. 10].

Мы полагаем, что позиция сторонников первого подхода верна и логична, наличие разных позиций при определении того, кто может быть отнесен к кругу членов семьи, ущемляет конституционные права граждан.

Так, Костромская областная дума в 2001 году просила Конституционный суд РФ дать толкование понятия «семья», содержащегося в ст. 38 (ч. 1) Конституции Российской Федерации. По их мнению, данное конституционное понятие является неопределенным, поскольку в различных актах дается разное определение круга членов семьи того или иного лица, а в Семейном кодексе РФ определение понятия «семья» отсутствует вовсе.

Из сопоставления ст. 38 (ч. 1) с положениями ст. 7 (ч. 2), 23 (ч. 1) и 72 (п. «ж» ч. 1) Конституции Российской Федерации следует, что понятием «семья», наряду с такими понятиями, как «материнство», «детство», «отцовство», охватывается особая сфера жизни человека, являющаяся объектом конституционного регулирования, которое осуществляется с помощью специальных законодательных актов как федеральных органов власти, так и органов власти субъектов Российской Федерации.

Федеральные законы по разному интерпретируют понятие «семья» в зависимости от целей, которые они перед собой ставят.

Так, в жилищном праве в ст. 31 (п. 1) и 69 (п. 1) Жилищного Кодекса РФ отмечается, что членами семьи являются лица как связанные, так и не связанные между собой семейными правоотношениями.

Иначе определяется круг членов семьи пенсионным законодательством. Совместное проживание с погибшим для получения пенсии при потере кормильца и совместное ведение хозяйства существенного значения не имеют. Определяющим фактором служит то обстоятельство, кого по закону должен был содержать при жизни потерпевший.

В наследственном праве также свой круг членов семьи. При регулировании наследственных отношений законодатель следует принципам регулирования семейных отношений, придавая юридическое значение не только кровному, но и так называемому юридическому родству (усыновление), состоянию в браке, отношениям свойства. В то же время преимущественные права некоторых категорий наследников обусловлены фактическими семейными – например, фактическими брачными – отношениями.

В семейном праве понятие члена семьи характеризуется более узким кругом родства по прямой и боковой линиям, отношениями супружества. Родство – это кровная связь лиц, происходящих одно от другого либо от общего предка.

Таким образом, можно отметить, что понятие семьи зависит от того, каким отношениям в той или иной отрасли права придается юридическое значение. Семейное право придает юридическое значение прежде всего брачным и родительским отношениям, а также некоторым степеням родства, свойства (отчим или мачеха и пасынок или падчерица), отношениям, вытекающим из усыновления, опеки, попечительства, пребывания детей в приемной семье. Семье свойственны следующие главные признаки: совместное проживание членов семьи; наличие взаимных прав и обязанностей членов семьи; наличие общих детей; взаимная моральная и материальная общность и поддержка членов семьи.

Несколько меняет наш взгляд на данную проблему позиция Европейского суда по правам человека, который констатирует наличие семейной жизни не только при наличии формальных семейных связей, но и в случае фактического сожительства. Европейский суд расширяет понятие «семейная жизнь» с учетом современного изменения социально-культурных моделей семейной жизни. По конкретным делам Европейский суд признавал наличие семейной жизни между лицами, не состоявшими в браке [2]. Кроме того, в области уважения семейной жизни значение имеет биологическая реальность, а не соображения законности. Для родителя и ребенка совместное пребывание составляет фундаментальную основу семейной жизни. Государство должно действовать таким образом, чтобы подобные связи развивались и упрочивались [1, с. 226].

Таким образом, мы считаем, что в российской правовой системе определение понятия семьи не может быть разным ни в отраслях законодательства, ни в различных нормативных актах.

Учитывая позицию Европейского суда по правам человека, можно предположить, что семьей, применительно к любой отрасли права, может быть малая социальная группа, основанная не только на браке, родстве, усыновлении или иных формах принятия детей на воспитание, общности жизни, а также семейных правами и обязанностях, но и на отношениях, существующих между людьми, как в соответствии с законом, так и в гражданском браке и фактическом союзе.

Список использованной литературы:

1. *Сальвиа де М.* Европейская конвенция по правам человека. СПб., 2004.
2. *Килкэли У.* Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. М., 2002.
3. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / отв. ред. И. М. Кузнецова. М., 1996.
4. *Мананкова Р. П.* Правовые проблемы членства в семье. Томск, 1985.
5. *Реутов С. И.* Юридические факты в советском семейном праве. Свердловск, 1989.

ОБЛАЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО РИСКА ИНФОРМАТИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

18 апреля 2012 года в Москве прошла Международная научно-практическая конференция по облачным технологиям. Её участникам был вручен уникальный сувенир – мощная рогатка красного цвета с текстом: «Персональное многофункциональное бизнес-наступательное облакометательное устройство защитника Отечества». На наш взгляд, это довольно симптоматично в условиях распространяющейся, возможно, и весьма не обосновательно, эйфории по поводу беспредельно огромных возможностей так называемых облачных технологий.

После прослушивания ряда докладов представителей разработчиков технических устройств, которые заманчиво обещали с помощью «облаков» решить практически все земные проблемы, невольно вспомнились строки из бессмертного произведения И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», когда Остап Бендер «сватал» водителя «Антилопы» Козлевича на авантюрную поездку в славный город Черноморск: «...Бендер не жалел красок. Он развернул перед смущенным шофером удивительные дали и тут же раскрасил их в голубой и розовый цвет».

Когда на материалы этой, безусловно, весьма интересной конференции смотришь по прошествии некоторого времени, вновь убеждаешься, что бизнес-информатизаторы навязывают органам власти и обществу новые (или несколько забытые) идеи. Но при этом исключительно интересы бизнеса превалируют над другими, не менее важными вопросами, и прежде всего проблемами информационных рисков и угроз политической системе, т. е. именно над теми аспектами, которые наиболее чувствительны для личности, общества и государства.

Полагаем, что нельзя двигаться дальше в развитии информационных технологий, не выслушав компетентного мнения специалистов – политологов, документоведов, социологов, юристов, психологов и т.п., – с тем чтобы на научной основе, экспертным путем оценить позитивные и негативные стороны этого процесса. Именно такой подход поможет минимизировать различные информационные риски для политической системы и граждан, с чем нам уже неоднократно пришлось сталкиваться.

Вхождение в информационную эпоху было столь стремительным, что многие негативные стороны внедрения ИК-технологий не были своевременно замечены и сегодня приходится «расхлебывать» эту кашу. Изначально не были учтены многие негативные аспекты этого процесса – и в финале даже западные исследователи открыто признают: надежды на то, что информационные технологии изменят в лучшую сторону общественно-политические процессы, мягко говоря, не оправдались, а стремительное внедрение информационных технологий несет угрозу демократическим принципам современного общества.

Весьма примечательно, что на состоявшейся в Москве 14 марта 2013 года научно-практической конференции «ИКТ в госсекторе» один из докладчиков призвал несколько «приостановить» активный процесс информатизации до тех пор, пока не будут надежно обеспечены вопросы информационной безопасности в этой сфере и осуществлена необходимая работа по подготовке кадров.

Кроме того, внедрение технологий электронного правительства требует колоссальных финансовых вложений, и по этой причине многие развивающиеся

страны остаются «за бортом» процессов информатизации, стремительно развилась и не сокращается политико-конфликтотенная проблема цифрового неравенства, что актуально и для России.

Анархия, творящаяся в Интернете, нанесла огромный ущерб морали, нравственности людей, породила абсолютно новые, ранее не известные в практике формы киберпреступности, в том числе нарушения в сфере соблюдения прав человека и норм защиты авторских прав.

Тем не менее в современной России наблюдается активный процесс внедрения в систему государственного управления информационно-коммуникационных технологий, на базе которых формируется новая форма взаимодействия государства и общества. Так, Президент России В. В. Путин, выступая в прошлом году в Новосибирске, подчеркнул, что «информатизация государственных органов – это, прежде всего, серьёзный ресурс для укрепления национальной экономики, повышения инвестиционной привлекательности, эффективная модернизация социальной сферы, качественных изменений в здравоохранении, образовании, системе социальной защиты, более простое и прозрачное общение граждан с властью, реальная и очень эффективная антикоррупционная мера. Речь идет о построении эффективного, современного государственного механизма управления, ориентированного на запросы граждан, на интересы общества и национальной экономики».

И действительно, сегодня активно развиваются порталы федеральных, региональных и муниципальных органов власти, получают распространение госуслуги в электронном виде. И хотя на этом поприще существует множество проблем, в целом динамика положительная.

Тем не менее эти процессы ведут к прямой зависимости эффективного государственного управления, а следовательно, и устойчивого политического развития страны, от качественного функционирования систем межведомственного электронного взаимодействия, на которых выстраивается система электронного государственного управления.

И в этих условиях вероятность крупного сбоя в работе информационной инфраструктуры госуправления по программно-техническим причинам или в силу человеческого фактора, чего исключать нельзя, представляет объективный риск нарушения системы государственного управления. Это может вызвать дестабилизацию социально-политической и экономической ситуации как в регионе, так и в стране.

Поэтому в интересах устойчивого развития политической системы, обеспечения информационной безопасности процессов внедрения электронного правительства необходимо системное проведение прикладных научных исследований для выявления «слабых звеньев» в механизме электронного государственного управления, особенно в оказании госуслуг гражданам и бизнесу в электронном виде.

Так, например, сегодня многих настораживает довольно сложная проблема, которую президент страны обозначил таким образом: «...нужно предусмотреть защиту от так называемых грязных данных – разного рода неточных или ошибочных сведений. Именно из-за такой искажённой информации в базах данных различных ведомств и возникла мнимая налоговая задолженность у миллионов граждан – практический результат этой «грязной» информации. Ведомствам надо самим наводить порядок в своих электронных архивах, чтобы у людей потом не

возникали неудобства, связанные с финансовыми, бюрократическими издержками и пустой тратой времени».

В настоящее время ренессанс переживают так называемые облачные технологии, в том числе и внедряемые в госсектор. Это не новое явление. Сервис-ориентированная архитектура с веб-интерфейсом, лежащая в основе «облаков», была известна и применялась на практике, хотя и весьма ограниченно, еще в 90-е годы прошлого столетия.

Несомненно, «облачные» технологии – это модель обеспечения повсеместно доступного, удобного и оперативно предоставляемого по требованию сетевого доступа к разделяемому пулу конфигурируемых вычислительных ресурсов. Доступ может быть предоставлен быстро, с минимальными затратами на управление и взаимодействие с сервис-провайдером.

В современном мире единую инфраструктуру «облака» формируют и развивают сотни производителей, но при этом о реализуемой ими системе гарантированной защиты технологического процесса эксплуатации «облаков» мало что известно. Более того, в ряде опубликованных аналитических материалов высказываются серьезные опасения по поводу обеспечения информационной безопасности «облачных» технологий.

Критичные с точки зрения безопасности информационные объекты в «облаке» довольно нечетки и аморфны. Безопасность даже идеально проверенного в части исходных кодов приложения может быть разрушена «некодowymi» компонентами. Поэтому пользователи всех «облачных» программных продуктов постоянно подвергают себя информационному риску – и, как правило, неосознанному.

Отсутствие эффективного государственного контроля «облачных» технологий, реализуемых коммерческими структурами, создает атмосферу настороженности вокруг внедрения этого процесса в электронное государственное управление, что стало общей проблемой информационной глобализации и формирования единого мирового информационного пространства.

В настоящее время основу ряда систем электронного государственного управления, разработанных в 2000-е годы, составляют так называемые гибридные «облака», соединившие в себе методы внешней и внутренней доставки услуг, что позволяет объединить в одной системе четыре блока: «государство – граждане», «государство – бизнес», «государство – общественные организации», «государство – государство». И именно этим обусловлено появление информационно-политического риска в процессе функционирования таких систем.

Электронное государственное управление, при котором хранение информационных ресурсов организовано на удаленном сервере, несет, на наш взгляд, ряд информационно-политических рисков.

1. Возможность прерывания интерактивного диалогового режима органов власти с населением. При этом не исключено прерывание оказания электронных услуг населению или отчуждение граждан от участия в процессе принятия государственных решений. Все это может вызвать волну протестных проявлений, эскалацию социально-политической напряженности.

2. Возможность блокирования доступа к общественно-значимой информации. Данный риск связан с тем, что на существующих пиках пользования электронными услугами (праздники, катастрофы, социально-экономические потрясения) вероятен невосполнимый дефицит ресурсов и «облако» может «зависнуть», оказаться парализованным, как существующая сотовая связь в празд-

ничные дни. В этом случае из-за дефицита ресурсов «облака» не исключена вероятность утраты данных, находящихся в стадии обработки. Это может повлечь снижение уровня доверия населения к власти и дезориентацию основных социальных слоев общества.

3. Возможность утечки персональных данных и иной конфиденциальной информации. В частности, не исключены перехват данных при их передаче, недостаточно эффективное удаление данных, когда утечка их фрагментов происходит через неочищенные динамические пространства памяти. Атака клипширования пакетов в маршрутизаторах позволяет читать в больших объемах информационный «мусор» и вести эффективную аналитическую разведку. При этом возникает проблема борьбы с инсайдерами, находящимися в структурах «облачных» технологий, а также хакерами и кибертеррористами.

Утечка информации о персональных данных в системе электронного государственного управления может привести к массовому недовольству пользователей, обуславливает рост недоверия к интерактивной форме взаимодействия с органами власти, может активизировать протестные выступления граждан.

4. Возможность разглашения в системе электронного межведомственного документооборота служебной информации ограниченного доступа и иной критически важной информации. Риск кроется в реальной возможности компрометации такой информации сервис-провайдером. Особенно критична для электронного государственного управления компрометация ключевых документов пользователей. К сожалению, выбрав в качестве технологии «гибридное облако», приходится доверять своему провайдеру, при этом ничем не обосновывая свое доверие, поскольку другой альтернативы в данном случае нет.

При использовании в межведомственном электронном обмене данными «гибридного облака» возможна утрата изоляции пространства индивидуального потребителя, что также может рассматриваться как риск. При этом возникает вопрос: а какие реальные механизмы контроля коммерческой структуры – владельца «облака» у нас имеются, кроме договора и его «честного слова»?

6. Возможная остановка процесса внутриведомственного и межведомственного обмена документированной и не документированной информацией. Этот риск появляется в результате использования в «гибридном облаке» односторонней аутентификации, которая крайне уязвима для внешних угроз. В результате может произойти временное прекращение работы министерства или ведомства, приостановка процесса оказания электронных государственных услуг населению и т. п.

Особо тяжкие политические последствия могут возникнуть, если остановка процесса внутриведомственного и межведомственного обмена такой информацией произойдет, например, в день голосования или проведения референдума. Тогда могут возникнуть предпосылки для оспаривания результатов голосования, появиться сомнение в легитимности избранных представителей власти.

Таким образом, считаем, следует учитывать, что применение «облачных» технологий в системе электронного государственного управления трансформирует программно-сетевые и технологические риски в политические.

Проецирование выявленных рисков на политическую сферу раскрывает реальную социально-политическую опасность применения «облачных» технологий в электронном государственном управлении. Все это ставит новую научно-

практическую задачу перед отечественной политологией, документоведением, юриспруденцией, теорией государственного управления, информатикой и другими научными направлениями разработки комплекса мер по выявлению и идентификации информационно-политических рисков, управлению ими, выработке мер минимизации негативных последствий, в том числе и «гибридного облака», применяемого в рамках электронного государственного управления.

Нашим научным коллективом впервые в стране разработана теория и практика общественной информационной экспертизы, ведется подготовка экспертов-документоведов, способных решать многие из обозначенных выше задач. Кроме того, нами разработано новое научное направление в политологии, обозначенное как информационно-политическая рискология, с тем чтобы на научной основе высказать предложения по минимизации рисков и угроз в этой сфере.

По всем этим вопросам успешно защищены докторская и несколько кандидатских диссертаций, опубликованы научные статьи и методические материалы. Ряд конкретных предложений нами внесен в виде проектов законов и нормативных актов в областную думу и правительство области. Эта работа, на наш взгляд, полностью соответствует политической установке, данной президентом страны на совещании в Новосибирске в 2012 году, где было отмечено, что необходимо «привлечь граждан к разработке и тестированию сайтов и информационных продуктов государственных ведомств. Они должны быть действительно удобны и понятны в обращении, должны быть развёрнуты к человеку».

Не сомневаемся, что совместные усилия власти, научного сообщества и граждан будут способствовать снижению политической конфликтности, более успешному продвижению России по пути к информационному обществу.

М. О. Орлов

РЕЛИГИОЗНЫЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ПРИОРИТЕТЫ ВЛИЯНИЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ В СЕКУЛЯРНОМ МИРЕ⁸

Реалии современности поставили церковь в беспрецедентные условия, не имеющие даже приблизительных аналогов на ленте времени.

Если говорить об апостольском веке, то первым благовестителям и их современникам было в принципе неизвестно такое явление, как атеизм. Античная цивилизация и варварская ойкумена существовали в четко структурированных мирах, отражающих сакральные переживания трансцендентного мира. Для человека начала нашей эры духовный мир существовал априори.

Когда в мире полыхнул феномен атеизма, зажженный эпохой Просвещения, атеистические веяния не проникли в глубину массового сознания, крепко упрятого в кокон традиции, и громыхнули лишь в среде развращенной элиты.

Что касается исторического пути России, то коммунизм, который фактически является религией, из которой «вырезали» Бога, очень комфортно «лег» на

⁸ Публикация выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МД-104.2013.6.

российское общество, осуществив лишь подмену символов. При всем этом Церковь, загнанная почти в подполье, продолжала жить и развиваться в некоем анабиозном состоянии.

Сейчас, когда осталась позади вакханалия конца прошлого века, сделавшая Россию рискогенной сферой псевдодуховных учений всех мастей и расцветок, в обществе, пережившем вседозволенности, созрели предпосылки для реакции. Сегодняшнее общество готово вернуться к традициям, и задача Церкви при этом – не допустить, чтобы религиозность превратилась лишь во внешний этнический идентификатор, не выхолостилась и не превратилась в масс-культуру, подобно активно насаждаемому дню святого Валентина, который, по сути, является лишь коммерческим поводом для бойкой торговли сувенирной продукцией.

Вместе с тем сегодня одновременно с недугами этого мира мы имеем мировую информационную сферу, поломавшую привычные онтологические представления. И Церковь должна по максимуму использовать возможности этого нового поля в своих интересах. Можно бесконечно долго рассуждать, что бы делали апостолы, будь у них Интернет, но фактически в свое время и в своем месте они задействовали все способы внедрения в существовавшую информационную сферу – писали послания, выходили на площади и форумы, при этом сохраняя максимум мобильности.

Сегодня же перед православием открылись все горизонты для проповеди, но при этом в качестве нивы мы имеем общество с крайне фрагментарным религиозным сознанием и с беспорядочными религиозными связями – невиданной смесью язычества, неоязычества, оккультизма, пропитанного псевдомистическими представлениями. Православие для современного секулярного сознания является архаичным явлением, атрибутом русской экзотики. Задача Церкви в глобальном мире – создать должные условия для восприятия священного Предания носителем светского сознания. При этом следует, к сожалению, констатировать, что светское сознание современного человека – это сознание потребительское, склонное в сфере духовной видеть рынок религиозных услуг, где можно выбрать то или иное по вкусу.

Мир сегодня пытается навязать Церкви рыночные и псевдоправовые условия. Сегодня церковь с помощью СМИ должна в первую очередь что-то противопоставить этому давлению, донести до светского сознания истинную смысловую нагрузку православной веры, показать, что она, Церковь, не игрок на рынке, она трансцендентна ценностям мира сего. Но в то же время Церковь – это не анахронизм, а живой социальный и мистический организм.

Соприкасаясь с информационной сферой, сферой остро-рыночной, церковь, однако, ни в коем случае не должна играть по законам рынка, где слово является предметом галопирующей торговли, а умение успеть показать и рассказать первым – критерием мастерства и профессионализма. Коренное отличие работы церковной пресс-службы от любой другой – в целях и методах работы. Церковная пресс-служба не использует в своем арсенале правил пиара. Любое искажение или манипуляция информацией даже в самых благих целях приведут общество к прямо противоположному результату – соблазну, росту негатива и отторжению. Задача епархиальной пресс-службы – излагать правду так, чтобы она показывала реальность и завоевывала искренностью. При этом необходимо найти баланс между прямоотой фактов и умением говорить на языке традиции, ни в коей мере не заигрывая с миром, но выходя на полноправный равный диалог религиозного

и светского сознания.

Следует учесть, что этот диалог локализован не на церковном амвоне, но разворачивается в СМИ. СМИ – это инструмент, который должен обеспечивать национальное единство. Включаясь в информационную сферу, потребитель идентифицируется как гражданин страны, новости которой он слушает-читает-смотрит, формируется как субъект ее культурного и исторического контекста. Религиозные сюжеты, будучи поданными через СМИ, формируют, тем самым, личность, для которой эти сюжеты становятся актуальными. Поэтому задача епархиальных структур – достичь того, чтобы церковная новость в сотрудничестве с журналистами пробудила в информационном потребителе интерес к православию и церкви.

Церковь может вести диалог с миром посредством своих собственных религиозных СМИ, а также в сотрудничестве со светским журналистским сообществом. Каждый вариант имеет свои плюсы и минусы. Собственные епархиальные СМИ, с одной стороны, оставляют церковным структурам полную свободу действий в медиапланировании и форме подачи новостных сюжетов. Минусом подобных СМИ является их достаточно узкая аудитория. Церковная пресса, к примеру, редко выходит за пределы внутриобщинной сферы. Но стоит отметить, что на примере Саратовской епархии эти проблемы были успешно преодолены силами митрополита Лонгина.

Сотрудничество со светскими СМИ в форме отдельных новостных сюжетов или специализированной вкладки позволяет выйти в нецерковные, светские массы, однако в такой форме работы есть свои сложности – это, в первую очередь, сами журналисты.

Общаясь с представителями СМИ, необходимо понять, на каком языке написана их картина мира, и говорить с ними не так, как хотелось бы нам, а так, чтобы нас поняли, оставаясь при этом самими собой и не теряя духа и содержания той вести, которую хотим донести. При этом необходимо вести ненавязчивую просветительскую работу с журналистами, чтобы церковные инфоповоды перестали быть для них экзотикой. Работа журналиста над церковной новостью должна вывести его за пределы просто подготовки материала. Задача епархиальной пресс-службы – сформировать личное отношение журналиста к новостной теме.

Что касается епархиальных СМИ, то для них, поскольку они в большей или меньшей степени выходят не опосредованно, а напрямую на светскую аудиторию, также актуально вести общение на понятном миру языке. Говоря о диалоге со светским сознанием, следует маркировать разные его виды – светское светскому рознь. Здесь можно типизировать его в три разные группы.

Во-первых, светское сознание, обусловленное невежеством различного генеза, т. е. по каким-либо причинам люди не знают православия и вообще российской культуры и истории. Это им известно как имеющее быть, но для них оно в силу неких стереотипов остается пережитком прошлого. Этот типаж требует ведения разъяснительной работы. Задача религиозных СМИ в этом случае – показать, что православная Церковь является «живым организмом», далеко выходящим за пределы «купола – свечи – святая вода».

Во-вторых, светское сознание, обусловленное так называемой научной картиной мира. Его носители возводят в приоритеты рационализм и достижения позитивистской науки и по каким-то неизжитым стереотипам связывают религию с невежеством. При работе религиозных СМИ с людьми этого типа следует дать

понять, что наука и вера отнюдь не антонимы, а также, безусловно, раскрыть горизонты интеллектуального потенциала религиозной культуры.

Информационная работа в рамках диалога с первыми двумя типами сознания – это в первую очередь преодоление многочисленных заблуждений, шаблонных стереотипов относительно церковной жизни и формирование представления об объективности духовного мира. Если первые два типа – это просторное поле для катехизаторской деятельности с учетом специфики каждого, то с третьей группой все несколько сложнее. Носители третьего типа светского сознания, быть может, не столь многочисленны, но оказывают достаточно существенное влияние на остальных – это те самые, через которых мир ненавидит Церковь за Христа: «И будете ненавидимы всеми за имя Мое» (Мф. 10, 22). Это люди, которым Евангелие знакомо, но которые категорически не желают жить по христианскому закону. Однако совесть их обличает, а Церковь становится живым напоминанием о шевелениях совести и вызывает реакцию злобы и отторжения.

Оставить их за пределами религиозного диалога невозможно, поскольку именно они являются инициаторами некоего искаженного взаимодействия с Церковью, чаще всего в рамках провокаций. Церковь может поддерживать диалог с людьми подобного типа, доколе они не нарушают границ цивилизованного диспута. Однако когда рамки допустимого нарушены, вступает в силу правовая ответственность. Здесь нет места ложному миролюбию, ибо оно становится поощрением эскалации социальных рисков. Православная традиция однозначно выступает за ограничение зла силою власти и закона.

Новый закон о противодействии оскорблению чувств верующих вступил в силу в июне 2013 года. Документ дополнил гл. 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» статьей «Оскорбление религиозных убеждений и чувств граждан или осквернение объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест, предназначенных для совершения религиозных обрядов и церемоний».

Следует отметить, что закон не вводит наказания за оскорбление чувств верующих, но лишь ужесточает уже имеющиеся и уточняет критерии, по которым то или иное правонарушение может быть квалифицировано как оскорбление чувств верующего в пределах публичного пространства. При этом закон не запрещает мировоззренческой полемики между верующими и неверующими, а также критики религиозных организаций, если она не срывается на оскорбления за отсутствием аргументации.

А. В. Пасечник

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ О СТРАТЕГИИ И ТАКТИКЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ АРМИИ В 1930-е ГОДЫ

Проблема реформирования российской армии в постсоветский период является одной из сложнейших и противоречивых. Дискуссии по поводу основных подходов к стратегии и тактике решения накопившихся проблем в этой сфере не утихают. При этом важнейшее значение имеют не только объективные процессы внутри самой армии и оборонно-промышленного комплекса, но и политические факторы, которые имеют определяющее значение при выборе модели реформи-

рования вооруженных сил. Как представляется, политизированный и идеологизированный подход к армейским преобразованиям может вызвать самые трагические и разрушительные последствия. В рамках данной статьи рассмотрим исторический опыт политических дискуссий о стратегии и тактике реформирования армии в СССР в 1930-е годы.

В этот период было предложено несколько моделей «модернизации» Рабоче-крестьянской Красной Армии, неразрывно связанных не только с моделями индустриализации страны, но и с генеральной линией строительства социализма в СССР и стратегией мировой социалистической революции.

Одну из моделей последовательно отстаивал Л. Д. Троцкий. Суть ее состояла в том, что все внутренние преобразования в СССР, в том числе и строительство Красной Армии, должны были быть подчинены решению главной задачи – разжигания и поддержки мировой социалистической революции. Эта модель основывалась на резко отрицательном отношении к русской культуре и отсутствию какого-либо доверия к социально-преобразовательному потенциалу русского народа [4, с. 53–71.]. Его предназначение, по мнению Троцкого, заключалось лишь в том, чтобы стать детонатором мирового революционного процесса, а российской молодежи – «хворостом» для разжигания мирового революционного пожара. Этой задаче и должны были быть подчинены индустриализация и модернизация РККА.

Сегодня многие исследователи признают вполне реальную опасность военного переворота, которая имела место в ходе борьбы большевистских вождей друг с другом в 1920-е годы. По мнению военного историка В. Г. Цыплина, существует однозначная информация из разных источников о готовности М. Тухачевского в 1924 году с «группой» своих сторонников совершить военный переворот. «Но по своим личным качествам, будучи весьма осторожным человеком и в силу служебного положения, он не намерен был его инициировать, да и не мог бы технически осуществить эту акцию без приказа Л. Троцкого. Именно Л. Троцкий, в силу „революционно-знакового“ свойства своей „фигуры“, был в состоянии не только объединить вокруг себя этих людей, но и придать своим и их действиям „революционно-легитимный“ характер» [11]. Однако в ходе ожесточенной внутрипартийной борьбы Троцкий потерпел сокрушительное политическое поражение и был выслан из страны.

Победу одержала стратегическая модель общественно-политического развития И. В. Сталина, ориентированная прежде всего на строительство социализма собственными силами, с опорой на внутренние ресурсы. Это была модель «осажденной крепости», окруженной со всех сторон империалистическими врагами. Идея неизбежности мировой революции не отвергалась, но акцент делался на демонстрации преимуществ и успехов социалистического строя в СССР. Этот фактор должен был оказывать революционизирующее воздействие на пролетариат капиталистических стран, который рассматривался как важнейший ресурс поддержки страны Советов в случае империалистической агрессии. В отношении РККА в рамках такой модели публично обосновывалась модернизация на основе принципа «войны не хотим, но к отпору готовы!». Тем не менее сама модернизация в рамках данной модели на практике оказалась неразрывно связанной с политической борьбой различных партийных и военных группировок.

Одним из ведущих теоретиков концепции развития РККА в 1920-е годы был М. Н. Тухачевский. Он справедливо отмечал: «Первый период войны должен

быть еще в мирное время правильно предвиден, еще в мирное время правильно оценен, и к нему нужно правильно подготовиться» [10, с. 20]. Но его политическая позиция оценивалась Сталиным как ненадежная и поэтому на первый план стали продвигать новые фигуры военачальников.

Осенью 1927 года на учебу в Германию на тринадцать месяцев направили И. Уборевича. Видимо, уже тогда И. Сталин наметил именно его для прорыва в модернизации РККА, превратив в «своего вождя» Красной Армии, сделав его собственной «креатурой» [6].

Итоги пребывания И. Уборевича на учебе в Германии и выводы, сделанные им из этого, стали основой направления модернизации Красной Армии, которое было определено как официальное с 1929 года. В своих выводах И. Уборевич в целом выражал господствовавшие тогда в германских высших военных кругах взгляды на модернизацию и развитие вооруженных сил, т. е. на использование «германской модели» развития вооруженных сил [6].

И. Уборевич, подводя итоги своего пребывания в Германии, сделал акцент на техническом уровне рейхсвера, его политической и военной роли, на взаимоотношениях с СССР, а также на оценке польской армии и ее оперативно-мобилизационных планах [3, с. 249]. Он констатировал: «Немецкие специалисты, в том числе и военного дела, стоят неизмеримо выше нас. Мне кажется, что мы должны покупать этих специалистов, привлекая умело к себе, чтобы поскорее догонять в том, в чем мы отстали. Я не думаю, чтобы немецкие специалисты оказались бы хуже политически и более опасными, чем наши русские специалисты» [3, с. 258].

В результате началась очередная «мягкая» чистка командных рядов РККА: «...часть командного состава (представители „новой школы“) получала всевозможные привилегии, пользовалась особым уважением командующего, а другая часть (представители „старой школы“, к которой Уборевич относил всех, чья точка зрения на обучение и воспитание войск не совпадала с его взглядами) находилась как бы в тени, далеко не всегда получала поддержку даже в осуществлении ценных начинаний» [5, с. 106, 118.].

«Германская модель» модернизации РККА И. Уборевича, по мнению С. Т. Минакова, не представляла собой смену направления в развитии советских вооруженных сил. «Это было совершенствование внутри старой системы, основанной, как и у „военспецов-генштабистов“ старой русской армии, на опыте 1-й мировой войны, т. е. представляла собой „консервативную модель“ модернизации Красной Армии» [6]. Сотрудничество СССР с Германией в военной области в данный период продолжалось на основе тех договоренностей, которые были заложены еще в Рапалло в 1922 году. Это был договор между двумя странами, которые в силу разных обстоятельств стали своеобразными «изгоями» мирового сообщества и в силу этого объективно вынуждены были вступить в определенные отношения сотрудничества.

Однако программа сотрудничества с рейхсвером и германскими военными промышленниками имела не только позитивные стороны. Например, побывавшие в 1930 году в Германии высшие советские авиационные начальники Я. Алкснис и С. Меженинов так сформулировали общую стратегию, которой Германия руководствовалась в сотрудничестве с СССР: «Общее впечатление такое, что внешне немцы с нами исключительно любезны, предупредительны и внимательны, по существу же они лишь терпят нас, стремятся получить от нас как можно

больше и дать нам возможно меньше из своих достижений в области тактики и особенно техники» [1, с. 34].

В целом реализация модели модернизации И. Уборевича оказалась малоэффективной и достаточно быстро была свернута в связи с невыполнением запланированных показателей. «Причину активно искали и во „вредительстве“ старых „спецов“, в их числе и „военных“. Целая серия дел о „вредительстве“, сопровождавшаяся арестами и репрессиями „буржуазных специалистов“ (особенно в военной промышленности, в авиастроении), не могла не затрагивать и служебную репутацию И. Уборевича» [6]. В итоге он был снят с должности, а модернизация РККА начала осуществляться по модели В. К. Триандафиллова и М. Н. Тухачевского.

Работа В. К. Триандафиллова «Характер операций современных армий», изданная в 1929 году, стала теоретическим трудом, в котором был освещен целый комплекс вопросов, требующих решения в ходе модернизации РККА с учетом критического осмысления опыта Первой мировой и гражданской войн и тех новых обстоятельств, которые появились в ходе развития разных видов вооружения и других средств обеспечения военных действий.

В. К. Триандафиллов подчеркивал, что его исследование в основном построено на современной материальной базе и учитывает возможные изменения в ней. «Но, помимо этого, оно ставит целый ряд проблем в области дальнейшего развития и строительства вооруженных сил. Оно со всей категоричностью выдвигает вопрос о средствах подавления, о средствах сопровождения пехоты в бою, в частности о танках. Оно во весь рост ставит вопросы значения транспортных средств для современных вооруженных сил, вопросы ж.-д. техники, автомобилизации армии. И при всем том на важнейшем месте ставит вопросы качества войск. Вся эта техника, которая имеется или будет иметься на вооружении, может попасть в руки противника, если не будет обеспечена надежная выучка и боевая подготовка, надлежащее командование и управление, надлежащее политико-моральное состояние армии, надлежащее качество войск» [9]. Таким образом, впервые были сформулированы те основные принципы, которые легли впоследствии в основу ведения боевых действий в период Второй мировой войны.

По мнению С. Т. Минакова, речь шла о ведении «совершенно иных по размаху, глубине и технической насыщенности боевых операций грядущей войны. ... Военно-теоретический смысл книги В. Триандафиллова обнаруживал синтез прежней „стратегии сокрушения“, „революции извне“ М. Тухачевского с технической модернизацией вооруженных сил. Таким образом, концепция В. Триандафиллова пока на теоретическом уровне преодолевала „бессилие“ наступления перед „силой“ обороны, казалось бы, доказанное итогами 1-й мировой войны» [6].

Книга вызвала резкое неприятие кавалерийских «героев гражданской войны» и «генштабистов старой армии», мыслящих категориями своего собственного военного опыта. Но М. Н. Тухачевский поддержал данную модель модернизации РККА, которая развивала многие его идеи, сформулированные в 1920-е годы. В докладной записке 11 января 1930 года на имя К. Ворошилова он изложил развернутую программу и план модернизации РККА с учетом геостратегических целей и геополитического положения СССР, а также тех возможностей, которые появились в результате процессов индустриализации страны. Фактически была намечена концепция оперативно-стратегического характера, в которой «ясно про-

сматривались новые, нигде дотоле не очерченные аспекты будущей «войны моторов». «На основе учета всех новейших факторов техники и возможностей массового военно-технического производства, а также сдвигов, происшедших в деревне, количественного роста различных родов войск, появятся новые пропорции, новые структурные изменения ... Реконструированная армия вызовет новые формы оперативного искусства...» [6].

Несмотря на то что первоначально план был встречен Ворошиловым и Сталиным как радикальный результат «увлечения бумажным, канцелярским максимализмом», после активной переписки и разъяснения своей позиции Тухачевский был назначен вместо Уборевича заместителем Председателя РВС СССР и наркомвоенмора и начальником вооружений РККА. Была принята его модель модернизации армии, предполагавшая два существенных условия: ускоренность и «автаркийность» [6]. Обусловлено это было прежде всего существенным осложнением международной обстановки на Дальнем Востоке и советско-польских отношений, а также охлаждением советско-германских отношений в результате усиления позиции нацистов и прихода к власти Гитлера.

Тем не менее начиная с 1933 года теоретическая дискуссия об использовании крупных моторизованных соединений была переведена в плоскость практического воплощения [2, с. 377–388]. Опираясь на опыт локальных войн конца 1920-х – начала 1930-х годов (например, агрессии Италии в Абиссинии и Японии в Китае), советские военные теоретики прогнозировали, что война против СССР может начаться с внезапного нападения «бомбардировочной авиации с воздуха на жизненные центры страны, соединенное с глубоким вторжением крупных мотомеханизированных ... масс, поддержанных действиями легкой боевой авиации по железным дорогам и транспортным средствам, необходимым для сосредоточения боевых сил» [8].

В соответствии с новой военной доктриной были внесены изменения и в полевой устав РККА о совместных и согласованных действиях всех видов вооруженных сил и родов войск при решающей роли сухопутных войск, насыщенных артиллерией, танками и самолетами [7].

Однако политическая борьба между различными группами военной и партийной элиты продолжалась и слухи о «бонапартистских» амбициях и политической неблагонадежности Тухачевского и возможности осуществления военного переворота сыграли в его судьбе трагическую роль. Он был репрессирован и расстрелян в 1937 году.

Массовые репрессии среди высшего и среднего военного командного состава стали одним из факторов, которые сыграли крайне негативную роль и явились одной из причин серьезных поражений Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны. На наш взгляд, опыт военно-теоретических дискуссий 1930-х годов позволяет извлечь некоторые уроки в соотношении политических и военно-доктринальных принципов проведения модернизации современной российской армии.

Необходимо осознать, что возможны самые страшные последствия, когда теоретические дискуссии вокруг разных моделей модернизации армии носят откровенно политизированный характер, обусловленный борьбой различных субъектов политики, а армия становится заложником их конъюнктурных интересов, весьма далеких от реальных задач, требующих решения для эффективного обеспечения национальной безопасности.

С одной стороны, важнейшей предпосылкой и обязательным условием демократического общественно-политического устройства является принцип, в соответствии с которым вооруженные силы и другие силовые структуры должны быть подчинены политическому руководству страны, избранному на всенародной основе. Это является важнейшим барьером против потенциального злоупотребления силовым ресурсом с целью захвата государственной власти. Существуют также ограничения институциональной роли армии в общественной жизни, детерминированные объективными социально-экономическими возможностями и ресурсами страны, состоянием социальной и демографической сферы и т. д.

С другой стороны, необходимо исходить из того, что существует самодостаточная логика постоянной модернизации армии, обусловленная огромным пространством российского государства, сложной геополитической ситуацией и конфликтностью конкретных международных отношений. Здесь, в свою очередь, существуют определенные объективные потребности развития самих Вооруженных сил, нарушение пределов которых создает реальную опасность утраты функциональности армии и, соответственно, национального суверенитета. Остается в силе тривиальный, но многократно подтвержденный историческим опытом принцип «народ, который не хочет кормить свою армию, вынужден будет кормить чужую армию».

Список использованной литературы:

1. Военно-исторический журнал. 1997. № 2.
2. Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах. 1917–1940. М., 1965.
3. Дьяков Ю. Л., Бушужева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР : Красная Армия и Рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы. М., 1992.
4. Емельянов Ю. В. Последние политические программы и прогнозы Троцкого // Социс. 1990. № 5.
5. Калинин С. А. Размышляя о минувшем. М., 1963.
6. Минаков С. Т. Советская военная элита в политической борьбе 20–30-х годов // Кадровая политика. 2003. № 1. URL : http://www.whoiswho.ru/old_site/kadr_politika/12003/stm10.htm (дата обращения : 26.08. 2013).
7. Полевой устав РККА (ПУ-39). Проект. М., 1939.
8. Правда. 1936. 20 мая.
9. Триандафиллов В. К. Характер операций современных армий. 3-е изд. М., 1936. URL : <http://militera.lib.ru/science/triandafillov1/index.html> (дата обращения : 27.08. 2013).
10. Тухачевский М. Вопросы современной стратегии. М., 1926.
11. Цыплин В. Г. Активизация внутрипартийной борьбы против Л. Д. Троцкого в период военной реформы 1920-х годов // Военно-исторические исследования в Поволжье : сб. науч. тр. Вып. 5. Саратов, 2003. URL : <http://www.sgu.ru/faculties/historical/departments/oinp/publication.php> (дата обращения : 27.08. 2013).

Л. Г. Петрова, В. М. Лисовцева

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ

Язык как явление духовной жизни человечества, выполняя свою главную роль, способствует процессу коммуникации, социализации, профессионализации и социальной адаптации. Социализацию обычно понимают как процесс социаль-

ного становления личности, усвоения индивидом ценностей, норм, установок, образцов поведения, присущих культуре общества, и ее невозможно представить вне контекста языка и речи. Это значит, что обществом формируется процедура взаимодействия, стереотипы которой закреплены в моделях поведения и взаимодействия индивидов в социуме. Например, при встрече мужчины пожимают друг другу руки со словами приветствия, в то время как мужчина и женщина при встрече чаще всего этого не делают, хотя в официальном этикете рукопожатие и принято.

Поэтому каждый из говорящих на языке действует исключительно в рамках своей когнитивной области, где любая истина зависит от опыта личных переживаний.

Контекст речевого взаимодействия или текстового сообщения будет зависеть от сходства или различия усвоенных участниками взаимодействия социальных норм. В качестве иллюстрации сказанного можно привести пример из заключения судебно-психологической экспертизы, где объектом исследования являлась статья «Разгром мирзехановщины на истфаке», опубликованная на сайте СГУ. Статья разделена на части, каждая из которых имеет свое название и свое смысловое поле – «Извилистой дорожкой», «Запах денег», «Порабощенный факультет», «Декан скандалов», «Третья сила», «Крах» – и последовательное прочтение которых создает вполне определенные образы декана истфака, госуниверситета, автора статьи и т. д.

Первоначальная функция контекста сводится к тому, чтобы заменить неопределенность, присущую тому или иному аспекту текста, определенностью [2, с. 351]. Бывает и наоборот – вне контекста текст обладает известной определенностью, а будучи включенным в контекст, утрачивает ее. Таким образом, контекст может порождать как определенность, так и неопределенность.

На характер восприятия содержания любого текста существенное влияние оказывает реципиент. Воспринимающий индивид не выступает пассивным субъектом присвоения информации. Его когнитивная система в значительной степени ориентирована на такой параметр коммуникативной ситуации, как доверие или недоверие. Иллюстрацией может служить освещение в СМИ грузино-осетинского конфликта 2008 года.

В исследованиях Н. Э. Сольниной и Я. В. Харитоновой было доказано, что в средствах массовой информации велась информационная война (передаваемая в новостях информация не соответствовала действительности), которая существенным образом повлияла на общественное мнение [3, с. 195–196]. Ее влияние тем больше, чем разительней контраст между объективным содержанием события и его искаженным и эмоционально окрашенным освещением. Как результат, у населения сформировалось разное мнение об этническом конфликте. На просторах Интернета шли споры по этому поводу. Некоторые откровенно обвиняли русских в агрессии. Порождаемая политиками и СМИ конфликтная картина мира проникает в ментальное пространство других людей, видоизменяя его.

Любой текст несет в себе элемент воздействия, когда особое значение имеют две ментальные схемы – «свой мир» и «чужой мир». Попытки побудить реципиента к принятию фрагмента чужой картины мира, как правило, наталкиваются на сопротивление, что может порождать конфликтные формы коммуникаций. Это связано с социальным контекстом, его развитой системой социальных норм. Так, например, для дебатов на ТВ специально приглашаются участники с

разными точками зрения, в публичных выступлениях такой конфликт создают комментарии. Аналогичная ситуация складывается в рамках дискуссии, интерпретации в СМИ высказываний политиков, власти, представителей государственных и общественных структур и пр.

Итак, различие в понимании текста, придании ему определенного смыслового контекста приводит к искажению информации, порождает конфликт интересов и требует его разрешения на правовой основе.

Традиционно для судебного разрешения возникшего конфликта используют судебную экспертизу текста, определяя возможности его влияния на сознание и поведение лиц, имидж публичных людей, общественное мнение.

Судебно-психологическая и психолингвистическая экспертиза используется для установления:

- 1) атрибуции спорного (анонимного или псевдонимного) текста, т. е. принадлежности определенному автору;
- 2) оценки достоверности свидетельских показаний в судебной и следственной практике;
- 3) оценки толерантности в межличностных отношениях;
- 4) оценки наличия определенного психического воздействия рекламных сообщений, публичных выступлений, интернет-сообщений и прочего на воспринимающего индивида [1, с. 114].

С нашей точки зрения, названные выше конфликтные ситуации, связанные с пониманием, интерпретацией и воздействием речевых и текстовых сообщений, могут разрешаться и с помощью медиации. Процедура медиации позволяет прояснить контекст высказываний, договориться о форме морального и материального удовлетворения конфликтующих сторон.

Список использованной литературы:

1. *Петренко В. Ф.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания. На материале политического менталитета. М., 1997.
2. *Потемкина О. Ф., Потемкина Е. В.* Психологический анализ рисунка и текста. СПб., 2006.
3. *Солынин Н. Э., Харитонов Я. В.* Способы и методы прогнозирования и урегулирования этнических конфликтов // Толерантность в современном обществе : опыт междисциплинарных исследований : сб. науч. статей / под науч. ред. М. В. Новикова, Н. В. Нижегородцевой. Ярославль, 2011.
4. *Стриженко А. А.* Зарубежная и российская журналистика : трансформация картины мира и ее содержания. Барнаул, 2003.

Е. Г. Потапенко

ВНУТРИСИСТЕМНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ПРАВА КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОГЛАСОВАННОСТИ ПРАВОВЫХ НОРМ

Современное развитие российского права и законодательства очевидно свидетельствует об усложнении внутрисистемных связей. Изменение строения права, рост числа нормативных правовых актов, расширение сферы правового регулирования весьма затрудняют осуществление правотворческой и правоприменительной деятельности, что, в свою очередь, приводит к повышению риска юридических ошибок. Наличие в действующем праве явных либо скрытых коллизий, не согласованных или слабо согласованных нормативных предписаний

ставит под угрозу надлежащую реализацию регулятивной и охранительной функций права, а огромное количество непонятных для большей части населения нормативных предписаний делает практически невозможным добровольную реализацию права участниками общественных отношений. Представляется, что данная проблема не может быть решена лишь посредством совершенствования юридической техники, а требует комплексного подхода, основой которого являются осмысление и целенаправленная интенсификация внутриправовых процессов, обеспечивающих стабильное органичное развитие системы права и законодательства. Основным таким процессом является интеграция в праве, под которой мы понимаем опосредованное юридически значимой деятельностью объединение элементов системы права в структурно упорядоченное целостное единство, обладающее относительной самостоятельностью, устойчивостью и автономностью функционирования, а также поддерживающее целостность и единство системы права, согласованность и взаимосвязанность ее структурных частей.

В общей теории систем дифференционно-интеграционный процесс, протекающий в системе, рассматривается как процесс организационный, «атрибутивный фактор системообразования», позволяющий обеспечить органичное взаимосвязанное сосуществование элементов в рамках единой целостной системы [1, с. 58]. При этом отмечается, что для расчетов систем целесообразно использовать отношение прямой корреляции между сложностью и организованностью в качестве собственных (внутренних) ее параметров (конечно, если речь не идет об избыточной сложности) [3, с. 18]. Указанные универсальные положения применимы и к системе права, в рамках которой, однако, дифференционно-интеграционный процесс имеет свою специфику. Одна из таких особенностей вытекает из отнесения права к надстроечным явлениям, что предопределяет его зависимость от содержания и развития базиса. В современной литературе такая зависимость называется социальной обусловленностью права. Правовые нормы возникают как результат осознанной потребности правового опосредования, необходимости урегулирования правом определенных общественных отношений [5, с. 65]. На этом основании можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, процесс усложнения внутреннего строения права вызван изменениями в общественной жизни, а с другой – формы, механизмы и отчасти мера такого усложнения определяются целенаправленной человеческой деятельностью, опосредующей изменение строения права. Задачей юридически значимой деятельности выступает не только и не столько множественное дробление элементов права в целях урегулирования изменяющихся общественных отношений, сколько обеспечение реализации функций права в условиях меняющейся социальной действительности, что возможно лишь при поддержании баланса процессов дифференциации и интеграции в праве.

Внутренняя согласованность, целостность, единство права – важный качественный признак уровня его развитости. Ф. Энгельс указывал: «В современном государстве право должно не только соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть внутренне согласованным выражением, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий» [4, с. 288]. На необходимость исследования интеграции и ее исключительное значение в построении системы права не раз обращалось внимание. Еще в начале XX века Г. Ф. Шершеневич писал: «Увеличиваясь в количественном отношении и отличаясь как извне, так и внутри, нормы права в то же время обна-

руживают стремление к интеграции. Выдвигаясь вначале по мере того, как жизнь создает случай, требующий нормирования, и приобретая поэтому казуистический характер, право в дальнейшем, при сознательном творчестве, захватывает случаи не только бывшие, но и возможные, и приобретает абстрактный характер. Нормы права не становятся рядом друг с другом, на равном положении, но преобразуются в стройную систему, где нормы располагаются иерархически» [8, с. 512]. Вместе с тем вопросы правовой природы и сущности правовых интеграционных процессов, механизма их осуществления в системе права так и не нашли в научной литературе должного освещения. В настоящее время не сформирован единый общепризнанный подход к пониманию указанных процессов, не определены методы и способы их реализации. Так, например, С. С. Алексеев, отмечая важное значение интеграционных процессов в системе права, рассматривает интеграцию правового регулирования как одну из форм специализации права наряду с дифференциацией и конкретизацией, понимая под интеграцией правового регулирования обобщенную регламентацию того единого, совпадающего, что свойственно группам общественных отношений, их принципов и т.д. [2, с. 35–36, 53]. В более современных исследованиях, посвященных проблеме специализации, среди форм специализации законодательства называются дифференциация, конкретизация и детализация [7, с. 7], а также указывается на неоправданность отнесения интеграции права к формам его специализации [6, с. 9]. Не впадая в многочисленные дискуссии о правомерности либо неправомерности рассмотрения интеграции права в качестве одной из форм специализации, следует отметить, что С. С. Алексеев указывает на интеграцию не права, а лишь правового регулирования, понимая под ней не столько собственно интеграцию, сколько унификацию. Вопрос же о включении интеграционных процессов в содержание специализации зависит от понимания последней. Если специализацию рассматривать не только как процесс образования в праве новых специфических нормативных предписаний, регулирующих отдельный этап (часть, разновидность) общественного отношения, а как полноценный процесс образования самостоятельной общности взаимосвязанных правовых предписаний, органично вошедшей в существующую структуру права, то определение интеграционных процессов в качестве одной из форм специализации представляется оправданным.

Следует отметить, что результатом интеграционных процессов в системе права является возникновение правовых общностей. Одной из характерных черт такой общности выступает наличие общих нормативных предписаний. Это могут быть как основная норма в небольших комплексах правовых норм, так и целые институты, закрепляющие общие положения в рамках отдельной отрасли и включающие в себя совокупность норм-принципов, дефинитивные и декларативные нормы. С возникновением правовой общности такие нормы приобретают, помимо внешней регулятивной, также и внутреннюю системообразующую (интегративную) функцию, обеспечивающую согласованность входящих в данную общность правовых норм. В этой связи интеграцию в праве следует рассматривать не только как процесс образования правовых общностей в системе права, но и как условие обеспечения согласованности правовых норм. Поскольку внешней формой системы права выступает система нормативных правовых актов, воздействие на строение права и обеспечение согласованности правовых норм возможно посредством систематизации законодательства, которая является одним из способов интеграции в праве. Вместе с тем согласованность правовых норм обеспечивает не

любая систематизация, а только та, которая затрагивает содержание и внутреннюю форму системы права, является юридически значимой. Последней следует считать кодификацию, а в некоторых случаях и консолидацию нормативно-правовых актов. Нужно заметить, что систематизация выступает не единственным способом интеграции в праве. Сюда можно отнести и саму правотворческую деятельность, которая не всегда связана с систематизацией, а также в определенных случаях и юридически значимую деятельность органов государственной власти по толкованию правовых норм.

Таким образом, согласованность правовых норм как важное условие эффективного правового регулирования должно обеспечиваться посредством развития интеграционных процессов в системе права. Единичное правовое предписание может полноценно выполнять свою функцию лишь во взаимосвязи с другими правовыми нормами. Однако такая взаимосвязь должна не устанавливаться хаотично в процессе реализации права, а определяться уже в процессе правотворческой деятельности. В этой связи выявление способов внутриправовой интеграции, их совершенствование и практическая реализация выступают необходимой предпосылкой обеспечения согласованности правовых норм в условиях усложнения структурного строения права.

Список использованной литературы:

1. *Аверьянов А. Н.* Системное познание мира : методологические проблемы. М., 1985.
2. *Алексеев С. С.* Структура советского права. М., 1975.
3. Диалектика познания сложных систем / под. ред. В. С. Тюхтина. М., 1988.
4. *Керимов Д. А.* Философские проблемы права. М., 1972.
5. Нормы советского права : проблемы теории / под ред. М. И. Байтина, А. К. Бабаева. Саратов, 1987.
6. *Петров Д. Е.* Место и роль общих нормативных предписаний в процессе интеграции права // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 6.
7. *Сенякин И. Н.* Специализация и унификация российского законодательства : Проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1993.
8. *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. М., 1911. Т 1.

О. М. Сальникова

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ КАК МЕРА ЗАЩИТЫ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Условием успешной предпринимательской деятельности нередко является грамотное юридическое оформление сделок, важное место занимает здесь и обеспечение исполнения обязательств.

К примеру, в практике торговых организаций кредиторы часто сталкиваются с неблагоприятными последствиями неисполнения или ненадлежащего исполнения должниками своих обязательств. В целях предотвращения или уменьшения неблагоприятных последствий, а также стимулирования должника к надлежащему исполнению своих обязанностей кредиторы применяют в хозяйственном обороте те или иные обеспечительные механизмы. Данные механизмы могут быть установлены законом или определены договором сторон.

В гражданском законодательстве предусмотрены такие способы обеспечения исполнения обязательств, как неустойка, залог, удержание имущества долж-

ника, поручительство, банковская гарантия и задаток [1].

При этом данный перечень не носит исчерпывающего характера. При выборе конкретного способа необходимо знать, что действенным он будет лишь в случае, когда подбирается индивидуально, исходя из особенностей как контрагента, так и сделки.

Практика показывает, что самым распространенным способом обеспечения обязательств является неустойка. Она подразумевает определенную законом или договором денежную сумму, которую должник обязан выплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения условий договора, в частности в случае просрочки исполнения (ст. 330 Гражданского кодекса Российской Федерации). Широкое применение неустойки связано с рядом ее особенностей. Так, данный способ предполагает несложное оформление и отсутствие проведения сложных расчетов. Чаще всего размер и порядок исчисления неустойки определяются соглашением сторон при заключении договора. В соответствии с законодательством взыскание неустойки не требует установления причинной связи между неправомерным поведением должника и понесенными кредитором убытками (ст. 330 Гражданского кодекса Российской Федерации). Также она способна обеспечить исполнение любого обязательства, в том числе и неденежного.

Так, в судебной практике известен случай взыскания установленной договором неустойки за непредоставление в срок банковской гарантии. Согласно заключенному договору, стороны установили, что общество обязано предоставить банковскую гарантию во исполнение своих обязательств на сумму авансового платежа не позднее 30 календарных дней с момента заключения договора. Кроме того, в договоре было предусмотрено, что в случае нарушения обществом вышеуказанного условия оно выплачивает штраф в размере 10% от цены договора.

В результате рассмотрения спора по данному вопросу Президиум ВАС РФ отменил постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и оставил без изменения решение суда первой инстанции. При этом высшей судебной инстанцией была сформулирована следующая правовая позиция: «Обязательство по предоставлению банковской гарантии может быть обеспечено неустойкой, поскольку гражданское законодательство никаких исключений для данного вида обязательства не содержит и обеспечение неустойкой не является несовместимым с характером этого обязательства». Свою правовую позицию Президиум ВАС РФ обосновал тем, что отказ во взыскании согласованной неустойки за непредоставление банковской гарантии может стимулировать должников к неисполнению взятых на себя обязательств [2].

Следует отметить, что специфика неустойки состоит в том, что с одной стороны она является способом обеспечения, а с другой – мерой ответственности. Как отмечает Б. М. Гонгало, необходимо различать «неустойку как способ обеспечения исполнения обязательства и взыскание неустойки как меру ответственности. Наличие неустойки в законе или договоре стимулирует должника к исполнению своих обязанностей под страхом того, что в случае нарушения обязательства произойдет взыскание неустойки, т. е. наступит ответственность... Очевидно, когда говорится о стимулирующей функции, то речь идет о неустойке как способе обеспечения исполнения обязательства. Если же в качестве назначения неустойки указывается компенсация потерь кредитора, то имеется в виду взыскание неустойки, т. е. гражданско-правовая ответственность» [3, с. 55]. А. Г. Карапетов указал, что даже после нарушения неустойка в виде пеней, будучи начисляемой

на простроченный долг, стимулирует к его скорейшему погашению, а следовательно, продолжает играть обеспечительную роль, и что неустойка является способом обеспечения исполнения обязательства не только до нарушения обязательства должником, но и до ее уплаты кредитору, одновременно выступая и мерой гражданско-правовой ответственности [4, с. 60, 61, 65].

Представляется, что неустойка, имея двойственную природу, выполняет как обеспечительную, так и стимулирующую функцию и предназначена в первую очередь для защиты прав кредитора в договорном обязательстве.

Наряду с неустойкой, в ответ на нарушение должниками своих обязательств, кредиторы в настоящее время нередко применяют неюрисдикционные средства защиты. А. Г. Карапетов выделяет такие «односторонние» средства защиты, как приостановление встречного исполнения, одностороннее уменьшение подлежащей уплате цены в случае передачи кредитору ненадлежащего исполнения, присвоение полученного задатка, безакцептное списание непогашенного долга со счета должника, односторонний зачет части причитающегося должнику платежа в счет начисленной за нарушение им договора неустойки или причиненных нарушением договора убытков, а также ряд других подобных средств, позволяющих защитить интересы кредитора в случае нарушения договора без участия суда или арбитража.

В договорных обязательствах все чаще встречается условие о том, что если одна из сторон нарушает обязательства, другая сторона вправе в одностороннем порядке за счет неустойки уменьшить сумму, подлежащую уплате на основании договора, путем зачета размера неустойки в счет оплаты по договору. При этом в случае нарушения обязательств участник не направляет претензии и не предъявляет иска стороне, нарушившей обязательства, а удерживает неустойку путем оплаты товара (работ, услуг) в сумме, уменьшенной на эту неустойку.

На сегодня данное условие является правомерным и подтверждается Постановлением Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 10 июля 2012 года № 2241/12 [5] и Постановлением Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 19 июня 2012 года № 1394/12 [6]. Так, при рассмотрении конкретных дел Президиум установил, что стороны, согласовав условие о праве заказчика уменьшить подлежащую выплате сумму за выполненные работы на размер требования в сумме начисленной неустойки за просрочку выполнения работ, предусмотрели условие о прекращении встречных денежных требований, которое не противоречит требованиям гражданского законодательства.

Также, основываясь на раннее вынесенном разъяснении Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации о том, что ст. 410 Гражданского кодекса не требует, чтобы предъявляемое к зачету требование вытекало из того же обязательства или из обязательства одного вида, Президиум приходит к следующему выводу. Встречные требования об уплате неустойки и о взыскании задолженности являются, по существу, денежными, т. е. однородными, и при наступлении срока исполнения могут быть прекращены зачетом по правилам ст. 410 Гражданского кодекса РФ [7].

Следует учесть, что удержание неустойки не прекращает права другой стороны требовать снижения ее размера на основании ст. 333 Гражданского кодекса Российской Федерации. Согласно п. 5 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.12.2011 № 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» [8], списание по требованию кредитора неустойки

со счета должника (п. 2 ст. 847 ГК РФ) не лишает последнего права ставить вопрос о применении к списанной неустойке положений ст. 333 ГК РФ, например путем предъявления самостоятельного требования о возврате излишне уплаченного (ст. 1102 ГК РФ), за исключением случаев, когда неустойка перечислена добровольно.

Настоящее законодательство представляет предпринимателям множество как юрисдикционных, так и неюрисдикционных способов обеспечения исполнения обязательств. Контрагентам для этого необходимо только в договорах определять обеспечительные механизмы, которые являются мерой защиты их прав и в дальнейшем помогут избежать решения возникших проблем в судебном порядке.

Список использованной литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 23.07.2013) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.10.2011 № 5531/11 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 2.
3. Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств. М., 2002.
4. Карапетов А. Г. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. М., 2005.
5. Вестник ВАС РФ. 2012. № 11.
6. Вестник ВАС РФ. 2012. № 10.
7. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.12.2001 № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований» // Вестник ВАС РФ. 2002. № 3.
8. Вестник ВАС РФ. 2012. № 2.

В. А. Сергеев

ПРАКТИКА РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ С УЧАСТИЕМ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ

Исходя из практики нейтрализации конфликтов необходим непрерывный процесс формирования, развития и поддержания социально-психологической культуры должностных лиц таможенных органов. Опыт проведения специальных занятий (тренингов, семинаров) по конфликтологии в таможенных органах свидетельствует о том, что они способствуют повышению социально-психологической культуры. У обучаемых повышается интерес к человеку, к знанию человеческого фактора, появляется стремление использовать в работе приемы и методы профилактики, регулирования, разрешения конфликтов, глубже разбираться в людях, искать правильный и обоснованный подход в общении и взаимодействии с другими людьми, проявлять терпение и настойчивость в достижении нужного психологического эффекта, заниматься самоанализом и пр. Эти результаты подготовки должностных лиц таможенных органов сегодня не менее важны, чем формирование практических умений и приемов работы у должностных лиц [1].

Приоритетным направлением деятельности таможенных органов Приволжского региона является создание условий, содействующих развитию внешней торговли и модернизации российской экономики, а также привлекательного инвестиционного климата. В настоящее время в регионе деятельности ПФО реализуется значительное количество инвестиционных проектов, в том числе 32 приоритетных, утвержденных Председателем Правительства России. Таможенными

органами осуществляется сопровождение 103 инвестиционных проектов [2].

В рамках содействия внешней торговле таможенными органами региона ведется работа по сокращению сроков совершения таможенных операций. Так, если в начале прошлого года продолжительность выпуска в свободное обращение ввозимых товаров составляла 19,2 часа, то в первом квартале текущего года – уже 10 часов. При применении предварительного декларирования продолжительность сократилась с 14 до 8 часов. Среднее время выпуска вывозимых товаров, к которым применяются вывозные таможенные пошлины, сократилось почти втрое и составило 1,4 часа.

О положительной динамике данной работы свидетельствуют результаты опросов участников внешнеэкономической деятельности. Более 90% (93,2%) положительно оценили деятельность таможенных органов (учитывались ответы «положительно» и «скорее положительно»). Одновременно анкетирование показало рост доверия участников ВЭД к таможенным органам Приволжья. Индекс уровня доверия поднялся с 79% в III квартале прошлого года до 82% в этом году.

Профилактике конфликтов также способствует работа с обращениями граждан. В Саратовской таможне в 2012 году она велась в соответствии с приказом ФТС России от 10.09.2009 № 1660 «Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по исполнению государственной функции организации приема граждан, обеспечении своевременного и полного рассмотрения обращений граждан, принятия по ним решений и направления ответов заявителям в установленный законодательством Российской Федерации срок» [3].

В 2012 году в Саратовскую таможню поступило 39 обращений граждан, 8 из которых – граждане иностранных государств.

В общем количестве обращений 3 жалобы и 36 заявлений. Предложения отсутствуют.

Анализируя тематику письменных обращений граждан за отчетный период, можно выделить следующие вопросы, по которым чаще всего обращались граждане:

- предоставление разъяснений по совершению таможенных операций в отношении товаров и транспортных средств;
- выдача копий документов;
- несогласие в возбужденном уголовном деле;
- трудоустройство в таможенные органы.

За 2012 год начальником Саратовской таможни и его заместителями на личном приеме был принят 131 человек.

Саратовская таможня обладает достаточной материально-технической базой и степенью внедрения телекоммуникационных технологий для обеспечения возможности передачи обращений граждан по факсимильной связи, электронной почте. Наличие оперативных каналов связи позволяет таможне незамедлительно реагировать на обращения граждан.

Рассмотрение вопросов, содержащихся в обращениях граждан, основывается на следующих принципах: рассмотрение каждого обращения по существу в соответствии с таможенным законодательством, разъяснение порядка обжалования решений, предоставление мотивированных ответов. При необходимости запрашивается информация в структурных подразделениях таможни и других организациях.

В 2012 году пресс-секретарем Саратовской таможни в региональных печатных СМИ было опубликовано 26 материалов консультационно-разъяснительного характера о деятельности таможенных органов в регионе и Саратовской таможни по следующей тематике: ответы на вопросы читателей о деятельности таможенных органов в регионе; информация о преимуществах новых технологий, используемых для таможенного оформления; информация о таможенных органах и соответствующих подразделениях, предоставляющих государственную услугу по информированию об актах таможенного законодательства Таможенного союза, законодательства Российской Федерации о таможенном деле и об иных правовых актах Российской Федерации в области таможенного дела и консультированию по вопросам таможенного дела и иным вопросам, входящим в компетенцию таможенных органов.

Кроме этого, за 2012 год на сайтах Приволжского таможенного управления и местных информационных агентств было размещено 77 пресс-релизов и информационных сообщений консультационно-разъяснительного характера.

Правовым отделом таможни за отчетный период 2012 года предоставлено 111 устных консультаций по следующим вопросам: порядок ввоза автомобилей для личного пользования, перемещаемых с территории Республики Беларусь, Республики Казахстан, третьих стран, а также при переезде на ПМЖ; порядок ввоза культурных ценностей; порядок перемещения товаров для личного пользования через таможенную границу Российской Федерации и Таможенного союза; порядок ввоза товаров, предназначенных для коммерческой деятельности.

Отдел документационного обеспечения еженедельно предоставляет начальнику таможни информацию о ходе работы с обращениями граждан. На информационном стенде имеется график личного приема граждан руководством таможни (утверждается ежеквартально), адреса и график работы таможни и таможенных постов, график консультирования правового отдела, информация о телефоне доверия Саратовской таможни и Приволжского таможенного управления, адреса и телефоны вышестоящих и контролирующих органов, а также выдержки из правовых актов с разъяснениями по наиболее часто задаваемым вопросам, памятка для лиц, обжалующих решения, действия (бездействие) таможенных органов и их должностных лиц. По мере необходимости данная информация обновляется.

В III квартале 2012 года в Саратовской таможне начала свою работу комната приема граждан. Она оборудована в соответствии со всеми требованиями Административного регламента Федеральной таможенной службы Российской Федерации по исполнению государственной функции организации приема граждан, принятия по ним решений и направления ответов гражданам, принятия по ним решений и направления ответов заявителям в установленный российским законодательством срок, утвержденный приказом ФТС России от 10.09.2009 № 1660.

Организация приема граждан осуществляется в соответствии с графиком в специально выделенном на первом этаже административного здания помещении, где размещен справочный терминал с необходимой для граждан информацией.

В середине июня 2012 года, согласно Стратегии развития таможенных органов Российской Федерации до 2020 года, в целях применения научно обоснованного подхода к совершенствованию управленческой деятельности в Саратовской таможне прошел семинар-тренинг «Прогрессивные положения теории массового обслуживания и принятия решений». Участникам тренинга были также

предложены способы повышения профессиональной эффективности и даны практические рекомендации для применения в процессе таможенного оформления. Обучающиеся выразили желание, чтобы подобные семинары-тренинги продолжались, и предложили тематику для следующих встреч.

20 июня 2013 года в Саратовской таможне прошло заседание Общественно-консультативного совета по взаимодействию с участниками внешнеэкономической деятельности. Впервые в нем приняли участие представители предприятий, организаций и бизнеса Пензенской области, а также Республики Мордовия, которые с декабря 2012 года вошли в регион деятельности Саратовской таможни. Заседание проходило в системе видеоконференцсвязи. Своевременность информирования и консультирования граждан и участников внешнеэкономической деятельности содействует скорости таможенных процессов, снижению издержек бизнеса. Реализация всех этих задач и их развитие в последующие периоды позволят обеспечить устойчивое развитие торгово-промышленного потенциала и повышение инвестиционной привлекательности в регионе деятельности Саратовской таможни.

Знание природы конфликтов, их структуры, типологии и функций, типичных причин и динамики развития, механизма перехода от конфликтной ситуации к конфликтному взаимодействию, регуляторов конфликтного взаимодействия, основных методов управления конфликтами поможет сформировать ряд умений [4, с. 57].

Должностные лица таможенных органов должны распознавать и анализировать конфликтные ситуации, возникающие в ходе служебной деятельности, грамотно применять принципы и методы конфликтного взаимодействия для оптимального разрешения конфликтов, выявлять потенциальных носителей конфликта, осуществлять профилактику конфликтов в служебном коллективе, уметь принимать верные управленческие решения, нацеленные на предотвращение и разрешение конфликтов, использовать знания о конфликтах для обеспечения собственной психологической устойчивости [5, с. 108].

Сотрудники таможенных органов должны быть знакомы с общими основами психологии, такими как типологизация личности (сангвиник, холерик, флегматик, меланхолик) и определение типа темперамента, определение методики типологии, психологическая открытость и закрытость партнера [6, с. 71].

Таможня, как и любая другая организация, – это прежде всего объединение людей, состоящих друг с другом в определенных отношениях. Управление климатом в коллективе таможенного органа – задача не из легких и требует определенных знаний и умения. Для нормального взаимодействия коллектива необходим баланс элементов управления, обязанностей, ответственности, прав и воли работников. Другими словами, качество и быстрота выполняемой сотрудниками таможенных органов работы зависят от того, какой социально-психологический климат в коллективе, как он совершенствуется, и кто им управляет.

Выработка определенных навыков и приемов значительно снижает возможность умственного перенапряжения при осуществлении служебной деятельности, что обеспечивает возможность предупреждения и преодоления конфликтов. Это постоянная работа по совершенствованию своих моральных качеств, укрепление сознания исключительной важности своей деятельности.

Список использованной литературы:

1. Цой Л. Н. Практическая конфликтология. URL : <http://novainfo.ru/archive/6/prakticheskaya-konfliktologiya> (дата обращения : 13.06.2013).
2. Приволжскому таможенному управлению – 20// Информационно-консультационная система Виртуальная таможня : [сайт]. URL : http://www.vch.ru/cgi-bin/guide.cgi?table_code=44&action=show&id=5643 (дата обращения : 13.06.2013).
3. Аналитическая справка о работе с обращениями граждан в Саратовской таможне за 2012 год. URL : http://ptu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=135&Itemid=153 (дата обращения : 19.06.2013).
4. Колобкова Л. С. Совершенствование управления персоналом в условиях реформирования таможенной службы // Академический вестник. 2003. № 1.
5. Габричидзе Б. Н. Психологические аспекты в таможенной деятельности. М., 2001.
6. Габричидзе Б. Н. Российское таможенное право. М., 2001.

Е. В. Сергеева

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО РИСКА

Изучение риска получило широкое распространение в общественных науках, существуют работы, посвященные как общей теории риска, так и его особенностям в рамках той или иной области социального познания, например социологическая теория риска [1].

Анализ политического риска также является одним из перспективных направлений современной политической науки. В его структуре сочетаются три вида знания:

– теоретическое: осмысление политической реальности в рискологическом ракурсе предполагает понимание фундаментальных закономерностей функционирования мира политического, а также знание уникальных особенностей политической системы каждого конкретного государства;

– практическое: результатом риск-анализа становится совокупность вполне конкретных практических рекомендаций относительно принятия политических решений;

– прогностическое: итогом оценки рисков становятся кратко-, средне- и долгосрочные прогнозы.

Все это позволяет рассматривать данное направление как парадигмальное, целью которого является познание политической реальности с точки зрения рискогенности, т. е. способности порождать самые разнообразные риски, угрозы, вызовы и опасности в политике.

Потребность в изучении политического риска возникла в рамках экономической науки. Это обусловлено процессом зарождения и развития знания о политических рисках: появление данного вида анализа обусловлено динамикой мировой экономики и потребностью транснациональных корпораций в объективной оценке политических условий в конкретном государстве с точки зрения успешности финансовых инвестиций, размещения производства и филиалов фирм, ведения любой другой хозяйственной деятельности. Исследования, в которых анализируются процессы формирования и развития знаний о политических рисках, показывают прямую зависимость переосмысления уже сложившихся и появления

новых подходов и методов анализа от событий, меняющих характер отношений и связей на мировом политическом пространстве, – международных кризисов и конфликтов, изменения политического климата в отдельных регионах и т. д. Это зависимость от политических явлений и процессов, которые усложняли и/или создавали неблагоприятные условия для ведения бизнеса [4].

Факторы политического риска понимаются как определенная окружающая среда для экономической и инвестиционной деятельности, включающая в себя разнообразные проблемы и противоречия в сфере политике. Методики анализа политических, страновых, кредитных рисков обязательно учитывают такие экономические показатели, как рост ВВП, объем внутреннего и внешнего долга, уровень дохода, стоимость рабочей силы и т. п. Но в тоже время они включают в себя оценку денежной, кредитной, валютной, налоговой политики, которая предполагает учёт структурных и системных свойств политического пространства и динамики политического процесса. Все это требует целостного воззрения на современную политическую реальность, артикуляцию взаимосвязи текущих политических событий и всех остальных процессов жизни общества, комплексного изучения факторов риска, детального описания каждого из них. Это особенно важно в связи с тем, что многие факторы политического риска не имеют сегодня однозначного толкования в политической науке, – например, фактор политической стабильности, оценка которого присутствует во многих методах анализа, но конкретное его содержание зависит от множества аспектов начиная от теоретико-методологического подхода к его изучению и заканчивая субъективным восприятием эксперта. В отличие от этого политические конфликты, несмотря на то что они по своей природе, протеканию, субъектности достаточно разнообразны, являются более конкретными показателями политического риска: они легко подтверждаются фактами и могут быть количественно измерены. Поэтому существующие методики анализа политического риска стремятся учитывать не только все существующие в обществе конфликты и перспективы их разрешения, но и анализировать особенности политического процесса с точки зрения его конфликтности, наличия предпосылок в социальных и экономических сферах для формирования политических конфликтов.

Разнообразные методики анализа политических рисков включают в себя изучение явного и открытого противостояния как внутри государства, так и между странами. Проявлением внутреннего конфликта являются гражданская война/угроза переворота, терроризм/политическое насилие, гражданские беспорядки; показателем внешних конфликтов называются войны, приграничные конфликты, внешнее давление. Большое значение здесь приобретает степень интенсивности данных видов конфликта. Логика анализа данных факторов элементарная – чем больше масштаб насилия в жизни общества, чем более открытое противостояние, чем больше человеческие жертвы и разрушение экономической инфраструктуры, тем выше политический риск. Согласно карте риска независимой консультативной группы ContorlRisks, государства, в которых ведутся открытые вооруженные действия, относятся к зоне экстремального риска. К ним относятся ряд территорий в Афганистане, Сирия, Мали, Сомали [7]. По оценке группы анализа глобальных рисков Maplecroft, таких стран немного больше – Сомали, Конго, Судан, Афганистан, Мьянма, Ирак, Ливия, ЦАР, Сирия и Йемен [8].

Помимо открытых форм насилия высокий уровень риска может быть обусловлен наличием предпосылок к появлению таковых. Согласно методике оценки

странового риска PRSgroup, экспертам предлагается оценить не только внутренние и внешние конфликты, но и религиозную/этническую/национальную/языковую напряженность [7]. Эти факторы оцениваются с точки зрения возможности дестабилизации политической среды. Религиозные/этнические конфликты по своей природе являются социальными, но легко могут приобретать политический характер в случае отсутствия стабильно работающей системы их урегулирования. Порожденные ценностными противоречиями, они рассматриваются прежде всего по их политическому потенциалу – политической силе и нетолерантности противостоящих друг другу групп, наличию у них стремления к захвату власти и т. д. Страны с подобными проблемами, как правило, относятся к зоне высокого риска – ситуация в них может стать неуправляемой в любой момент. В этой зоне находятся целые регионы Африки и Ближнего Востока, в которых религиозные и этнические противоречия существуют достаточно долгое время и неразрешимы мирными средствами в ближайшее время [5].

Важным следствием наличия ценностных противоречий в жизни общества является возможность формирования в государстве организованных радикальных политических групп (политических партий, общественно-политических движений, гражданских объединений и т. д.), которые открыто и агрессивно заявляют о своей нелояльности к существующему политическому режиму, во многом способствуют дестабилизации политической ситуации, порождают, тем самым, политические кризисы и конфликты, организуют разнообразные акции протеста. Этими аспектами объясняется высокая степень риска, например, в странах «Арабской весны» – пережив революцию, политические системы данных государств находятся в нестабильном состоянии и характеризуются отсутствием реально работающих механизмов разрешения и регулирования политических конфликтов. Так, по оценке Marlecroft, одним из факторов нарастания политического риска в 2013 и 2014 годах является возвышение и падение политического ислама. После свержения бывшего президента Египта Мухаммеда Мурси в июле 2013 года, с их точки зрения, произойдет последующее падение популярности и ограничение поддержки мусульманских политических партий. Это, в свою очередь, станет причиной поляризации отношений между секуляризмом и политическим исламом и, вероятно, усилит политическую нестабильность и усугубит насилие в регионе [9].

Уровень конфликтности между политическими группами крайне важен для составления долгосрочных прогнозов. Например, PRSgroup, используя методику Coplin-O'Leary Rating System, создает прогнозы политического риска на 18 месяцев и 5 лет, которые строятся на анализе изменений оценки по каждому фактору в случае перемены в политическом режиме [7].

При этом государства, в которых существуют религиозные/национальные противоречия, но они имеют локальный и латентный характер и не приводят к политической и экономической дестабилизации, не относятся к зонам высокого риска. Действительно, немногие страны сегодня могут заявить, что на их территории не существует обозначенных выше проблем, но, тем не менее, для них это обстоятельство не является определяющим при выявлении степени риска. В этом отношении показательна ситуация в Индии – согласно анализу группы Control-Risk, данное государство в целом относится к зоне низкого риска. Исключение составляют территории Чхаттисгара, Ориссы, Джамму и Кашмира и некоторые другие, ситуация в которых может легко выйти из-под контроля государственной

власти, как это неоднократно бывало в прошлом [5].

Но, тем не менее, государства, в которых нет систематических ярких проявлений протеста, а оппозиция не столь сильна, но политический режим характеризуется как авторитарный, также, как правило, относятся к странам или высокого, или среднего риска. По методике анализа политических рисков, разработанной М. В. Братерским, экспертам предлагается оценить степень авторитарности политической системы. Самым высоким рискогенным потенциалом обладают такие политические показатели, как низкая степень автономии и независимости ветвей власти, эффективности системы сдержек и противовесов между ветвями власти; перспектива становления бесконтрольной исполнительной власти; слабый уровень соревновательности в политической системе; отсутствие у конкурирующих элиты и групп интересов влияния на политику путем политического торга и компромисса; слабые позиции омбудсмана, главного аудитора (главы Счетной палаты) и низкий уровень прозрачности правительства; низкая степень подотчетности правительства и т. д. [2, с. 155–174]. Все эти показатели в совокупности с высоким уровнем коррупции создают крайне неблагоприятные условия для бизнеса, поскольку позволяют правящей элите свободно вмешиваться в дела различных экономических субъектов, создавать самые разные препятствия для ведения хозяйственной деятельности. Опасность такого положения связывается и с тем, что в случае обострения социальной и экономической ситуации, нарастания протестной активности государства могут достаточно легко принимать радикальные решения о серьезных изменениях в финансовой, валютной и налоговой сферах, об экспроприации и национализации собственности, запрете или значительном ограничении деятельности иностранных компаний в определенных отраслях экономики.

Так, согласно анализу Maplecroft, отмечается увеличение распространенности экспроприации и национализации ресурсов в качестве одного из основных рисков в 2013 году. Двадцать одна страна была классифицирована по крайней угрозе экспроприации. К ним были отнесены богатые ресурсами Гвинея (3 место – наиболее подверженных риску), Конго (4 место), Ливия (6 место), Мьянма (9 место), Туркменистан (11 место), Гвинея-Бисау (13 место), Экваториальная Гвинея (14 место), Венесуэла (16 место), Ангола (17 место), Таджикистан (18 место), Боливия (19 место) и Кыргызстан (20 место) [8].

Как можно видеть, в этом рейтинге есть как страны, где внутренние вооруженные конфликты уже являются реальностью, так и страны, в которых существуют сложная социально-экономическая ситуация, сильное расслоение по уровню доходов и расходов, большая часть населения имеет низкий уровень жизни, что, как известно, создает крайне благоприятную почву для их появления. Показательна в этом отношении ситуация в Аргентине, где на протяжении нескольких лет наметилась неуклонная тенденция к национализации частного бизнеса: 2008 год – национализация частных пенсионных фондов; 2012 год – национализация YPF (нефтяная компания, более 50% акций которой принадлежит испанской компании «Repsol»); 2013 год – национализация железных дорог [6].

Авторитарные тенденции также крайне опасны тем, что имеют высокий уровень конфликтогенности. С одной стороны, снижая политическую конкуренцию и централизуя власть, они тем самым создают условия для формирования латентных внутриэлитных конфликтов, в случае обострения ситуации могущих привести к насильственной смене политической системы. С другой стороны, в

данных политических системах практически не работают легальные механизмы разрешения экономических и социальных конфликтов, отсутствуют правовые гарантии безопасности и сохранения собственности и инвестиций, что, естественно, крайне негативно воспринимается инвесторами.

Таким образом, надо отметить, что во многом политический риск определяется уровнем конфликтогенности общества, который может рассматриваться как интегральная характеристика для самых разных показателей. Уровень экстремального риска характерен для государств, в которых существует острое вооруженное противостояние, непомерно велика степень открытого насилия и правящей группе противостоят радикальные политические группировки, дестабилизирующие политическую среду.

Ситуация в странах высокого риска осложняется разнообразными ценностно-идеологическими конфликтами и высокой социально-экономической напряженностью, которая в совокупности с авторитаризмом и коррупцией, сращиванием политической и экономической элиты постоянно находится на грани взрывоопасной ситуации. Эти государства мало интересуют долгосрочных инвесторов, но зато в них создаются благоприятные условия для хищнического разграбления ресурсов и богатств данных стран как иностранными компаниями, так и усилиями собственных политических и экономических групп. Тем самым образуется порочный замкнутый круг постоянной нестабильности.

Средний уровень риска, как правило, существует там, где нет явных серьезных конфликтов, но существующие политические условия становятся очень благоприятной средой для появления и развития латентных конфликтов. Нередко для них характерен высокий уровень коррупционности. Эти государства, стремясь, с одной стороны, к контролю политических и экономических процессов, совершенно не чувствительны к требованиям окружающей среды и в случае обострения социально-политической ситуации могут в целях сохранения власти господствующей группировки принимать популистские решения, усиливая политическое давление на бизнес-сообщество. С другой стороны, в таких странах высока вероятность насильственной смены власти и перехода латентных конфликтов в открытое противостояние. Эксперты в большинстве своем Россию относят именно к данному виду государств, именно с этим связывают низкую инвестиционную привлекательность ее экономики и высокий уровень оттока национального капитала [3].

Низкий уровень риска во многом свойствен обществу, в котором существуют и реально работают механизмы регулирования и предотвращения конфликтов во всех его сферах. При этом надо отметить, что, конечно, большинство таких государств является развитыми демократиями. Но пример динамично развивающихся азиатских стран, в которых достаточно сильны авторитарные тенденции, а регулирование конфликтов во многом основано на традициях, позволяет нам сделать вывод, что способность власти и общества к диалогу, принятию продуманных и эффективных решений, наличие высокого уровня доверия к государству создают условия для минимизации деструктивного потенциала политических конфликтов.

Список использованной литературы:

1. Арямов А. А. Общая теория рисков : юридический, экономический и психологический анализ. М, 2010 ; Luhmann N. Soziologie des risikos. Berlin, 1991 ; Кравченко С. А., Красиков С. А. Социология риска : полипарадигмальный подход. М., 2004 ; Вишняков Я. Д. Общая теория рисков. М.,

2008 ; Зубков В. И. Социологическая теория риска. М., 2009.

2. Братерский М. В. Экономические инструменты внешней политики и политические риски. М., 2010.

3. Данилин И. В., Джус И. В., Соловьев Э. Г. Политические риски иностранных инвестиций в РФ. М., 2010.

4. Пожалов А. А. Исследования политического риска : история зарождения, становления и развития // Вестник Московского университета. Серия 12, политические науки. 2006. № 3; Соколов А. Политический риск : от теории к практике. М., 2009.

5. Официальный сайт «PRSGroup». URL : http://www.prsgroup.com/ICRG_Methodology.aspx (дата обращения : 29.09.2013).

6. В Аргентине одобрена национализация частных пенсионных фондов. URL : <http://vcourse.ua/economics/nacionalizaciya-chastnykh-pensionnykh-fondov.html> (дата обращения : 29. 09. 2013) ; Европа возмущена – национализация нефти в Аргентине. URL : http://nowostimira.com/news/evropa_vozmushhena_nacionalizacija_nefti_v_argentine/2012-04-21-1231 (дата обращения : 29. 09. 2013) ; В Аргентине национализированы 2 пригородные железнодорожные линии. URL : <http://alltransnews.ru/news/detail.php?ID=20639> (дата обращения: 29.09.2013).

7. Официальный сайт «Controlrisks». URL : <http://www.controlrisks.com/RiskMap/Pages/Political.aspx> (дата обращения : 29.09.2013).

8. Maplecroft's Political Risk Atlas 2013 forecasts global risk hotspots. URL : <http://maplecroft.com/portfolio/new-analysis/2013/01/09/maplecrofts-political-risk-atlas-2013-forecasts-global-risk-hotspots/> (дата обращения : 29.09.2013).

9. Geopolitical Risk Reports : Regional analysis and forecasts of the strategic issues driving risk – MENA first in series. URL : <http://maplecroft.com/portfolio/new-analysis/2013/10/30/geopolitical-risk-reports-regional-analysis-and-forecasts-strategic-issues-driving-risk-mena-first-series/> (дата обращения : 31.10.2013).

С. В. Синюков

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА И ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОТВОРЧЕСТВА

В современной литературе проблематика исследования правотворчества многократно расширилась и дифференцировалась, добавились неизвестные ранее темы, связанные с реформированием федеративных отношений, обновлением системы права и законодательства, совершенствованием юридической техники и информационных технологий.

Сфера правовых норм не может быть оторвана от общественных отношений, она тесно с ними связана. Среди факторов, воздействующих на формирование права, можно выделить природные и общественные факторы, которые, в свою очередь, подразделяются на материальные и духовные. Последние определяют предмет, цели, сущность, логическую структуру правовых норм. Обусловленность права факторами, воздействующими на его формирование, реализуется не непосредственно, а с помощью специальной праворегулирующей деятельности, для которой указанные факторы не только не предлагают готовых, но и не дают единообразных решений. Они указывают законодателю направления, пределы, в рамках которых он должен принять правильное решение. Влияние факторов не одинаково и не равно по силе. Однако следует отметить, что «ничто не становится законом, не пройдя через фильтр мышления, оценки, воли законодателя и не став объектом его действия» [9, с. 78]. Отдавая должное обусловленности процесса правотворчества существующими общественными отношениями и по-

литикой государства, в их урегулировании нельзя не учитывать и психологического аспекта процесса правотворчества. К нему относят познавательную сторону процесса создания правовых норм, аксиологическую и волевою сторону правотворчества и её отражение в законодательной политике, техническую (в широком смысле) сторону процесса правотворчества [9, с. 82–97]. Все эти факторы, обуславливающие правотворчество, действуют в единстве.

К числу специальных областей механизма правотворчества, которым присущи специфические формы правотворческой деятельности, следует, на наш взгляд, отнести *техничко-правовую деятельность в правотворчестве*. В современной юридической литературе определенность понятия «юридическая техника» оценивается неудовлетворительно. Известно, что «юридическая техника – наука грамотного оформления нормативного правового акта...» [1, с. 15]. По мнению В. М. Баранова, «термин „юридическая техника“ неточен, глубоко противоречив и применяется в силу лишь правовой традиции» [11, с. 11]. Традиционно под юридической техникой понимается совокупность правил, приемов, специфических средств подготовки, оформления, публикации и систематизации нормативных правовых актов и иных юридических документов [8, с. 339]. Её определяют как систему средств, приемов и правил подготовки «наиболее совершенных и целесообразных по форме и структуре законопроектов, обеспечивающих максимально полное и точное соответствие формы нормативных предписаний мысли законодателя, доступность и легкую обозримость нормативного материала, исчерпывающий охват регулируемых вопросов, внутреннюю согласованность и непротиворечивость системы законодательства» [10, с. 241]. Под правотворческой техникой понимается также совокупность правил и методов подготовки, изложения и оформления правовых норм в различных источниках права Российской Федерации (законах, подзаконных актах, нормативных правовых договорах), применяемых с целью достижения оптимальной стандартной формы внешнего закрепления правовых норм [6, с. 14]

Правотворческая техника может пониматься в широком и узком смысле. В широком смысле следует иметь в виду всю деятельность по разработке решений, с помощью которой подготавливаются средства, необходимые для проведения в жизнь принципов и установок законодательной и правотворческой политики. Основными требованиями законодательной техники являются точность и определенность формулировок и терминов, ясность и доступность языка закона, юридическая экономичность и компактность законодательных формул, полнота и конкретность регулирования, системное построение права, единообразие формы и структуры законов, способов изложения правовых предписаний.

Под юридической техникой в широком смысле ещё понимается несколько прикладных аспектов юридической деятельности: практический, формально-структурный (в теории права), методы совершенствования формы, структуры и языка права. В собственно правотворческом аспекте, по нашему мнению, под юридической техникой следует понимать не только методы и формы использования языка права для формулирования юридических норм и подготовки актов (законодательная техника), но и методы социоправовой интеграции правотворчества: в контексте влияния на последнее науки, юридической практики, религии, культуры и т. д. Здесь недостает в настоящее время технико-методической вооруженности, обеспеченности научным инструментарием, структурированности соответствующих приемов и форм правотворческой деятельности, что негативно сказывается на качестве результатов правотворчества.

Точное следование всем основным требованиям законодательной техники в их системе может характеризовать любой правотворческий акт надлежащего качества. «Недооценка законодательной техники или её игнорирование порождает массу законодательных ошибок, „цена“ которых очень велика. Речь идет не только о недопустимых отступлениях от формальных правил, но даже и о нарушении законности» [3, с. 11].

Однако юридическая техника в полной мере не отражает всего правотворческого механизма. Необходимо рациональное использование многообразных юридических процедур, специальных юридических методов. Поэтому наряду с юридической техникой в механизме правотворчества все чаще стали выделять юридические технологии. Это понятие, в отличие от юридической техники, введено в научный оборот сравнительно недавно [4, с. 76]. В последние десятилетия наряду с юридической техникой в теории права и параллельно ей все активнее разрабатывается концепция юридической технологии [4, 5, 7, 12].

Юридические технологии в широком значении – это применение апробированных практикой, научно обоснованных рациональных юридических механизмов (процедур), способов (методов) и юридических средств внедрения (экспансии) права в сознание (психику) отдельного индивида и социальных общностей. В узком (специальном) значении – это рациональное использование юридических процедур, технико-юридических приемов, средств (инструментария юридической техники) для формирования эффективных социальных институтов, а равно конструирования эффективных социально-правовых структур (законодательства, института судебной власти и др.) [13].

Таким образом, юридические технологии составляют не только приемы, способы, правила создания нормативно-правовых и иных юридических актов, но и определенные действия, стадии, этапы, обуславливающие процесс подготовки, обсуждения, принятия, опубликования соответствующих юридических актов [14, с. 55]. Специфику процессов подготовки и изложения юридических актов на том или ином этапе определяет то обстоятельство, что лежащие в основе этих процессов приемы и способы становятся типичными только для данных этапов, стадий. Целевая направленность юридических технологий как раз и состоит в согласовании и обеспечении последовательности действий, стадий, этапов, определяющих процессы подготовки и принятия законов, подзаконных нормативных актов, правоприменительных и иных юридических актов [2].

Ценность категории юридических технологий состоит в том, что они подчеркивают динамику приемов, способов, средств, правил, которыми руководствуются правотворческие органы в процессе подготовки и принятия нормативно-правовых и иных юридических актов. Юридические технологии раскрывают механизм функционирования компонентов юридической техники. Следует согласиться с Т. Я. Хабриевой, что юридические технологии позволяют обеспечить высокое качество нормативных правовых актов, устойчивость правового регулирования, дадут возможность систематически и планомерно воздействовать на правотворчество, не допуская и исправляя юридические ошибки, а также влиять на правоприменительную практику [15, с. 79]

Необходимо разграничивать юридическую технику и юридические технологии. Традиционно юридическую технику определяют как совокупность юридико-технических средств, а юридическую технологию – как порядок, способ их использования.

Юридическая технология фактически «происходит» из юридической техники, которая на современном этапе осуществления юридической деятельности приобретает характер целостного системного образования, выполняющего специфические функции в рамках юридической деятельности выступающего как система знаний об оптимальном взаимодействии юридических и юридико-технических средств. Она выражается в стратегии, тактике, правилах, приемах, способах, методах, используемых в процессе формирования, закрепления и реализации права его субъектами для удовлетворения индивидуальных и общественных потребностей и интересов, и поэтому не может отождествляться с юридической деятельностью.

Несомненно, юридическая техника и юридические технологии очень тесно взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга. Их можно рассматривать как составные части одного и того же юридического процесса – подготовки и принятия нормативных правовых актов.

Судить о качестве правотворческого решения можно на основе реализации нормативного правового акта. В последние годы законы стали хуже исполняться, что, в том числе, является и показателем технико-юридического качества правотворческого решения. Для самого процесса принятия законов и подзаконных актов учет требований юридической техники и юридической технологии имеет безусловное значение, поскольку придает то самое качественное совершенство указанным актам и в решающей степени предопределяет их регулятивную судьбу.

Список использованной литературы:

1. *Бачило И. Л.* О методологии и юридической технике законотворчества // Государство и право. 2006. № 6.
2. *Болдырев С. Н.* Юридическая техника и юридические технологии : соотношение и значение // Наука и образование : хозяйство и экономика, предпринимательство, право и управление. 2010. № 1. URL : http://journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=148:publ&catid=38 (дата обращения : 03.08.2013).
3. Законодательная техника. Научно-практическое пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 2000.
4. *Иванец Г. И.* Законодательные технологии : постановка проблемы // Право и политика. 2001. № 2.
5. *Исаева Л. А.* Юридические технологии в деятельности уголовно-исполнительной системы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008.
6. *Каменская Е. В.* Региональное правотворчество в Российской Федерации (вопросы теории) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.
7. *Колесник И. В.* Правоприменительная технология : методологический и прикладной аспекты. М., 2011.
8. *Морозова Л. А.* Теория государства и права : учебник. М., 2007.
9. *Нашиц А.* Правотворчество. Теория и законодательная техника. М., 1974.
10. *Пиголкин А. С.* Законотворчество в Российской Федерации (научно-практическое и учебное пособие) / под ред. А. С. Пиголкина. М., 2000.
11. Проблемы юридической техники : сборник статей / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000.
12. *Суданова С. В.* Технология предупреждения юридических конфликтов : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2004.
13. Элементарные начала общей теории права : учеб. пособие для вузов / под общей ред. д-ра юрид. наук, проф. В. И. Червонюка. Право и закон. М., 2003. URL : [http://slovari.yandex.ru/~книги/Элементарные%20начала%20общей%20теории%20права/Юридические%20технологии%20\(«правовая%20инженерия»\)/](http://slovari.yandex.ru/~книги/Элементарные%20начала%20общей%20теории%20права/Юридические%20технологии%20(«правовая%20инженерия»)/) (дата обращения : 03.08. 2013).

14. Юридическая техника : обзор материалов научно-методического семинара // Юрист. 2000. № 1.
15. Юридическая техника / под ред. Т. Я. Хабриевой, Н. А. Власенко. М., 2010.

Т. В. Синюкова

О ТЕХНОЛОГИИ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Правосознание людей, объединенных в социальные общности, – явление во многом объективное, которое складывается под влиянием различных взаимодействующих факторов – социально-экономических, политических, психологических, культурных, исторических. Однако это не означает, что на процесс формирования правового сознания людей нельзя воздействовать планомерно и целенаправленно.

Правовое сознание, как и любое другое (религиозное, нравственное), нуждается в систематическом развитии, формировании, стимулировании. Это осуществляется с помощью правового воспитания – системы мер, направленных на интеграцию в сознание людей политических и правовых идей, норм, правил, принципов, представляющих ценности мировой и национальной правовой культуры.

Правовое воспитание – это целенаправленная деятельность государства, общественных организаций, отдельных граждан по передаче юридического опыта, систематическое воздействие на сознание и поведение человека в целях формирования определенных позитивных представлений, взглядов, ценностной ориентации, установок, обеспечивающих соблюдение, исполнение и использование юридических норм. Правовое воспитание представляет собой сложную и многоаспектную систему деятельности. В первую очередь его следует рассматривать как вид государственной деятельности, как важнейшее средство формирования и изменения правового сознания и совершенствования правовой культуры.

Приобщение людей к знаниям о государстве и праве, законности, правах и свободах личности, выработка у граждан устойчивой ориентации на законопослушное поведение составляют содержание правового воспитания. Многие правовые ценности, имеющие основу и происхождение в моральных нормах, усваиваются личностью в процессе разнообразной социальной практики, через иные, не правовые формы и каналы формирования общественного сознания. Однако правовое воспитание предполагает создание специального инструментария для доведения до разума, до чувств каждого человека правовых ценностей, превращения их в личные убеждения и внутренний ориентир поведения.

Таким образом, формы, средства и методы правового воспитания выступают *организационным и методологическим механизмом*, с помощью которого субъекты правового воспитания воздействуют на общественное и индивидуальное сознание, помогая последнему воспринять правовые принципы и нормы.

В рамках этого механизма используются специальные юридические технологии правового воспитания как часть социальной технологии, которая

может быть использована по-разному в зависимости от стоящих целей. К определению понятия «юридическая технология» в литературе наметилось несколько подходов. Так, Н. А. Власенко отмечает, что под «юридической (правовой) технологией» следует подразумевать порядок применения и использования методов и приемов по подготовке и принятию юридического решения (акта), под которым в широком смысле понимается итог, результат юридической деятельности» [1, с. 7–8]. С позиции Т. Я. Хабриевой, юридические технологии – это система научно обоснованных приемов, способов и других правовых инструментов, а также процедур их использования, которые позволяют оптимально применять необходимые ресурсы (финансовые, организационные, кадровые и т. д.) в целях обеспечения действенности юридических решений [3, с. 13–29]. Более точно, на наш взгляд, к проблеме юридических технологий подходит В. Н. Карташов, который различает два значения юридической технологии. Во-первых, юридическую технологию он понимает как «основанный на определенных принципах, планах и прогнозах процесс подготовки, оформления и обнародования разнообразных правовых решений (актов), в ходе которого используются необходимые средства, приемы, способы и методы юридической деятельности», а во-вторых, как систему знаний о средствах, способах и методах наиболее эффективной и планомерной юридической практики [2, с. 19].

Если обратить внимание на этимологию термина «технология», то его первоначальный смысл – мастерство, искусство, умение, что в первую очередь отражает смысл любой юридической технологии и в полной мере относится к технологии воспитательного процесса. Воспитательные технологии – это совокупность действий, процедур, приемов, обеспечивающих достижение определенного результата, а именно высокого уровня правовой культуры граждан, формирование мотивов и привычек правового поведения. Для достижения этого результата в первую очередь необходимо формирование правовых знаний, правовой убежденности. С одной стороны, правовое воспитание транслирует нормы правовой культуры, закрепляет выработанные механизмы защиты прав и интересов личности, а с другой стороны – передает воспитанному необходимые установки и нормы деятельности.

Важнейшим звеном правового воспитания является юридическое образование. Оно занимает особое место в системе правового воспитания. Р. К. Русинов и Н. Н. Тарасов отмечают, что никакие новации в правовой системе, реформы юридических структур не дадут результатов в достижении поставленной цели, если не будет решена основная проблема – юридического образования. Для того чтобы превратить юридическое образование в мощный фактор правового воспитания, необходимы продуманная система организационных мер и эффективные воспитательные технологии [4, с. 75–92].

Правовое обучение и правовое воспитание – неотъемлемая часть духовного формирования личности, важнейшая задача, решение которой позволит реализовать идею построения правового государства в России. Полученные правовые знания должны превратиться в четкую установку строго следовать правовым предписаниям, в привычку и внутреннюю потребность соблюдать законы страны.

Правовое воспитание требует вариативного использования технологий обучения и воспитания. Параметры правового воспитания, технологии содержатся в многочисленных федеральных и региональных программах, которые преду-

смаатривают активное использование информационных технологий и коммуникационных систем. К основным технологиям формирования правовой культуры можно отнести информатизацию, правовое образование и воспитание в школе и вузе, проведение практико-ориентированных исследований, проектов правовой проблематики в социокультурном пространстве региона, повышение квалификации юридических кадров. Современная система воспитательных технологий характеризуется ориентацией на личностно-ориентированный подход, опорой на социальный опыт субъекта. Инновации в технологии правового воспитания могут быть разными – это инновации в содержании правовых дисциплин, в технологиях обучения, во всей воспитательной работе.

Каковы же основные элементы механизма правового воспитания, его технологии? Прежде всего, это формы, т. е. конкретные способы организации воспитательного процесса. В настоящее время применяются самые разнообразные формы правовой работы с населением – правовой всеобуч, пропаганда права через средства массовой информации, правовоспитательная работа в связи с теми или иными конституционными мероприятиями (референдумы, выборы и т. д.).

Правовой всеобуч включает в себя работу специальных правовых семинаров, курсов, школ, которые организуются государственными и общественными органами как на коммерческой, так и на бюджетной основе. К формам правовоспитательной работы через средства массовой информации относятся беседы на правовые темы, круглые столы специалистов в области права, дискуссии по актуальным вопросам политико-правовых отношений, тематические передачи «Человек и закон», комментарии нового законодательства специалистами и т. д.

К сожалению, в настоящее время значительно сократился удельный вес массовой правовоспитательной работы, в том числе по месту жительства граждан, многие программы юридического всеобуча практически свернуты. Такая работа ведется в основном лишь в связи с периодическими избирательными или иными конституционно необходимыми мероприятиями. Однако ещё советской практикой были выработаны и успешно использовались такие формы массовой правовой работы, как лекционная пропаганда, разнообразные лектории юридической тематики, недели, декады и месячники правовых знаний, научно-практические конференции, сборы и т. д. Эта наработанная практика с учетом современного правового нигилизма, об опасности которого неоднократно говорилось, требует переосмысления и разумного и эффективного использования в новой системе общественно-государственного партнерства в рамках гражданского общества.

Серьезным недостатком воспитательной работы в юридической области в современных условиях является недооценка организационных форм, рассчитанных на молодежную аудиторию – школьных правовых олимпиад, диспутов на темы права, морали, кружков молодых юристов, «друзей полиции» и т. д.

Новый этап развития отечественной государственности, изменение форм собственности и методов экономического регулирования требуют переоценки многих традиционных форм правового воспитания. Однако важно и сохранить оправдавший себя опыт работы в этой области, стимулировать его развитие на новом экономическом и политико-правовом фундаменте.

В условиях роста преступности и снижения социальной защищенности

граждан особенно важно разъяснение их прав, возможностей (немало взрослых) по судебному обжалованию незаконных и необоснованных действий, возмещению ущерба, пользованию теми или иными гражданскими, политическими, имущественными правами.

В этой сфере огромное значение приобретают живое слово, газетные и журнальные статьи, кинофильмы, театральные постановки, наглядные формы, направленные на воспитание чувства уважения к правам, свободам людей, разъяснение новых экономических возможностей граждан, новых юридических видов социализации человека в условиях рыночной экономики. Так, на базе Саратовской государственной юридической академии ежегодно проводится всероссийский конкурс документальных фильмов «Мир права», посвященный социально-юридической проблематике.

Вторым важным элементом механизма правового воспитания выступают разнообразные *методы правовоспитательной работы* – приемы, способы разъяснения политико-правовых идей и принципов в целях воздействия на сознание и поведение личности в интересах правопорядка. К методам правового воспитания относятся конкретные разнообразные приемы педагогического, эмоционального, логико-гносеологического воздействия на воспитуемых. Обучение этим приемам обычно осуществляют специально подготовленные методисты – референты юридических клиник при юридических вузах, в отдельных регионах – специалисты организаций Всероссийского общества «Знание».

Важным методом правового воспитания является правовое просвещение, которое сейчас в основном связывают с общеобразовательной школой (по преподаванию предмета «обществознание», специализированные лицейские классы юридического профиля) и специальными правовыми программами центральных и местных каналов телевидения и радио. Издается популярная юридическая литература, выпускаются различные справочники, включая электронные, базы данных по правовым вопросам. Правовое просвещение, т. е. процесс распространения правовых знаний, служит росту общей юридической культуры и образованности населения. Главная цель правового просвещения в качестве метода правовой пропаганды – воспитание уважения к праву и законности как ценностной установке широких слоев граждан России.

Список использованной литературы:

1. *Власенко Н. А.* Законодательная технология : теория, опыт, правила. Иркутск, 2001.
2. *Карташов В. Е.* Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) : сб. статей / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000.
3. *Кичигин Н. В., Егорова Н. Е., Иванюк О. А.* Третья Международная школа-практикум молодых ученых и специалистов по юриспруденции на тему : «Эффективность законодательства и современные юридические технологии» // Журнал российского права. 2011. № 5.
4. *Русинов Р. К., Тарасов Н. Н.* Юридическое образование : проблемы и перспективы // Правовое воспитание и юридическое образование в условиях демократизации советского общества. Свердловск, 1991.

РОЛЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ДОКАЗЫВАНИИ

Истина в уголовном судопроизводстве может быть установлена не одним каким-либо средством доказывания, а их совокупностью. Это обеспечивает объективность, полноту и всесторонность исследования, а в конечном итоге – достоверность устанавливаемых обстоятельств.

В отличие от других средств доказывания специальные знания представляют не отдельное действие по собиранию доказательств, а разные виды их применения. Эти направления использования специальных знаний обуславливают уникальный характер этого инструментария. Несмотря на это, отдельные виды специальных знаний не имеют какого-либо преимущества относительно других средств доказывания.

Эффективное и качественное расследование предполагает такой уровень установления исследуемых обстоятельств преступления, который обеспечивает их достоверность, т. е. соответствие тем, которые произошли в действительности. Одним из факторов, существенно влияющих на качество и результативность расследования, является использование специальных знаний в доказывании.

Исторически использование специалистов начиналось с привлечения знающих людей к оказанию помощи расследованию. Это относилось прежде всего к охотникам, следопытам, обладающим опытом и умением «читать» следы [1, с. 11–15].

Основоположник криминалистики Г. Гросс писал: «Без сомнения, важнейшим вспомогательным средством, имеющимся в распоряжении судебного следователя, являются лица сведущие, заключения которых часто оказывают решающее влияние на дело» [2, с. 180].

Л. Е. Владимиров еще в 1911 году высказал имеющую программное значение для уголовного судопроизводства мысль: «Нужно открыть пошире дверь для науки» [3, с. 16].

Эдвард Кноблех во введении к работе с выразительным названием «Медицинская криминалистика», подчеркивая роль специальных знаний в деятельности, связанной с борьбой с преступностью, отмечал: «При современном состоянии науки в борьбе с преступностью недостаточно успешного вмешательства одних следственных органов, профессиональных криминалистов, но необходимо их тесное сотрудничество с экспертами самых разных научных областей» [4, с. 5].

В то же время недопустимо преувеличивать роль специалиста в установлении истины по делу. Явно преувеличивал роль судебного медика Ю. С. Сапожников, который полагал: «Раскрытие наиболее сложных и запутанных преступлений (убийств, покушений на таковые, симуляции всевозможного рода и т. п.) зависит в первую очередь от знаний и опыта судебно-медицинского эксперта, от его способности разобраться в окружающей труп обстановке, во всевозможных следах, находимых на месте обнаружения трупа» [5, с. 7].

Что касается судебных медиков, то подобные заявления со стороны не юристов в определенной мере объяснимы. До издания УПК 1922 года вопросы организации и компетенции органов экспертизы, и в частности, судебно-медицинской, разрешались ведомственными инструкциями Наркомздрава и Наркомюста РСФСР. В этих инструкциях проводился господствовавший среди

ответственных медицинских работников взгляд на экспертизу как на «научный приговор». Поэтому ими были установлены совершенно неправильные взаимоотношения органов следствия и суда с одной стороны и медицинскими экспертами – с другой. Однако подобная трактовка встречается и у юристов. Так, М. А. Чельцов писал: «... в ряде случаев главная роль в осмотре принадлежит не следователю, а эксперту» [6, с. 168].

Нельзя не отметить, что действовавшее в то время уголовно-процессуальное законодательство не давало оснований для подобных выводов.

Один из видов реализации специальных знаний в уголовном судопроизводстве – судебная экспертиза. Она является рядовым средством доказывания, поэтому недопустимо выделять ее в качестве доказательства, обладающего особой доказательственной значимостью.

Иногда акцентируется внимание на исключительности экспертизы, именуемой особенным следственным действием, в отличие от применения специальных знаний в процессе обычных (рабочих) следственных действий [7, с. 134].

Между тем возможно говорить лишь об особенностях этого вида доказательств. М. С. Строгович писал об этом так: «Являясь научным доказательством ... экспертиза обладает благодаря этому специфическими чертами, отличающими ее от других доказательств. Экспертиза, как и всякое иное доказательство, подлежит свободной оценке судей по их внутреннему убеждению. Поэтому заключение экспертов для суда не является обязательным, суд с ним может не согласиться» [8, с. 220].

Судебная экспертиза как средство доказывания характеризуется рядом особенностей, отличающих ее от иных следственных действий.

1. Судебная экспертиза осуществляется сведущими лицами, компетентными в конкретной научной или иной области и не заинтересованными в деле. УПК РФ предусматривает гарантии, которые должны обеспечить объективность эксперта (гл. 9 УПК РФ).

2. Судебная экспертиза основывается на результатах произведенного специалистом исследования, что обеспечивает обоснованность выводов.

3. Исследование объектов экспертизы обеспечивается научными данными, позволяющими получать достоверные результаты.

4. Качество экспертных исследований обеспечивается соблюдением типовых методических рекомендаций по производству исследований и оформлению их результатов.

5. Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает механизм назначения и в определенной мере проведения судебной экспертизы.

6. На судебного эксперта, осуществляющего исследование, в меньшей мере, чем на представителей иной деятельности по доказыванию в уголовном судопроизводстве, возможно оказание противодействия.

7. Несмотря на то что судебная экспертиза является рядовым доказательством, ее психическое воздействие на участников судопроизводства, по сравнению с другими доказательствами, часто оказывается значительным. На наш взгляд, объяснение этому надо искать в научной основе исследования.

Роль судебной экспертизы в установлении обстоятельств преступления обусловила выдвижение рядом ученых предложений по расширению в УПК обстоятельств, по вводу которых обязательно проведение экспертизы.

Н. А. Селиванов отмечал, что в судебно-следственной практике обязатель-

ное назначение экспертизы осуществлялось и в следующих случаях: для определения состояния здоровья обвиняемых и потерпевших по делам о заражении венерическими болезнями; для установления факта недоброкачества выпущенной продукции; для установления причин падежа скота [9, с. 7–8].

Этот перечень может быть дополнен реально возникающей необходимостью проведения обязательных исследований. Это касается, например, отдельных случаев подделки денежных знаков и иных финансовых документов, фактов производства отстрела пуль и гильз из конкретного экземпляра оружия, причин обрушения сооружений, механизма дорожно-транспортного происшествия. Указанные случаи назначения экспертизы возникают ситуативно, поскольку в иногда в проведении таких экспертных исследований нет необходимости. С учетом конкретных обстоятельств интересующие следствие данные могут быть установлены иными процессуальными средствами – показаниями, в результате осмотра, следственного эксперимента и т. д.

Позднее Р. С. Белкин, касаясь вопроса о расширении перечня обязательных экспертиз, полагал целесообразным сформулировать норму, в которой были бы выражены общее требование, общие условия обязательного назначения экспертизы взамен детального перечня таких случаев, имея в виду, что практика вносит коррективы в любой такой перечень [10, с. 22].

Отказ от перечня обязательных экспертиз неизбежно приведет к двоякого рода серьезным негативным последствиям. С одной стороны, с учетом конкретных обстоятельств следователь и суд могут прийти к выводу о возможности установления соответствующего обстоятельства (сейчас содержащегося в перечне обязательных экспертиз) другими средствами. С другой стороны, о чем свидетельствует практика, экспертиза будет назначаться и в тех случаях, когда в этом объективно нет необходимости. К сожалению, стремление переложить на экспертов решение отдельных вопросов отражает тенденцию современной следственно-судебной практики.

Если предусмотреть более широкий перечень обязательных случаев назначения экспертизы, следует учитывать, что этот перечень должен включать такие обстоятельства преступления, которые могут быть установлены только экспертным путем. Надо учитывать, что во многих случаях назначение экспертизы носит ситуативный характер, т. е. в одних случаях представляется невозможным установление интересующих обстоятельств без экспертного исследования, а в других такая возможность имеется, но путем использования других средств доказывания.

Включение в перечень обязательных случаев назначения экспертизы, на наш взгляд, необходимо лишь тогда, когда соответствующая ситуация носит не единичный и даже не множественный, а всеобщий характер.

Экспертиза, не являющаяся обязательной, которая в конкретных обстоятельствах обязательно должна быть проведена, так как иным путем определенные факты невозможно установить, может быть названа ситуативно обязательной.

Исторически внедрение научных данных в отечественное судопроизводство характеризуется последовательным расширением возможностей для этого.

Особенно интенсифицировался этот процесс после принятия действующего УПК РФ, что было обусловлено объективными причинами – применением научно-технических достижений в криминальной практике, совершенствованием на этой основе способов совершения и сокрытия преступлений. Это, в свою очередь, обуславливает использование компетентными органами для раскрытия и

расследования преступлений научными методами и средств.

В УПК РФ пополнение различными нормами института специальных знаний осуществлялось в разное время.

После принятия УПК РФ к наиболее существенным относятся введение в правовой оборот фигуры специалиста (п. 3.1. ч. 2 ст. 74, ч. 3 и 4 ст. 80, п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК), расширение случаев его обязательного участия в расследовании, к которым относятся следующие.

После производства неотложных следственных действий в случае невозможности возврата изъятых в ходе производства следственных действий электронных носителей информации их законному владельцу содержащаяся в этих носителях информация может быть скопирована. Копирование осуществляется с участием специалиста.

При производстве обыска и выемки электронные носители информации изымаются с участием специалиста.

За исключением обязательных случаев применение в остальном специальных знаний зависит от усмотрения следователя. В этом плане какие-либо ограничения отсутствуют.

Поэтому представляются лишними основания предложения о расширении случаев применения специальных знаний. Так, Л. Г. Татьяна и К. Г. Бычкова полагают, что перечень оснований, предусмотренный ч. 1 ст. 58 УПК РФ, не дает возможности привлечь специалиста «при производстве любого следственного действия в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию» [11, с. 154].

Е. П. Гришина предлагает расширить случаи привлечения сведущих лиц для обеспечения, соблюдения и защиты прав, свобод и охраняемых законом интересов участников производства по уголовному делу [12].

Список использованной литературы:

1. *Зицер Е. У.* Введение // Криминалистика. Техника и тактика расследования преступлений. М., 1938.
2. *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей, чинов общей и жандарменной полиции и др. Вып. первый. Смоленск, 1895.
3. *Крылов И. Ф.* Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы. Л., 1975.
4. *Кноблех Э.* Медицинская криминалистика. 2-е изд. Прага, 1960.
5. *Сапожников Ю. С.* Криминалистика в судебной медицине. Киев, 1970.
6. *Чельцов М. А.* Советский уголовный процесс. 2-е изд., перераб. М., 1951.
7. *Годунова Т. В.* Новейшие технологии как область специальных знаний при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений // Вестник СГАП. 2007. № 1.
8. *Строгович М. С.* Уголовный процесс. М., 1946.
9. *Виноградов И. В., Кочаров Г. И., Селиванов Н. А.* Экспертизы на предварительном следствии. М., 1967.
10. *Белкин Р. С.* Экспертиза : вопросы, требующие решения // Российская юстиция. 1988. № 1.
11. *Татьянина Л. Г., Бычкова К. Г.* Участие специалиста по делам лиц, страдающих аномалиями психики // Вестник Удмуртского университета. 2002. № 2 (1).
12. *Гришина Е. П.* Реализация назначения и состязательных начал уголовного судопроизводства в доказательственной деятельности с участием лиц, обладающих специальными познаниями // СПС «КонсультантПлюс».

РОЛЬ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ ТОЛЕРАНТНОСТИ В РОССИИ

Толерантность является важным принципом развития гражданского общества. Она предполагает понимание человека, отличающегося цветом кожи, вкусами, привычками, религией, иным мнением, право человека жить в согласии с чужим мировоззрением. В настоящее время проблема формирования толерантности в российском многонациональном обществе стоит особо остро.

Этот вопрос сегодня волнует многие страны. Принципы толерантности закреплены в правовых актах и провозглашены в международных декларациях. 16 ноября 1995 года 185 государствами – членами ЮНЕСКО, включая и Россию, была принята Декларация принципов терпимости. В ней говорится, что в основе взаимоотношений должен лежать принцип терпимости, под которым понимается «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческих индивидуальностей» [1]. В этом документе подчеркивается большое значение средств массовой коммуникации. С момента принятия Декларации прошло много лет, но роль СМИ только усилилась, поскольку все более развивается информационное общество. Огромный поток информации приводит к постоянному нахождению в состоянии стресса, агрессии и нетерпимости. Поэтому любое появление необдуманной информации может привести к экстремистским проявлениям. Особенно это касается межнациональных отношений.

В. В. Гордиенко по этому поводу пишет: «В проблеме противодействия экстремизму концентрируется столкновение двух противоположных явлений:

- с одной стороны, патриотизма;
- с другой – политического авантюризма, агрессивного национализма и религиозной нетерпимости» [2].

На государственном уровне терпимость требует справедливого и беспристрастного законодательства, соблюдения правопорядка и судебнопроцессуальных и административных норм.

В ст. 29 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется свобода мысли и слова. Не допускается пропаганда или агитация, порождающая социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

К сожалению, можно констатировать, что современная деятельность СМИ подчас направлена на формирование такого общественного мнения, которое противоположно толерантности. Вместе с тем увеличивающийся поток миграции как из других городов страны, так и из зарубежья во всех городах России ставит задачу выработки принципов мультикультурализма. Он означает признание за этническими и культурными группами права на возможность вести просветительскую деятельность, иметь свои образовательные программы, строить школы. Это предполагает, что указанные группы могут даже открывать религиозные объекты. В современной Европе мультикультурализм предполагает включение в культурное поле страны элементов культуры иммигрантов.

Следует признать, что в стране существует проблема Я – Другой, основой

решения которой может быть только толерантность, к чему общество оказалось не готовым. Я – Другой – взаимобратимая формула, когда каждый выступает в обеих ролях, что не всегда понимается людьми.

Поэтому на средства массовой коммуникации как никогда возложена большая ответственность за последствия, возникающие в виде экстремистских настроений и действий после публикации соответствующих материалов.

Отсутствие у населения элементарных правовых знаний приводит к тому, что многие уверены в преимуществе «чужаков», «других», «пришлых» при приеме на работу, выделении социальных льгот и других благ, хотя, как правило, мигранты заняты в основном неквалифицированным трудом и мало защищены в правовом отношении. Но в Интернете, печатных масс-медиа мало материалов, разъясняющих необходимое законодательство.

Безусловно, большую роль стал играть Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ, существующий с 2007 года, в который включены материалы, признанные судом экстремистскими. Уже в первом полугодии 2013 года он насчитывал 2048 пунктов[3]. Вместе с тем мало кому известно о наличии этого списка и о том, что именно в перечисленных материалах противоречит закону и толерантности.

Положение о списках экстремистских публикаций вызвало ряд замечаний в июле 2012 года у Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) в связи с обсуждением Федерального Закона «О противодействии экстремистской деятельности» № 114-ФЗ от 25 июля 2002 года [4]. Этот закон определяет правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности. Он затрагивает деятельность СМИ и устанавливает ответственность за экстремизм. В нем речь идет о том, что по решению суда незаконный материал направляется в федеральный орган государственной регистрации для его включения в федеральный список экстремистских материалов, который публикуется в Интернете и СМИ. В связи с этим Венецианская комиссия признала, что с учетом широкого и довольно неточного определения «экстремистские документы» (ст. 1.3) она озабочена отсутствием в Законе каких-либо критериев или указаний по поводу того, каким образом документы могут быть отнесены к экстремистским, и считает, что это открывает дорогу злоупотреблениям.

Не являются, к сожалению, необычными преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 282 («Возбуждение ненависти, вражды и унижение человеческого достоинства»). Так, городской суд г. Мыски вынес обвинительный приговор местному жителю, который создал в социальной сети «ВКонтакте» свою страницу и размещал на ней экстремистские материалы на национальной почве. Он разместил аудиозаписи, в которых были призывы к враждебным действиям, и кроме того, на доме одного из жителей города сделал оскорбляющие национальное достоинство надписи.

В период кризисов особенно большое значение имеет воспитание правового сознания. Это подтверждает исторический опыт Соединенных Штатов Америки в период Великой депрессии, когда важную роль сыграла политика Ф. Рузвельта по повышению как общей, так и правовой культуры.

К. Манхейм верно заметил, что «совместное (групповое) рациональное знание происходит из совместных подсознательных (иррациональных) переживаний и отражает потребность индивида в систематизации информации, которую они получают из внешнего мира, для рационализации своего индивидуального пове-

дения и регулирования социально- политических процессов» [5]. При отсутствии такого знания информационная пустота заполняется агрессией и поиском «чужаков», что чревато всплесками экстремизма на любой основе и ведет к расколу общества. Как показывают исследования, около 40% текстов, публикуемых в федеральных и региональных СМИ, откровенно противоречат принципу терпимости [6].

Принято считать, что основная роль средств массовой информации заключается в реализации права граждан на доступ к объективной и достоверной информации. Вместе с тем этот подход не учитывает современных реалий, когда многое зависит от направленности информации. Например, 22 сентября 2013 года во всех новостях было озвучено, что двое выходцев с Кавказа насмерть забили битами двоих молодых мужчин. А вечером выяснилось, что это были граждане Молдовы, о чем было сообщено безо всяких комментариев.

Складывается парадоксальная ситуация, когда СМИ зачастую злоупотребляют закрепленной за ними свободой деятельности и эта деятельность не всегда совпадает с интересами общества.

В п.1 ст. 10 «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» речь идет о праве свободно выражать свое мнение без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Вместе с тем там говорится: «Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий» [7].

От средств массовой коммуникации требуется соблюдать интересы не только представителей миграционных потоков, но и коренного населения. В настоящее время явно прослеживается тенденция, когда освещение событий происходит односторонне, с точки зрения выходцев из других стран и регионов. Вместе с тем общество сможет существовать толерантно, когда будут учитываться интересы всех в равной мере. «Терпимость хороша, если она распространяется на всех – или если не распространяется ни на кого», – говорил английский писатель Герберт Уэллс [8].

Для формирования в государстве основ толерантности необходимо создавать нормативную базу, которая отвечает требованиям времени, исключает коллизии и нечеткость формулировок. Кроме того, перед средствами массовых коммуникаций стоит ответственная задача по исключению материалов, противоречащих консолидации общества, а также по воспитанию толерантных основ существования.

В ст.1.1. Декларации принципов терпимости говорится: «Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира».

Список использованной литературы:

1. Декларация принципов терпимости. Принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года. URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения : 05.09.2013).
2. Гордиенко В. В. Вопросы комплексной безопасности и противодействия терроризму. Актуальные проблемы противодействия экстремизму в России. URL : http://zhenilo.narod.ru/main/ips/2010_safety_and_terrorism_counteraction.pdf (дата обращения : 29.08.2013).

3. Федеральный список экстремистских материалов. URL : <http://minjust.ru/extremist-materials> (дата обращения : 29.08.2013).
4. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный Закон в редакции федеральных законов от 27.07.2006 г. № 148-ФЗ ; от 27.07.2006 г. № 153-ФЗ ; от 10.05.2007 г. № 71-ФЗ ; от 24.07.2007 г. № 211-ФЗ ; от 29.04.2008 г. № 54-ФЗ ; от 25.12.2012 г. № 255-ФЗ ; от 02.07.2013 г. № 185-ФЗ). URL : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078930&intelsearch=%EE+%EF%F0%EE%F2%E8%E2%EE%E4%E5%E9%F1%F2%E2%E8%E8+%FD%EA%F1%F2%F> (дата обращения : 10.08. 2013).
5. Мнение Венецианской комиссии по поводу федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», ст. 49. URL : <http://www.sovacenter.ru/misuse/publications/2012/07/d24899/> (дата обращения : 01.09.2013).
6. Дзялошинский И. М. Роль СМИ в формировании образа «Другого». URL : <http://mic.org.ru/index.php/mass-media/1-mm/26-dzyaloshinsky-1> (дата обращения : 29.08.2013).
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод, измененная и дополненная Протоколом № 11. URL : <http://www.coe.ru/main/echr/> (дата обращения : 20.09.2013).
8. Толерантность спасёт мир. URL : <http://www.voddb.ru/page/readers/clubs/tolerantnoct.html> (дата обращения : 20.08.2013).

С. А. Сурменев

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ С ОРГАНАМИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ : ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Становление демократического правового государства в Российской Федерации неразрывно связано с созданием экономических, политических, социальных гарантий народовластия как основы конституционного строя страны. Действующая Конституция РФ 1993 года провозгласила выборы и референдум высшим непосредственным выражением власти народа. Народ обладает первичной властью в государстве и посредством института свободных выборов передает власть уполномоченным органам и должностным лицам. Президент РФ в своем Послании Федеральному собранию РФ от 12 декабря 2012 года отметил: «Российская демократия – это власть именно российского народа с его собственными традициями народного самоуправления».

Избирательные комиссии в современном демократическом государстве выступают элементами государственного механизма организации и проведения выборов, обеспечивают защиту избирательных прав граждан и других участников избирательного процесса, должны способствовать повсеместному внедрению демократических стандартов и процедур в избирательный процесс, развитию электоральной правовой культуры граждан.

Проблема взаимодействия – одна из центральных в политической и правовой науке. Актуальна она и в системе деятельности избирательных комиссий. Будучи непосредственно вовлеченными в политические процессы референдума, выборов и отзыва депутатов (должностных лиц), избирательные органы (органы по проведению референдума, отзыва депутатов и должностных лиц) обязаны обеспечить легитимность власти, потенциально способствуют стабильности политической системы и эффективности государственного и муниципального управления. Однако без тесного взаимодействия с другими органами власти и институтами гражданского общества это не представляется возможным в полной

мере. В этой связи выявление и оптимизация форм такого взаимодействия представляются одной из основных целей современного избирательного процесса.

В соответствии с Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» органы государственной власти, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, а также их должностные лица оказывают комиссиям содействие в реализации их полномочий [1].

Избирательные комиссии, организующие выборы органов государственной власти и местного самоуправления, представляют собой стройную гибкую систему, приспособленную к выборам органов разного уровня. Как и всякая сложная система, это не просто сумма составляющих ее подразделений, а слаженный организм, части которого взаимодействуют друг с другом в формах, четко указанных в законодательстве.

ЦИК РФ, избирательные комиссии субъектов Федерации, территориальные избирательные комиссии являются государственными органами, избирательные комиссии муниципальных образований – муниципальными органами, а другие избирательные комиссии представляют собой общественные формирования, наделенные полномочиями по осуществлению государственных или местных (муниципальных) задач [2, с. 34].

Перечень органов государственной власти, с которыми взаимодействуют избирательные комиссии, в избирательном законодательстве не содержится. Под федеральными органами государственной власти понимаются Президент Российской Федерации, Государственная дума Федерального собрания РФ, иные федеральные органы государственной власти, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и избираемые непосредственно гражданами РФ в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами. Таким образом, под федеральными органами государственной власти в избирательном законодательстве понимаются не все они, а только выборные (а именно Президент РФ и Государственная дума Федерального собрания РФ). Под органами местного самоуправления в указанном законе понимаются те же органы, что и в Федеральном законе от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а именно органы, избираемые непосредственно населением муниципального образования и (или) образуемые представительным органом муниципального образования в соответствии с законодательством РФ [3, с. 30].

Более или менее полное представление о системе государственных органов, с которыми взаимодействует система избирательных комиссий в ходе подготовки и проведения выборов, можно получить из анализа нормативных правовых актов, принятых в период избирательной кампании.

Так, например, в настоящее время действует Соглашение о взаимодействии Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и Федеральной налоговой службы от 13.01.2011 года № 08/137-2011/ММВ-27-3/1, предметом которого является организация взаимодействия и взаимного обмена информацией между ЦИК России, иными избирательными комиссиями, комиссиями референдума и Федеральной налоговой службы России, территориальными органами ФНС России в целях оказания содействия избирательным комиссиям в реализации их полномочий при подготовке и проведении выборов в соответствии с законодательством Российской Федерации [4]. Кроме того, соглашением устанавли-

ваются формы и принципы взаимодействия указанных органов, такие как самостоятельность в реализации собственных задач и полномочий, независимость в принятии решений и осуществлении возложенных на стороны функций, взаимное доверие при строгом соблюдении требований по государственной и налоговой тайны, а также информации ограниченного доступа и др.

В период подготовки к выборам и в день голосования 14 октября 2012 года особое внимание избирательных комиссий субъектов Российской Федерации во взаимодействии с правоохранительными органами уделялось мерам по обеспечению безопасности и правопорядка на избирательных участках, в связи с чем были заключены соглашения избирательных комиссий субъектов Российской Федерации с правоохранительными органами, направленные, в частности, на определение прав и обязанностей сторон в области поддержания правопорядка в день голосования на избирательных участках, охраны избирательных участков и избирательной документации. Министерством внутренних дел Российской Федерации совместно с Центральной избирательной комиссией Российской Федерации были разработаны методические материалы [5].

С содержательной стороны взаимодействие избирательных комиссий с органами государственной власти и органами местного самоуправления, государственными предприятиями, учреждениями и организациями с государственным участием носит односторонний характер и по существу представляет собой информационное, материально-техническое и иное обеспечение избирательных комиссий необходимыми материальными и нематериальными благами в рамках содействия им в осуществлении полномочий, предусмотренных законодательством Российской Федерации, со стороны исполнительных органов, наделенных соответствующими ресурсами. И в этой связи понятие «взаимодействие избирательных комиссий с органами государственной власти и органами местного самоуправления» по объему совпадает с понятием «содействие органов государственной власти и органов местного самоуправления избирательным комиссиям» [6, с. 31]. Исходя из этого можно говорить об одностороннем и многостороннем взаимодействии избирательных комиссий, государственных и муниципальных органов и других участников избирательных правоотношений.

Примерами одностороннего взаимодействия являются формирование Центральной избирательной комиссии Президентом и палатами Федерального собрания, организация выборов Президента и депутатов Государственной думы Центральной избирательной комиссией Российской Федерации. Многостороннее взаимодействие на практике встречается гораздо чаще. Так, ЦИК РФ, не обладая правом законодательной инициативы, активно участвует в законотворческом процессе при поддержке Президента Российской Федерации.

Существует и иная классификация форм взаимодействия избирательных комиссий и органов государственной власти и органов местного самоуправления: взаимодействие при подготовке и проведении выборов, осуществляемое в рамках стадий избирательного процесса и взаимодействие при осуществлении иных видов деятельности. К первой группе относятся такие формы взаимодействия, которые можно считать процессуальными, или правовыми, поскольку действия, совершаемые органами государственной власти и органами местного самоуправления в ходе этих форм взаимодействия с избирательными комиссиями, имеют юридическое значение и являются обязательными (конститутивными) элементами избирательной кампании. Вторая группа – это формы взаимодействия, кото-

рые можно назвать непроцессуальными, или организационными, поскольку действия, совершаемые органами государственной власти и органами местного самоуправления в ходе этих форм взаимодействия с избирательными комиссиями, юридического значения не имеют и не являются обязательными элементами избирательной кампании.

Таким образом, в настоящее время основные направления взаимодействия избирательных комиссий и органов государственной власти и местного самоуправления, институтов гражданского общества сводятся к созданию необходимых условий для реализации гражданами всеобщего равного и прямого избирательного права, выявлению и пресечению противоправной деятельности на территории Российской Федерации (субъекта Российской Федерации) в период избирательных кампаний, обеспечению безопасности деятельности избирательных комиссий и их должностных лиц при исполнении ими должностных обязанностей, предоставлению информации по запросам сторон.

Список использованной литературы:

1. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ : Федеральный закон от 19 сентября 1997 года № 124-ФЗ (утратил силу) // СЗ РФ. 1997. № 38. Ст. 39.
2. *Гаджиев Г. А.* Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами // Государство и право. 2002. № 7.
3. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» / отв. ред. А. А. Вешняков. М., 2003.
4. Соглашение о взаимодействии Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и Федеральной налоговой службы от 13.01.2011 года № 08/137-2011/ММВ-27-3/1 // Сайт избирательной комиссии Омской области. URL : <http://www.omsk избирком.ru/way/977758.html> (дата обращения : 06.06.2013).
5. *Волков В. П.* Некоторые проблемы и пути решения для обеспечения законности избирательного процесса в Российской Федерации. Научно-методическое пособие. М., 2009. С.31.
6. *Воронова Т. Г.* Тезисы к докладу члена ЦИК России «Взаимодействие Центральной избирательной комиссии Российской Федерации с институтами гражданского общества» // Сайт Центральной избирательной комиссии РФ. URL : http://www.cikrf.ru/news/relevant/2012/07/19/tesis_voronova.html (дата обращения : 26.06.2013).

С. В. Тихонова

ЭЛЕКТРОННОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Тенденции развития государства в эпоху глобализации неоднократно становились объектом научного анализа. Эрозия национального суверенитета стала серьезной помехой на пути развития современных государств. Однако процессы глобализации обеспечили для государственного развития и новые возможности, аналогов которых не было в истории человечества. В конце прошлого столетия Ш. Вентурелли связывал воедино гуманистические принципы и приоритет информационных технологий в развитии современного общества: «...повсеместно связанное широкополосной мультимедийной сетью, информационное общество может стать богатейшим источником созидательной, диверсифицированной, обогащающей и демократизирующей коммуникации, когда-либо связывающей

человечество. Оно может превратиться в первое в истории человечества настоящее „средство массовой информации и коммуникации“, позволяя каждому человеку с помощью простых в использовании устройств распространять одновременно свои идеи многотысячной аудитории ... Оно может стать средством организации общественной жизни и активного участия в ней всех граждан» [8]. Сегодня современные информационно-коммуникационные технологии обеспечили появление нового типа государства – электронного. Электронное государство опирается на совершенно новые принципы взаимодействия государства и личности, а также элементов государственной системы. В настоящее время интернет-технологии активно применяются в государственном строительстве, и в некоторых странах весьма масштабно. Однако об окончательном переходе государства к электронной форме говорят как о деле будущего. Тем не менее концептуализация обозначенного процесса идет весьма активно. Первый рубеж на ее пути – формирование самого понятия «электронное государство», а также соответствующей категории в юридической науке.

Началось оно на методологической платформе идей менеджмента. А. В. Чугунов отмечает, что в западной управленческой мысли на волне движения 1970-х годов «за перестраивающееся государство» сложилось направление «Новый государственный менеджмент», в рамках которого были выдвинуты принципы «перестраивающегося» менеджмента [6]. К ним относятся следующие положения, сформулированные Д. Осборном и Т. Гэблером:

- государство не есть «неизбежное зло», оно есть способ коллективной деятельности и решения общественных проблем;
- эффективное государство не может опираться на централизованную стандартизированную бюрократию, эффективность определяется требованиями экономики информационного общества;
- главная проблема государственного управления не бюрократы, а сама бюрократия как система;
- традиционная демократия (т.е. демократия США. – С.Т.) не может решить наличные проблемы перераспределением средств, их можно решить через «переизобретение» правительства;
- должен быть соблюден фундаментальный принцип равенства возможностей всех граждан [7].

Конкретными решениями перевода государственной машины на рельсы нового менеджмента стали концепции «e-government» и «e-governance». Концепт «e-government» появляется в середине 1990-х годов в связи с особой интенсивностью применения информационных технологий в государственном управлении. Термин имел американское происхождение, был введен по инициативе Национального научного фонда США и семантически охватывал всю систему органов публичной власти, осуществляющих управление. Как отмечает Л. В. Сморгунов, в американском варианте этот термин мог бы охватывать не только исполнительную власть (администрацию), но и другие органы публичной власти, и тогда на русский язык адекватно переводился бы как «электронное государство». Тем не менее перевод его как «электронное правительство» имел свой смысл, т.к. в США это движение касалось прежде всего правительства, т.е. сосредоточивалось на исполнительной власти и ее функциях по публичному управлению [3]. Позднее концепция e-правительства была подвергнута критике, ее сменила модель «e-governance», подчеркивавшая, что формирование электронных технологий осу-

ществления правительственной деятельности изменяет сам характер управления.

Фактически оба концепта являются стратегиями сближения возможностей развивающихся ИКТ и теоретического ядра нового государственного менеджмента – идеи сервисного государства.

Не вдаваясь в особенности политологического дискурса, отметим, что в правовой науке устойчивый интерес к понятию «электронное государство» можно отметить с начала первого десятилетия нынешнего века. И. Ю. Богдановская на Четвертой конференции «Право и интернет: теория и практика» (17.12.2002) отметила, что «понятие „электронное государство“ наиболее соответствует английскому понятию *e-government*» [1], поскольку современные международно-правовые документы (включая решения Европейского суда по правам человека) используют термин *government* для обозначения государства в целом. Поэтому термин *e-government* должен употребляться не для обозначения правительства как центрального органа исполнительной власти, а для системного единства всех трех ветвей власти. Эту точку зрения поддерживают Н. Н. Федосеева и М. А. Чайковская, определившие электронное государство как форму организации деятельности органов государственной власти в виртуальном пространстве, обеспечивающую за счет широкого использования информационно-коммуникационных технологий оптимизацию государственного управления, усиление открытости государства и реализацию конституционных прав и свобод граждан. Одной из основных особенностей электронного государства является виртуализация (дублирование) объектов реальности, т. е. перенесение их аналогов в электронную форму (например, подача деклараций, исковых заявлений, уплата штрафов и т.п. в электронной форме) [5]. Авторы отмечают, что научные определения терминов «электронное государство» и «электронное правительство» с момента введения их в научный лексикон строятся специалистами по разным принципам и претерпевают определенную эволюцию по мере того, как электронное правительство внедряется в практику в отдельных странах. Одни дефиниции имеют описательный характер и направлены на выявление социальных последствий внедрения принципов электронного государства, другие содержат перечисление его отдельных инструментов. Третьи раскрывают специфику их технического воплощения в конкретных программных продуктах, а четвертые акцентируют максимальную эффективность управления государством. Каждый из перечисленных подходов отражает определенный аспект функционирования электронного государства.

Важно отметить, что электронное государство не сводится к осуществлению информационных аспектов государственной деятельности, включая работу законодательных, исполнительных, судебных органов на основе использования ИКТ-систем, хотя такая точка зрения существует: «В упрощенном виде „электронное государство“ можно свести к созданию определенной коммуникативной инфраструктуры, позволяющей государственным органам и гражданам взаимодействовать с использованием новых информационных технологий». Однако, как отмечает В.И. Савинков, сущность модели электронного государства заключается в двустороннем обмене данными между населением и государственными структурами, при котором граждане имеют право непосредственно влиять на работу различных ведомств. Электронное государство не только экономит время граждан, его структуры работают качественнее и эффективнее в новых условиях, к которым относятся гласность при принятии государственных решений, прозрачность

власти, доступность всех государственных услуг, а также то, что работа осуществляется круглосуточно с возможностью проведения онлайн-опросов, консультаций с населением по вопросам политики и действий органов власти [2, с. 68].

Структурно концепция электронного государства включает в себя все три ветви власти. Первоначально политологи исходили из модели диады, включая в состав электронного государства только электронную демократию и электронную администрацию [4]. Однако ученые-правоведы все чаще говорят о необходимости универсализации концепции, расширении ее на всю государственную систему. В этом исследовательском ракурсе мы получаем триаду «электронное законодательство» + «электронное правительство» + «электронное правосудие». Концептуализация структуры электронного государства и обоснование принципов формирования его ветвей сегодня являются новым рубежом в развитии его теории, преодоление которого сопряжено с систематизацией накопленных знаний и приданием модели электронного государства законченного вида.

Список использованной литературы:

1. Богдановская И. Ю. Концепция «электронного государства» (сравнительно-правовые аспекты) // Четвертая конференция «Право и интернет : теория и практика». М., 2009. URL : http://www.parkmedia.ru/conf.asp?ob_no=346 (дата обращения : 15.06.2013).
2. Савинков В. И. Формирование информационного общества – приоритет государственной политики Российской Федерации // Власть. 2011. № 4.
3. Сморгунов Л. В. От «электронного государства» к «электронному правлению» : смена парадигмы // Политическая наука. 2007. № 4.
4. Солодов В. В. Электронное правительство как инструмент трансформации государственного управления : автореф. дис. ... канд. политолог. наук. М., 2007.
5. Федосеева Н. Н., Чайковская М. А. Понятие и сущность концепции электронного государства // Российская юстиция. 2011. № 11.
6. Чугунов А. В. Электронное правительство : Эффективность политики внедрения информационно-коммуникационных технологий в государственное управление // Библиотека портала «Информационно-коммуникационные технологии в образовании». URL : <http://www.ict.edu.ru/ft/005716/68362e2-st18.pdf> (дата обращения : 15.06.2013).
7. Osborne D., Gaebler T. Reinventing Government. Addison-Wesley Publ. Co., 1992.
8. Venturelli S. Cultural Rights and World Trade Agreement in the Information Society // Gazette. 1998. Vol. 60. № 1.

Д. Г. Третьяков

«ПАРТИЙНОСТЬ» НАУЧНОГО И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ ПАРТИЙ

Первое десятилетие XXI века продемонстрировало устойчивость интереса отечественных политологов к проблематике функционирования российской политической системы. Одинаковым, например, если ориентироваться на чисто количественный показатель, было число выступлений по этой проблематике на V (2009) и VI (2012) Всероссийских конгрессах политологов. На V Конгрессе – 12 выступлений из 486, представленных русскоязычными специалистами, а на VI Конгрессе – 12 из, соответственно, 535 таких выступлений. Вместе с тем опубликованные материалы конгрессов демонстрируют определенный дискурсивный сдвиг в партологических исследованиях. Партологический дискурс отечественных спе-

циалистов стал менее критичным и аналитичным, в нем усилились описательность, сдержанность и общая идеологическая нейтральность научных оценок и прогнозов.

Этот сдвиг может быть объяснен достаточно просто. В первое десятилетие нового столетия критический и аналитический настрой политологов еще подогревала надежда, что появление на сцене российской политики такого мощного игрока, как «Единая Россия», будет объективно стимулировать протестную либо конформистскую активность других политических партий. Была надежда, что в качественных характеристиках всей российской политической системы произойдет принципиальный сдвиг и политика модернизации, таким образом, наполнится живым смыслом, что таким способом вся политическая жизнь нашей страны получит хоть какой-то внутренний, идущий из глубин самой системы гражданских институтов импульс к прогрессу.

В последнее время эти надежды исследователей стали, по-видимому, угасать. В тезисах, представленных участниками последнего, VI Конгресса доминирует констатация, что российские партии окончательно и бесповоротно из ключевого института гражданского общества превратились в органическую часть механизма государственного управления, произошло «огосударствление» партий. Соответственно, прогнозируется неизбежность зависимости между поворотами государственной политики, стратегическими инициативами и новациями, исходящими из «верхов» государственного аппарата управления и динамикой электоральной, идеологической и иной активности и функциональности политических партий. Наиболее пессимистично сегодня звучат прогнозы относительно электоральной функциональности политических партий в российских регионах, где бюрократическое начало традиционно доминирует в публичной политике. Исследовательское сообщество, как можно себе представить, смирилось с мыслью, что из всех прежде намечавшихся вариантов развития процесса партийного строительства и процесса электорального участия партий реализовался вариант не самый лучший с точки зрения либеральной теории, но вполне понятный и прогнозируемый с точки зрения традиционной отечественной политической практики. Можно сказать, что из двух возможных для себя позиций в исследовании вопроса о месте российских партий в политическом процессе – позиции общественного интереса и позиции интереса государственного – исследовательское сообщество выбрало позицию государственного интереса. В тех научных тезисах, которые мы подвергли анализу, в абсолютном большинстве случаев исследователи сообразуют свои прогнозы будущего российских политических партий и свои оценки тех правовых и организационных сдвигов в их электоральной функциональности, которые произошли за минувший год, не с особенностями идеологического выбора той или иной партии, не с грамотной организацией партией мобилизации электората и даже не с качеством партийного аппарата управления и партийных рядов. Электоральная функциональность конкретной партии и всех их вместе взятых прямо связывается исследователями с тем, насколько все поведение партии, динамика ее интересов и ресурсов согласуются с интересами нынешней реформы системы государственного управления в федеральном масштабе и особенно в регионах.

Выбор научного сообщества в пользу основного ракурса изучения партологической проблематики состоялся, и именно этот факт, как нам представляется, делает актуальным анализ его возможных рисков для самой политической науки

в России, по крайней мере в свете тех тенденций в методологии партнологических исследований, которые уже сегодня наметились. Общая тенденция, если сравнить подходы участников V и VI Конгрессов, выглядит так: методология не фигурирует в структуре авторского обоснования взгляда на проблему в качестве обязательного элемента. В редких исключениях авторы тезисов упоминают два-три имени классиков теории партийных систем, причем исключительно либеральных. Сама по себе позиция, с которой конкретный автор выносит свои научные оценки, является как настолько очевидная и общепонятная, что ей не требуется самостоятельное теоретическое обоснование.

Это субъективное настроение исследователей, вытекающее из общего характера ситуации, сложившейся в современной российской политике, но объективно потребность в методологической рефлексии исследователя партийной проблематики, напротив, имеет все предпосылки к росту. Самого общего взгляда на историю политических исследований в имперской России и в советский период российской истории будет достаточно для того, чтобы заметить тенденцию: чем активнее и искреннее научное сообщество в оценке политических процессов становилось на почву государственного интереса в общественно-политической и культурной жизни, тем актуальнее для внутренней жизни и самоорганизации самого научного сообщества становились вопросы «партийности» методологических позиций конкретного исследователя или научных коллективов. Особенно заметно эта проблема обозначалась и становилась предметом бурных научных дискуссий тогда, когда «партийность» (так было в советскую эпоху) буквально понималась как приверженность исследователя идеологии, стратегии и тактике определенной политической партии и его готовность активно критиковать иную идеологию, иную стратегию и тактику.

Однако уже в советское время исследователи феномена «партийности» исследовательских методологий убедительно доказали, что реально проблема гораздо шире. «Партийность» исследовательской позиции может иметь разные формы и проявления, может быть выражена более или менее ярко, но она всегда определенным образом связана с общей целостностью и последовательностью методологической позиции исследователя социально-политических процессов. Иначе говоря, применительно к ситуации, возникшей в современной политической науке, возникает проблема целостности либерального качества той методологической позиции, которую политологи заявляют сегодня в своих партнологических исследованиях посредством отсылок читателя к трудам классиков европейской и североамериканской политической теории или же посредством умолчания о собственной методологии. В этой классике доминирует «партийность», основанная на общественном интересе. Это совершенно иное основание для формирования исследовательских ракурсов и дискурсов, чем то, которое сегодня фактически оказалось востребовано в отечественной партнологии.

Заметим, что фигура умолчания в данном случае как раз, возможно, воспринимается многими исследователями именно как заявка на приверженность общему либеральному тренду, который сложился в отечественной политической науке в последние два с половиной десятилетия. В советскую эпоху специалистами по историографии и критике «буржуазных фальсификаций исторического опыта КПСС» активно разрабатывалась проблематика «партийности» исследовательского дискурса. Дискуссии о том, может ли быть взгляд исследователя на его научный предмет политизированным, идеологизированным, научно-

объективным и в какой мере, органично встраивались в контекст идеологической конфронтации времен холодной войны. Исчезновение такого контекста как бы дезактуализировало и саму проблематику политической ангажированности тех позиций, с которых исследователь подходит к изучению политической реальности, в том числе и в ее партийном измерении. Свою роль в такой дезактуализации, вероятно, сыграли и внутренние обстоятельства. Долгое время сознание советских исследователей, а вместе с ними и потребителей их научной продукции, воспринимало саму идею «политической партии» через призму исторического опыта КПСС, который повсеместно изучался и пропагандировался, через призму статуса «ядра политической системы», закрепленного за КПСС советской Конституцией, через призму тех действительно масштабных политических и экономических задач, решением которых КПСС непосредственно руководила. В 90-е годы прошлого столетия именно такое восприятие подверглось наиболее разрушительному воздействию со стороны либерально ориентированной отечественной и зарубежной науки и публицистики. Принципы, на которых строилось участие КПСС в политической жизни общества и государства, были признаны противоречивыми. Естественным, в соответствии с классической теорией либерализма, и органичным задачам либерального реформирования России был признан статус политической партии как лишь одного из многих институтов гражданского общества – института ключевого, наиболее ярко воплощающего в себе принципы политического плюрализма, идеологической конкурентности, демократической активности граждан, но тем не менее всего лишь одного из множества гражданских институтов, которые уже существуют и могут быть созданы в будущем.

В таких условиях выбор исследователем той или иной политической позиции для изучения организационно-политической, электоральной или идеологической деятельности современных российских партий стал выглядеть как нечто непринципиальное, не влияющее на научную объективность его оценок. В каком-то смысле «партийность» исследовательской позиции стала восприниматься самим сообществом российских ученых-политологов как сугубо индивидуальный выбор самого специалиста, как часть его приватной жизни, в которую научная критика вторгаться не должна и которую исследователь не обязан демонстрировать перед читателями своих трудов. Что, собственно, и делают многие современные исследователи проблематики российских политических партий, оставляя читателю своих трудов гадать, насколько либеральна, консервативна либо леворадикальна их гражданская и исследовательская позиция.

Безусловно, и об этом многократно писали еще советские исследователи феномена «партийности» научных дискурсов. Выбор политических оснований, с которых конкретный исследователь смотрит на мир политики, окружающий его, – это выбор личностный, но при этом имеющий общественное звучание и значение уже в силу того, что творчество этого исследователя адресовано массовому сознанию и имеет своей целью настроить это сознание на определенное восприятие политической действительности. Этого тезиса пока никто из современных отечественных политологов опровергнуть не попытался, в силу, вероятно, очевидности логики, на которой этот тезис построен. Просто явочным порядком на самого исследователя возлагается вся полнота ответственности за то, насколько он осознает содержание своего научного дискурса и способен понять всю меру собственной ответственности за то, как общественное сознание отреагирует на его дискурс. С

одной стороны, вроде бы выглядит положительным моментом то, что исследователь занимает изначально безоценочную позицию, остается строго в рамках научно проверенных фактов и дает читателю возможность самому сделать вывод из той мозаики фактов и частных суждений, которую он составил. В условиях, когда сознание общественных групп и даже политической элиты является дифференцированным в отношении политических идей, ценностей, признания значимости различного политического опыта (отечественного и зарубежного), такое невнимание исследователей к вопросам идеологической (и политической вообще) рефлексии объективно снижает и заинтересованность массового потребителя научной продукции. Это можно сравнить с отсутствием у нормального человека интереса к вопросу может быть и животрепещущему, но который задан не конкретно ему, не соотнесен с его внутренними устоями и мировоззрением, а задан так, вообще, безадресно, «в никуда». Аннигилируется та функция гражданского воспитания, политической актуализации идей и ценностей демократического развития, которая естественна для всех гуманитарных наук, включая и науку политическую.

Есть необходимость вписать научные оценки электоральной функциональности, например, политических партий в общий тренд «стабильности», «устойчивого развития», «сохранения высоких темпов». Исследователи и в отношении дискурса как бы встали на позицию самого российского государства и стали больше смотреть на обстоятельства партийной жизни его глазами, соотносить свои оценки с потребностями в первую очередь государства, социума, а не институтов гражданского общества, не с последовательной реализацией принципов демократии. Если использовать терминологию советской эпохи, их дискурс стал менее «партийным» в отношении интересов гражданского общества и более «партийным» в отношении интересов государственных институтов и государственного управления.

Н. В. Тюменева

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ПРАВА НА ЖИЗНЬ

В последнее десятилетие право на жизнь выступает в различных функциональных качествах – в частности, оно стало целью государственной политики России, формирующей основы социального государства [1, с. 2]. В этом качестве оно способно решить важнейшую социальную задачу Российского государства – «сбережения народа» [2, с. 22]. Такое значение права на жизнь пришло в российскую правовую систему с ратификацией ряда важнейших международных документов. В международных актах нормы о праве на достойную жизнь создают условия для социального прогресса, непрерывного улучшения условий жизни, «повышения уровня жизни, полной занятости населения» [3, с. 47]. Эти меры определяют международный стандарт того минимального социального благополучия, которого обязаны придерживаться государства.

Следует отметить, что законодательство Российской Федерации юридически не противоречит международному – Россия осуществляет социальную защиту малоимущих граждан, инвалидов, сирот и т. д. Однако в целом это непрото-

речие достигается, как правило, за счет невключения в российское законодательство норм, гарантирующих социальное обеспечение.

Между тем еще И. А. Покровский справедливо считал «нарушением сущности правоотношения отсутствие права каждого погибающего от голода на обязательную помощь государства ... Однако не право человека на достойное существование порождает эту правовую обязанность государства, а государственный интерес вынуждает общество оказывать благотворительную помощь в сфере социального обеспечения малоимущим, где важную роль играет не принцип права, а „принцип милости и милостыни“» [4, с. 21].

Конституция России формально закрепила, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ст. 7) и как «совокупного» человека – многонационального народа Российской Федерации, так и каждого индивида [5, с. 72]. Это положение должно сочетаться с общегосударственной политикой, представляющей собой научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных и муниципальных органов, общественных объединений по созданию эффективного механизма правового регулирования вопросов жизнедеятельности общества.

Однако действующее законодательство не позволяет определить необходимые меры деятельности государственных и иных органов для воплощения в реальность идей о социальном государстве. Вследствие этого государство дистанцируется от насущных проблем народа путем подмены субъективного «права на достойное существование» объективно-правовым понятием «социальное государство». «Обезличенная» таким образом норма не подразумевает какого-либо управомоченного и правообязанного адресата, поэтому нормы о социальных гарантиях права на жизнь остаются декларативными. Это заставляет многих ученых признавать, что международный стандарт социального обеспечения прав человека в России «пока не достигается» [6, с. 208].

Показательным в этом смысле является Федеральный закон от 11 июля 1999 года «О государственной социальной помощи», в котором размер социальной помощи никак не связан с уровнем прожиточного минимума [7]. Это предопределило дистанцирование федерального центра от решения социозащитных проблем и передачу вопросов жизнесохранения населения самим людям и муниципальным структурам по их месту жительства. Установление и предоставление социальной помощи гражданам отнесено к полномочиям органов государственной власти субъектов РФ, которым зачастую не хватает средств для качественной социальной поддержки нуждающихся.

Федеральный закон от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ, названный народом законом о «монетизации» льгот, окончательно ликвидировал систему нерыночных связей между человеком и государством [8]. Замененные деньгами льготы, размеры которых зависят от категорий льготников, еще более усилили процесс отчуждения личности от государства, вызвали недоверие и падение авторитета власти, маргинализацию общества. Дело в том, что закон содержит глубинные системные противоречия: в нем нет единой системы социальных критериев с точки зрения соотносимости бюджета регионов с численностью населения в них.

Сложившаяся до 2004 года система социальных льгот охватывала более чем 230 категорий граждан. После принятия этого закона круг получателей адресной

помощи – главного метода социозащиты – сузился до 2–6% жителей. Дело в том, что продолжающиеся процессы перестройки всех сфер жизнедеятельности общества, ее формы и методы объективно приводят к нарастанию противоречий между жизненно важными потребностями содействия жизни все возрастающего числа граждан и все более искусственно суживаемыми государством ресурсными возможностями по удовлетворению таких потребностей качества жизни.

Из вышеизложенного можно заключить, что в развитии права на жизнь выявляются две тенденции. Первая – очень слабая и состоит в попытках изменить существующую конституционно-правовую базу, направленную на обеспечение достойного уровня жизни всех слоев населения на основе принципов справедливости, законности и правопорядка. Другая нацелена на ликвидацию социально-экономических гарантий права на жизнь, сведения всех социальных проблем к вопросу биологического выживания большинства населения страны безо всякой ориентации на его прогрессивное развитие.

На практике сказанное ведет к дилемме: либо по-прежнему придерживаться устоявшихся доктрин об абсолютной ценности права на жизнь и гарантировать его предоставление всем и каждому в полном объеме, либо на первое место поставить интересы обеспечения безопасности большинства своих граждан и пойти на определенное сокращение гарантий права на жизнь [9, с. 29–30]. Неопределенность такого развития не способствует гарантированности «основного права», а свидетельствует лишь о его относительности. Таким образом, невключение в число закрепляемых законом норм права на достойную жизнь и его гарантирование можно оценить как социально-экономические ограничения права на жизнь.

Между тем принцип социального государства обязывает законодателя предусматривать систему гарантий и права на жизнь, и прав, вытекающих из его реализации. И здесь нелишним было бы обратить внимание в решении этого вопроса на практику стран Европейского Союза и США, объектом правового регулирования в которых являются как сама жизнь, так и достойные условия реализации права на жизнь.

Итак, в современной России необходимо формировать и проводить государственную политику на основе разработки и применения государственного стандарта качества жизни, определяемого как государственный минимальный социальный стандарт [10]. Этим средством государство должно регламентировать количественные и качественные характеристики важнейших потребностей человека на уровне доступности удовлетворения права на жизнь [11].

Список использованной литературы:

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации // Российская газета. 2012. 13 дек.
2. Солженицын А. Сбережение народа – высшая из всех наших государственных задач // Московские новости. 2006. 28 апр. – 4 мая.
3. Международные акты о правах человека : Сборник документов / сост. и авт. вступ. ст. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. М., 1998.
4. Покровский И. А. Право на существование // Свобода и культура. 1906. № 4.
5. Эбзеев Б. С., Краснорядцев С. Л., Левакин И. В., Радченко В. И. Государственное единство и целостность Российской Федерации (конституционно-правовые проблемы). М., 2005.
6. Матузов Н. И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов // Правоведение. 1998. № 4.
7. О государственной социальной помощи : Федеральный закон от 11 июля 1999 года

№178-ФЗ (с изм. от 02.07.2013 г.) // СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3699; 2013. N 27. Ст. 3477.

8. О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“ и „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“»: Федеральный закон от 22.08.04 г. № 122-ФЗ (с изм. от 23.07.2013 г.) // СЗ РФ. 2004. № 35. Ст. 3607; 2013. № 30 (ч. I). Ст. 4083.

9. *Мамонов В. В.* Конституционные основы национальной безопасности РФ: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2004.

10. Об организации подготовки государственных минимальных социальных стандартов для определения финансовых нормативов формирования бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов: Указ Президента РФ от 23.05.96 г. № 769 (в ред. от 2.02. 2013) // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2666 (предусмотрел подготовку проекта Федерального закона «О государственных минимальных социальных стандартах», который не принят до настоящего времени).

11. Проект соответствующего закона был принят Государственной думой РФ в первом чтении еще в 2003 году (см.: Проект ФЗ РФ № 209727-3 «О минимальных государственных социальных стандартах») // СПС «КонсультантПлюс».

В. А. Фадеева

БИЗНЕС-ОМБУДСМЕН - НОВЫЙ ОРГАН В КОНСТИТУЦИОННОМ МЕХАНИЗМЕ СОГЛАСОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

В Преамбуле Конституции РФ сказано, что она принимается в стремлении обеспечить благополучие и процветание России [1]. Не секрет, что это возможно только при наличии сильной конкурентоспособной экономики государства. На Всемирном экономическом форуме 2013 года в Давосе эксперты представили три варианта развития России в ближайшие годы, причем все они оказались негативной направленности. Но, как отметил в своей речи Председатель Правительства РФ Д. А. Медведев, все эти прогнозы не представляются реалистичными главным образом потому, что предполагают сценарии, при которых власть ничего не делает [2]. Наше государство, напротив, осознаёт всю серьёзность сложившейся ситуации в экономической сфере и продолжает поиск оптимальных путей развития.

В Послании Президента Федеральному собранию РФ на 2013 год отмечается, что «резервы сырьевой модели» экономики нашего государства исчерпаны, «тогда как интересы развития России требуют ежегодного роста не менее 5–6 процентов ВВП в ближайшее десятилетие». Глава государства подчёркивает, что в центре новой модели экономического роста должны стоять «экономическая свобода, частная собственность и конкуренция, современная рыночная экономика, а не государственный капитализм» [3]. В связи с этим поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства – одна из ключевых задач в цели поднятия экономики России. Для её решения необходим последовательно реализуемый комплекс мер. Особенно остро в этой связи стоит вопрос о взаимодействии государства в лице его органов и должностных лиц и предпринимателей. На сегодня в России субъекты предпринимательской деятельности зачастую не в силах самостоятельно разрешить проблемы, связанные с нарушением их прав и законных интересов, особенно в тех случаях, когда имеют место административные барьеры, бюрократическое давление, коррупционные проявления со стороны органов

государственной власти и их должностных лиц и т. п. Возникает ситуация, когда, с одной стороны, власть, под которой мы подразумеваем руководство страны, осознает всю важность развития предпринимательства для России сегодня, прислушивается к его мнению и для его поддержания осуществляет необходимые действия. А с другой стороны, государственные, муниципальные органы и должностные лица разного уровня чинят предпринимательству многочисленные препятствия на пути его развития, что негативно сказывается в первую очередь на малом и среднем предпринимательстве, на которое возлагаются большие надежды, связанные с идеей ухода российской экономики от сырьевой модели и с её укреплением и развитием в целом.

Стоит отметить, что с момента принятия в 1993 году Конституции РФ, провозгласившей признание и защиту частной собственности, гармоничные отношения между государством и предпринимательством, увы, не сложились. В 1990-х годах, получив в результате государственной приватизации большую и наиболее прибыльную часть, криминально-олигархические образования «сориентировали свою деятельность не на конструктивное предпринимательство в рамках рыночной экономики, но на использование приобретённого в результате обладания крупными экономическими активами социально-экономического влияния для искажения рыночных механизмов в целях получения всевозможных преференций для своего бизнеса и извлечения ренты» [4, с. 73]. После хаоса политических и экономических явлений последнего десятилетия XX века государство стремится навести порядок. Теперь оно осознаёт, что построение в России качественно нового федеративного демократического государства на основе рыночных механизмов регулирования невозможно без тенденции усиления вертикали власти, которая обуславливает становление совокупности отношений между государственными властными и предпринимательскими структурами [5, с. 10]. Новая политика подразумевала устранение олигархов «как класса» [6]. Для этого была необходима «ликвидация сращивания власти с капиталом и постановка всех экономических субъектов в равные условия при взаимодействии с государством» [4, с. 73]. В Послании Президента РФ Федеральному собранию 2003 года В. В. Путин неоднократно подчёркивает, что «успех страны в огромной степени зависит от успеха российского предпринимательства» [7]. Правительство и Президент РФ предпринимают системные попытки укрепления государства, усиления его роли в системе управления бизнесом и упорядочения его места в экономической и общественно-политической жизни страны [8, с. 2]. Но, как отмечают исследователи, «новая модель отношений не установила универсальных принципов взаимодействия и строгого разграничения политической и экономической власти» [4, с. 74]. И если в 1990-х годах бизнес имел рычаги влияния на власть, то сегодня государство может подчинять бизнес своим интересам [4, с. 75]. Особенно остро в нашей стране встал вопрос защиты прав и законных интересов предпринимателей от неправомερных действий государства при осуществлении взаимодействия в их деятельности. Так, на место обычного рейдерства, которое, по данным исследований, отходит на второй план, сегодня пришло так называемое чиновничье рейдерство, которое препятствует эффективному развитию предпринимательства [4, с. 75].

Становится очевидным, что на сегодняшнем этапе развития России для нее необходимо достижение сбалансированности взаимодействия государственных и муниципальных органов с одной стороны и предпринимательского сообществ – с

другой. При правильном подходе к решению этого вопроса наше государство сделает уверенный шаг на пути к укреплению отечественной экономики, к благополучию и процветанию России, а также, в конечном итоге, к изменению позиции в рейтинге стран мира по показателю экономической конкурентоспособности с 67-го места среди 144 государств на более лидирующие позиции [9]. Для этого в рамках существующих конституционных норм сегодня актуален поиск дополнительного механизма согласования интересов власти и предпринимательского сообщества.

Необходимо отметить, что с начала 2000-х годов государство пытается гармонизировать отношения с частным сектором экономики путем проведения политики государственно-частного партнерства. Параллельно с укреплением форм её развития произошла также эволюция гражданского общества, в рамках которого, в частности, активно функционируют общественные организации объединений предпринимателей, например такие, как «Деловая Россия», «Опора России». Посредством их деятельности предприниматели доводят свои согласованные интересы до государства, чтобы принятые впоследствии решения наиболее полно выражали общие цели всего бизнес-сообщества. Члены общественных организаций предпринимателей, что немаловажно, являются представителями в органах власти. Но на исходе еще одного десятилетия в развитии нашего государства стала очевидна недостаточность мер, принимаемых для укрепления отечественной экономики в рамках политики государственно-частного партнерства. И, что немаловажно, осознание данного факта и доведение его до органов власти произошло именно в рамках функционирования предпринимательского сообщества в лице его всероссийских общественных организаций. Одним из предложенных ими способов наведения порядка в сфере взаимодействия государственных, муниципальных органов и должностных лиц и предпринимателей стала идея создания института уполномоченных по защите прав предпринимателей в РФ.

Инициатива была поддержана Президентом РФ, издавшим впоследствии Указ от 22 июня 2012 г. № 879 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей», которым была учреждена должность Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей [10]. 7 мая 2013 года В. В. Путин подписал ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в РФ». В соответствии с ч. 1 ст. 1 данного нормативно-правового акта бизнес-омбудсмены существуют на федеральном и региональном уровне, а ч. 2 ст. 1 гласит: «Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей и его рабочий аппарат являются государственным органом с правом юридического лица, обеспечивающим гарантии государственной защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности и соблюдения указанных прав органами государственной власти, органами местного самоуправления и должностными лицами, имеющим расчетный и иные счета, печать и бланки со своим наименованием и с изображением Государственного герба Российской Федерации» [11].

Введение должности бизнес-омбудсмена и создание соответствующего государственного органа свидетельствует, во-первых, о том, что защита прав предпринимателей в рамках системы правоохранительных органов, закрепленных Конституцией РФ, осуществлялась сложно и во многом неэффективно и это в итоге стало поводом к введению в России должности Уполномоченного по защите прав предпринимателей, который по сути своей является органом дополнитель-

ной защиты прав предпринимателей. Во-вторых, необходимо указать, что признание неэффективности функционирования конституционного механизма защиты прав человека применительно к защите прав предпринимателей отнюдь не стало поводом для рассмотрения вопроса о принятии мер, необходимых для наведения порядка в работе системы правоохранительных органов, определенных Основным законом. Анализируя ситуацию, стоит отметить, что устранение всех существующих проблем защиты прав предпринимателей в рамках конституционных органов – задача сверхсложная, требующая немало времени, тогда как экономические цели нашего государства амбициозны и рассчитаны на интенсивное и по возможности быстрое и эффективное разрешение всех существующих проблем. С этой точки зрения создание института Уполномоченного по защите прав предпринимателей – это своевременный и необходимый шаг на пути развития нашего государства.

Правовое положение, основные задачи и компетенция Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей позволяют говорить о нем как об органе, обладающем конституционно-правовым статусом. Уполномоченный по защите прав предпринимателей – институт, который занимает промежуточное положение между государственными органами и частным сектором. Бизнес-омбудсмен является государственным органом, но само его создание было инициировано предпринимательским сообществом, а это означает, что создание данного института в наибольшей степени способствует достижению согласования интересов государства и частного сектора, т. е. его деятельность – это верный шаг на пути к дальнейшему позитивному развитию российской экономики, а следовательно, и повышению благосостояния российского общества. Другими словами, Уполномоченный по защите прав предпринимателей при осуществлении им своей деятельности является равным среди равных – государственным органом среди государственных органов. Это позволяет исключить возможность властного давления в осуществлении его специфичной деятельности.

Таким образом, создание института бизнес-омбудсменов, обладающих конституционно-правовым статусом, позволяет говорить о том, что в рамках существующих конституционных норм был найден новый дополнительный механизм согласования интересов власти и предпринимательского сообщества. На наш взгляд, при правильном подходе к осуществлению его деятельности возможно достижение необходимого баланса в отношениях государства и частного сектора, попытки обрести который до этого момента были столь тщетными.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учётом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ и от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // РГ. 2009. 21 янв.
2. Заседание Государственного совета РФ от 17 июля 2012 г. // Сайт Правительства РФ. URL : <http://правительство.рф/stens/22497/> (дата обращения : 12. 04.2013).
3. Послание Президента России В. В. Путина Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2012 г. // Сайт Президента РФ. URL : <http://президент.рф/transcripts/17118> (дата обращения : 05.06. 2013).
4. Павроз А. В. Взаимодействие бизнеса и государства в России : редистрибутивная модель // Вестник Пермского университета. 2009. № 4 (8).
5. Сафина З. З. Особенности управления развитием предпринимательства в системе экономических интересов // Социально-экономические и технические системы : Исследование, проектирование, оптимизация. 2006. № 13.
6. Путин В. В. Интервью радиостанции «Маяк». 18 марта 2000 г. // Сайт Президента РФ. URL : <http://www.kremlin.ru/text/appears/2000/03/125218.shtml> (дата обращения : 05.06.2013).

7. Послание Президента России В. В. Путина Федеральному Собранию РФ 16 мая 2003 г. // Сайт Президента РФ. URL : <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml> (дата обращения : 05.06.2013).
8. *Полетаев В. Э.* Государство и бизнес в современной России : перспективы сотрудничества // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 3.
9. The Global Competitiveness Report 2012–2013 // Сайт World Economic Forum. URL : http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2012-13.pdf (дата обращения : 05.06.2013).
10. Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей : Указ Президента РФ от 22.06.2012 № 879 // СЗ РФ. 2012. № 26. Ст. 3509.
11. Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в РФ : Федеральный закон от 7 мая 2013 года № 78-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2305.

Л. Хасан

РОССИЙСКО-ИРАКСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ 2003 ГОДА

Нападение Америки на Ирак, третья война в Персидском заливе, оккупация Ирака, операция по освобождению Ирака – все эти, казалось бы, разные формулировки на самом деле имеют единый смысл и относятся к одним и тем же событиям – военным действиям, которые начались в Ираке в 2003 году при непосредственном участии США и их союзников. Считается, что в основе формирования нового американского видения значения национальной безопасности (на наш взгляд, во многом в ущерб безопасности других стран) лежало сразу несколько факторов. Вполне возможно, что самым важным из них стали события 11 сентября 2001 года [6, с. 75–76]. Именно после них американцы пересмотрели отдельные философские моменты относительно безопасности и назвали это своей новой глобальной стратегией безопасности, на деле обернувшейся ничем иным как войной с террором.

Многие страны, в том числе и Россия, заявили тогда о помощи Америке в борьбе против терроризма. Во многом именно поэтому Соединенным Штатам постепенно удалось установить приоритет своей национальной безопасности над безопасностью мировой. Дело дошло даже до того, что Джордж Буш-младший заявил, что его страна не нуждается в одобрении других, когда речь заходит о безопасности и защите американского народа. При этом он добавил, что при необходимости будет незамедлительно действовать от имени международного сообщества ради защиты американского народа в случае угрозы его безопасности [9, с. 51].

Американское правительство попыталось связать Ирак с событиями 11 сентября через распространение информации о Мухаммаде Ато, который был среди угонщиков одного из самолетов, протаранивших здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Его уличили в том, что он встречался с иракским представителем в Чешской Республике в 2001 году, а также в том, что Ирак обеспечил 19 угонщиков самолетов поддельными загранпаспортами [1, с. 65]. В этом отношении мы склонны разделять мнение Ноама Хомского и Гилберта Бернхама, полагающих, что между событиями 11 сентября и нападением Соединенных Штатов на Ирак никакой связи, по сути, не было [11, с. 138].

Считается, что вопрос об оружии массового уничтожения для американ-

ских властей стал главным аргументом в их действиях против Ирака. В итоге они заявили о том, что в 2002 году Ирак возобновил свою деятельность в сфере вооружения, запасаясь тоннами горчичного газа и зарина [1, с. 65]. Основываясь на этом, США инициировали обсуждение ситуации в Ираке в Совете Безопасности ООН.

Говоря о стратегии Ирака по противостоянию военной агрессии извне, необходимо коротко охарактеризовать политическую систему этой страны того времени. Важнейшим властным органом тогда был Совет революционного командования – ведомство, выполнявшее много функций, и среди них избрание президента, издание законов и принятие решений, имеющих законную силу [4, с. 55].

В 1979 году, заняв должность председателя Совета революционного командования и пост главы правящей партии «Баас», президент Ирака, по сути, сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Он контролировал все органы власти и постулировал необходимость строительства социализма, о котором в ст. 12 временной иракской Конституции было написано следующее: «Государство планирует и руководит национальной экономикой в целях создания социалистической системы на основе науки и принципа революционности» [4, с. 27]. Возможно, именно это стало одним из важнейших факторов, прежде привлекавших к Ираку интерес Советского Союза.

Возвращаясь к современным реалиям, необходимо отметить, что в 2000 году Россия подвергла критике Специальный комитет Организации Объединенных Наций и призвала к ослаблению санкций против Ирака. Был выдвинут совместный с Францией и Китаем проект, текст которого был приведен в совместном российско-китайском документе со ссылкой на иракский документ, связанный с разоружением. Представитель России в ООН требовал изменения в обязательном порядке договоров, касающихся водоснабжения, обеспечения медикаментами, восстановления гражданского воздушного сообщения, а также помощи Ираку в оплате долгов [7].

Что же касается позиции Кремля относительно штрафных санкций, которые были выдвинуты Советом Безопасности 26 июня 2001 года в резолюции № 4336, то они Россией были отклонены. Российский представитель заявил: «Данное решение отдалит нас от важной задачи полноценного осуществления резолюции Совбеза по Ираку, что приведет к нарушению статус-кво. Настоящие санкции неприемлемы для иракского народа» [10].

Принципиальная позиция России по защите правительства Ирака в ООН, несомненно, позитивно повлияла на экономические отношения Москвы и Багдада. По этому поводу весьма красноречиво высказался заместитель главы Министерства иракской нефти Фаиз Шахин: «В скором времени интенсивность связей Ирака с Россией удвоится во всех сферах. Благодаря активной роли Москвы по недопущению штрафных санкций в отношении нашей страны российские компании получают приоритет для удовлетворения потребности Ирака в различных областях» [2].

Когда разногласия США с мировым сообществом и некоторыми их союзниками по НАТО достигли наибольшей остроты (февраль 2003 года), Россия, наряду с Францией, Бельгией и Германией, выступила против военной акции в Ираке. Вместе с тем она соглашалась, что необходимо разоружить иракский режим под наблюдением ООН. В этих целях признавалось целесообразным, опираясь на единогласно принятые резолюции Совета Безопасности ООН, возобновить

при конструктивном сотрудничестве с иракским правительством деятельность международных инспекторов, вернуть их в Ирак, осуществить комплекс других мер воздействия на иракское руководство. Что же касается силового пути решения проблемы, такая акция, по мнению российского руководства, не могла быть оправдана ничем – ни обвинениями в адрес иракского режима в поддержке террористических организаций, ни желанием сменить политический режим, ни ответом на главный вопрос, поставленный международным сообществом, есть или нет в Ираке оружие массового уничтожения [8, с. 47].

Конфликт в Совбезе между Америкой и ее союзниками с одной стороны и Россией, Францией и Германией с другой усилился 6 марта 2003 года. Британия предложила внести поправки в военную резолюцию – в частности то, что Саддам Хуссейн должен объявить о наличии оружия массового поражения, уничтожить имеющиеся ракеты дальнего действия, а также разрушить мобильные заводы, – иначе против Ирака будет объявлена война. Россия высказала готовность использовать свое право вето в отношении любой новой резолюции, но Буш открыто заявил: «У Соединенных Штатов Америки есть полное право использовать силу, чтобы защитить национальную безопасность, которой угрожает Ирак – с Саддамом или без него» [5, с. 47].

В этих условиях Россия негативно отреагировала на выдвинутую США идею «оси зла». Вместе с тем руководство страны не раз высказывало озабоченность по поводу существования в мире «дуги нестабильности» [3, с. 119]. Что же касается желания сменить в какой-то стране политический режим, то это, по мнению российского руководства, прямо противоречит международному праву и должно определяться только гражданами этого государства [8, с. 49].

Подводя итог, можно сказать следующее: несмотря на то что Россия не смогла предотвратить американскую агрессию в Ираке (США нарушили все имеющиеся международные законы, начав свое вторжение без ведома ООН), в целом можно резюмировать, что Москва до последнего пыталась предотвратить военную операцию на территории Ирака, а после того как был свергнут режим Саддама Хуссейна, подтвердила суверенитет и независимость Ирака, а также способствовала стабилизации ситуации в этой стране.

Список использованной литературы:

1. Аль-Асади А. Политические изменения в Ираке после 9 апреля 2003 года : дис. ... магистра полит. наук. Багдад.
2. Багдад сравнивается с Россией после корректировки штрафных санкций // Сайт islamonline.ru. URL : <http://www.islam-online.ru/65543> (дата обращения : 03.07.2013).
3. Бородулина Л. П. Международные экономические организации : учеб. пособие. М., 2005.
4. Бундук В. Энциклопедия конституций и арабских политических систем. Дар-аль-Фикр, 2004. Т. 3.
5. Вторжение в Ирак : оккупация и сопротивление. Бейрут, 2003.
6. Джалалаль-Дин Д. Ирак между освобождением и разрушением // Дар Аль-Хикам. Лондон, 2011.
7. Доклад Арабской комиссии по правам человека от 8 ноября 2008 г. // Сайт Организации Объединенных Наций. URL : <http://www.un.org/794561> (дата обращения : 29.06.2013).
8. Иванов И. Россия и ООН : надежные партнеры во имя общих целей // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 3.
9. Карый А. Война США против Ирака // Аль-Ахрам Интернэшнл. Египет.
10. Протокол заседания Совета Безопасности № 4336 от 26 июня 2001 года // Сайт Организации Объединенных Наций. URL : <http://www.un.org/856442> (дата обращения : 29.06.2013).
11. Хомский Н., Асхар Г. Последний султан, дар Ас-Саки. Бейрут, 2003.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С МОНОПОЛИЗМОМ, В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Совершенствование российского национального законодательства, с высокой степенью регулярности имеющее место в последнее время, периодически в той или иной степени затрагивает проблемы монополизма. Аспекты монополистической деятельности, получившие новые правила в законодательной регламентации, становятся достаточно оригинальными. Как одну из таких инноваций можно сейчас определить аспект, влияющий на формирование структуры дальнейшей конкуренции российских и иностранных банков. Вступивший в силу с 19 мая 2013 года Федеральный закон от 07 мая 2013 года №79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и пользоваться иностранными финансовыми инструментами» выделил весьма значительное число должностных лиц и рядовых граждан, которым теперь запрещается пользоваться указанными выше банковскими услугами. В частности, такие ограничения, оказывающие реальное влияние на конкуренцию в сфере банковской деятельности, согласно ст. 2 указанного закона касаются:

- лиц, занимающих (замещающих) государственные должности Российской Федерации;
- лиц, занимающих (замещающих) должности первого заместителя и заместителя Генерального прокурора Российской Федерации;
- лиц, занимающих (замещающих) должности Совета директоров Центрального Банка Российской Федерации;
- лиц, занимающих (замещающих) государственные должности субъектов Российской Федерации;
- лиц, занимающих (замещающих) должности федеральной государственной службы, назначение на которые и освобождение от которых осуществляется Президентом Российской Федерации, Правительством Российской Федерации или Генеральным прокурором Российской Федерации;
- лиц, занимающих (замещающих) должности заместителей руководителей федеральных органов исполнительной власти;
- лиц, занимающих (замещающих) должности в государственных корпорациях (компаниях), фондах и иных организациях, созданных Российской Федерацией на основании федеральных законов, назначение на которые и освобождение от которых осуществляется Президентом Российской Федерации или Правительством Российской Федерации;
- лиц, занимающих (замещающих) должности глав городских округов, глав муниципальных районов;
- супругов и несовершеннолетних детей указанных выше лиц.

Содержание данного перечня законодатель оставил открытым, сохранив за собой право впоследствии устанавливать и иных лиц, подпадающих под анализируемый в нем режим правового регулирования процесса пользования банковскими услугами.

Точно определить число лиц, попавших в сферу действия Федерального

Закона №79-ФЗ от 07 мая 2013 года, не представляется возможным. Однако даже примерное выделение их численности свидетельствует о том, что в масштабах Российской Федерации их не одна тысяча. Соответственно, уровень законно и обоснованно получаемых ими доходов, как правило, сейчас является весьма конкурентоспособным на современном российском внутреннем рынке трудовых ресурсов. Учитывая имеющиеся особенности функционирования и степень надежности предоставляемых отечественными банками услуг, некоторые из перечисленных выше лиц прежде пользовались и потенциалом иностранных банков. Несомненно, подобный закон, введенный в действие, окажет определенное влияние на процесс финансирования деятельности отдельных иностранных банков.

С другой стороны, Федеральный закон №79-ФЗ от 07 мая 2013 года в значительной степени скорректировал ограничения, вытекающие из трудовых и семейных отношений значительной категории граждан России. Отсутствие (по состоянию на сегодняшний день) обращений граждан (и компетентных должностных лиц) в Конституционный суд Российской Федерации по оспариванию конституционности Федерального закона №79-ФЗ от 07 мая 2013 года свидетельствует о согласии означенных лиц с его соответствием требованиям действующей российской Конституции ограничений, установленных в ФЗ №79 от 07 мая 2013 года.

Аналогичного законодательного регулирования вопросов, касающихся выбора конкретных банковских учреждений для хранения (инвестирования) денежных средств российских граждан указанной группы, в национальном законодательстве европейских государств обнаружить не удалось. В действующей сегодня редакции Закона Республики Беларусь №226-З от 22 июля 2003 года «О валютном регулировании и валютном контроле» (с изм. и доп. от 14 июня 2010 г.) также не содержится аналогичных ограничений. Не обнаружено таких ограничений и в национальном законодательстве США и Канады. Ограничения на вывоз денежных средств за пределы страны сегодня выявлены лишь в Китае, но и в этом случае они касаются не только группы должностных лиц и членов их семей. В Китае любой гражданин имеет право в течение года вывезти за пределы государства не более 50 тыс. долларов США [1, с. 1]. Соответственно, действующее на территории современного Китая законодательное ограничение количества вывозимой за пределы государства валюты не имеет избирательного характера и распространяется на всех граждан государства.

На наш взгляд, предполагаемой целью принятия Федерального закона №79-ФЗ от 07 мая 2013 года де-факто может являться профилактика повторения в дальнейшем случаев значительных инвестиций в экономику иностранных государств. Недавний случай из практики Австрии является примером подобного перемещения крупных денежных средств через границу Российской Федерации. В 2009 году дочь первого российского президента Бориса Николаевича Ельцина Татьяна Юмашева получила австрийское гражданство. С учетом «особого порядка» присвоения ей такого гражданства вплоть до середины 2013 года информация о выданном ей в 2009 году национальном паспорте Австрии хранилась в тайне. Подобный режим информационного вакуума предусматривается в Законе о гражданстве Австрии [2, с. 25]. Австрийское гражданство, следуя норме Закона о гражданстве (§ 28 (1)), может быть предоставлено в силу полученных от лица или ожидаемых значительных достижений в экономике Австрии, науке и других отраслях [3, с. 2]. Денежный эквивалент инвестиций в экономику Австрии оглашен не был. Вместе с тем характер и обстановка принятого компетентными органами Австрии решения о предоставлении австрийского гражданства свидетельствуют о надле-

жащей оценке итоговой суммы (показателя) такого вклада в национальную экономику государства.

В рекламируемых в Интернете услугах по содействию в получении австрийского национального гражданства зарубежным инвесторам речь идет о перечислении в экономику Австрии средств, величина которых начинается от 8 млн евро [4, с. 1].

Оригинальные результаты получены при сравнении современного законодательного регулирования вопросов ограничения (полного запрета) вывода денежных средств за пределы национальной территории соответствующими должностными лицами и некоторыми гражданами (перечисленными в тексте ФЗ №79 от 07 мая 2013 года) с действующими на территории США «Нормами этического поведения служащих органов исполнительной власти». В данных «Нормах» не содержится законодательных (или рекомендательных) запретов (предостережений) по поводу использования в повседневной практике потенциала иностранных (для США) банков и предлагаемых ими услуг. В то же время сегодня неизвестны случаи использования, например, служащими органов исполнительной власти США для хранения собственных средств потенциала банков, действующих на территории современной Российской Федерации. Также не стали достоянием широкой общественности и какие-либо случаи размещения в банках на территории Российской Федерации такими лицами незаконно полученных средств. Хотя для подобных транзакций не имеется какого-либо законодательного запрета (как с американской, так и с российской стороны), подобная практика пока не стала обычаем нормального хозяйственного оборота. И, соответственно, сегодня остается весьма вероятным предположение, что в ближайшем будущем такое движение денежных средств не станет обычным явлением в общественной жизни.

В «Нормах этического поведения служащих органов исполнительной власти», разработанных Управлением служебной этики в государственных органах США, говорится лишь о недопущении конфликта интересов, а также получении недозволенных подарков, вознаграждения [5, с. 8].

Сегодня вероятность принятия в США закона, способного столь кардинально скорректировать возможность конкуренции в сфере услуг банков, как это результативно было осуществлено в тексте ФЗ №79 от 07 мая 2013 года в Российской Федерации, нулевая.

Компетентным органам, функционирующим на территории США, сегодня не составляет значительного труда получить информацию о нахождении как в банке на территории США, так и в иностранном (для США) банке денежных средств, полученных незаконным путем. Также не является сложным для таких компетентных структур и принятие мер к осуществлению надлежащих установленных законодательством США легальных процедур по разрешению данной ситуации по существу. В построении такого результативного алгоритма работы с ситуациями размещения за пределами национальной территории денежных средств, полученных незаконным путем, у российских правоохранительных органов и специальных служб имеется еще весьма обширное поле для совершенствования своей дальнейшей деятельности.

Из официально опубликованной информации сегодня не известно ни об одном случае получения российским должностным лицом незаконного подарка в виде счета за рубежом. Как правило, механизм открытия счетов в банках, расположенных как в европейских государствах, так и в США и Канаде, предусматри-

вает тщательное удостоверение личности вкладчика. Аналогичное удостоверение личности клиента с фиксацией такой информации в соответствующих учетах практически всегда осуществляется и при предоставлении банками каких-либо иных услуг. Таким образом, можно сделать вывод, что открытие счета (или получение иных услуг) в банке иностранного государства иным лицом, действующим под именем российского должностного лица, можно считать невероятным, учитывая практику деятельности таких банков.

Еще сложнее наличие счета в иностранном банке у российского должностного лица считать относящимся к конфликту интересов. Далекое не все российские должностные лица в своей профессиональной деятельности способны каким-либо образом участвовать в обороте с иностранным участником.

В процессе ведения деятельности, противостоящей коррупции и иным проявлениям организованной преступности, российскому законодателю можно рекомендовать широкое использование позитивного иностранного опыта в аналогичных сферах. Активное и гласное использование многочисленных конкурентных преимуществ, в том числе и в банковской сфере, может обеспечить в этом отношении весьма наглядный эффект. Не всегда резкие запретительные меры позволяют в кратчайшие сроки прекратить все возможные нарушения законодательства, и транснациональное перемещение денежных средств не является исключением из данного правила. Для возвращения на российскую территорию находящихся в иностранных банках значительных денежных средств, как принадлежащих российским должностным лицам, так и являющихся собственностью иных российских граждан, можно рекомендовать совершенствование инвестиционной привлекательности государства, создание четких механизмов защиты инвестора, прозрачность и гласность деятельности всех контролирующих и надзорных органов. Вместо разработки мер борьбы с обходом установленных законом ограничений по вывозу (переводу) капиталов за пределы российской территории рекомендуется экономическими преференциями привлекать этих инвесторов в отечественную экономику. Разумные действия инвесторов смогут оказать позитивное влияние на формирование бюджета. Вместо привлечения кредитных ресурсов со стороны как банков, так и из иных источников российская экономика и на федеральном, и на региональном, и на местном уровне сможет достичь эффективного менеджмента.

Список использованной литературы:

1. *Козубова В.* Вывоз денег без ограничений // Сайт деловой газеты «Взгляд». URL : <http://vz.ru/economy/2012/10/16/602768.html> (дата обращения : 24.08.2013).
2. *Б. а.* Закон о гражданстве Австрии (пер. с нем. авт. – *С. Ш.*) (Bundesgesetz über die österreichische Staatsbürgerschaft (Staatsbürgerschaftsgesetz 1985 - StbG) StF: BGBl. Nr. 311/1985 (WV) // Сайт Bundesrecht konsolidiert: Gesamte Rechtsvorschrift für Staatsbürgerschaftsgesetz 1985, Fassung vom 24.08.2013. URL : <http://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10005579> (дата обращения : 24.08.2013).
3. *Курев Д.* Дочь Ельцина сменила паспорт // Сайт Euromag. Все о Европе. URL : <http://www.euromag.ru/austria/30490.html> (дата обращения : 24.08.2013).
4. *Б. а.* Второе гражданство Австрии // Иммиграция Emma Global. URL : http://www.honoraryconsul.ru/index.php?an=sec_cit_austr (дата обращения : 24.08.2013).
5. *Б. а.* Нормы этического поведения служащих органов исполнительной ветви власти // ИР Digital. Государственный департамент США. URL : <http://www.infousa.ru/government/standards.htm> (дата обращения : 24.08.2013).

КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Эффективность борьбы с экономической преступностью зависит от многих факторов, и не в последнюю очередь от своевременности обнаружения признаков преступления и возбуждения уголовного дела. В криминалистической литературе внимание уделяется преимущественно раскрытию и расследованию преступлений и в меньшей мере – вопросам выявления. Между тем высокий уровень латентности экономических преступлений свидетельствует о том, что и практика выявления преступлений нуждается в совершенствовании. От квалифицированного обнаружения признаков преступления и возбуждения уголовного дела зависит, в конечном счете, эффективность всего уголовного судопроизводства. В данной статье речь пойдет о проблемных ситуациях, возникающих при возбуждении уголовных дел, связанных с преступлениями в сфере экономики, совершаемыми под видом сделки.

Поводом к возбуждению уголовных дел по таким преступлениям, как правило, являются заявление потерпевших, в том числе и юридических лиц, сообщение контролирующих органов, непосредственное обнаружение органом дознания или следователем признаков преступления, сообщения средств массовой информации, арбитражных и других судов, арбитражных управляющих, а также иные сообщения.

Сомнений в законности указанных поводов, как правило, не возникает, ибо в большинстве своем они исходят от должностных лиц, заверяются их подписью, оттисками печатей и штампов и т. д. Однако и при наличии соответствующих реквизитов проверка законности повода не исключается – в противном случае это может повлечь за собой не только напрасную трату сил, средств и времени при выявлении признаков преступления (когда в действительности повод являлся незаконным), но и такие последствия, как нарушение прав и свобод граждан, юридических лиц и т. д.

К сожалению, эти последствия не всегда оказываются замеченными правоохранительными органами. А отсюда та легкость, с которой порой делается вывод о законности повода к возбуждению дела. В этой связи следует заметить, что повод к возбуждению уголовного дела имеет двойственную природу: с одной стороны, это источник, из которого компетентные органы получают информацию о преступлении, а с другой стороны – юридический факт, с которым закон связывает начало процессуальной деятельности органов дознания, следователя, прокурора по выявлению преступления. Такая публичная деятельность, как известно, не может не затрагивать прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, учреждений, предприятий. Поэтому процессуальная деятельность возможна лишь при определенных условиях, одним из которых является наличие законного повода к возбуждению уголовного дела.

От установления законности повода зависят также форма, методы проверки сообщения. Так, в случае если повод законен, проверка будет обличена в процессуальную форму, что предполагает использование достаточно широкого арсенала средств проверки. Сама же проверка в этом случае должна быть завершена в пре-

дельно сжатые сроки (ст. 144 УПК РФ). Если же повод незаконный, предположим заявление анонимное, возможна проверка только в непроцессуальной форме. В этом случае заявление может быть передано в орган дознания для его проверки методами оперативно-розыскной деятельности.

Говоря о проверке законности повода, нельзя не упомянуть о еще одной встречающейся в практике ошибке, по причине которой уголовное дело своевременно не возбуждается и, как следствие, часто не раскрывается. Речь идет о ситуациях, когда в приеме заявления или в возбуждении уголовного дела отказывается ввиду наличия гражданско-правовых отношений, вытекающих из договора как сделки. В таком случае заявителю рекомендуется обратиться в суд и взыскать с виновного причиненный ущерб в гражданско-правовом порядке.

Как показывает исследование, подобные решения часто принимаются без какой-либо попытки разобраться в сути произошедшего. Считается, что в таком случае якобы достаточно того, что причиной ущерба послужила сделка, заключенная самим же потерпевшим. Иначе говоря, наличие гражданско-правовых отношений рассматривается как обстоятельство, исключающее производство по делу и как основание для отказа в возбуждении уголовного дела. Между тем такого основания в законе нет. Перечень оснований для отказа в возбуждении уголовного дела, содержащийся в УПК и ряде норм уголовного закона [1, с. 97–101], является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию. Тем не менее указание на наличие гражданско-правовых отношений, встречается в сотнях «отказных» материалов и прекращенных уголовных дел. В этой связи обвинять следователей и оперативных работников в незнании закона было бы необоснованно. Очевидно, не последнюю роль в том, что сложилась такая практика, сыграли и научные рекомендации, в особенности разработанные в первые годы рыночных реформ в России. В задачу нашего исследования не входит анализ этих рекомендаций, однако подчеркнем, что на начальном этапе реформ активно распространялась правовая концепция, провозглашавшая примат частного права и частного интереса над публичным. В результате, как справедливо замечает С. В. Поленина, в стране наступила эра «по существу неограниченного господства частного начала и частного интереса» [2, с. 8]. В этих условиях действия органов дознания и следствия по разрешению криминальных экономических ситуаций, порождаемых договорами и иными сделками, стали рассматриваться как вмешательство в частные дела, объявлялись несоответствующими праву и публично осуждались.

Однако в литературе называются и другие причины сложившейся ситуации. Так, П. С. Яни по этому поводу пишет: «Мы столкнулись с вынужденным, если так можно выразиться, принижением роли уголовного законодательства, должное использование которого, по предположению практиков, могло бы привести к масштабным разрушениям в обществе и экономике, где криминальная активность является конститутивным элементом» [3, с. 3]. Иными словами, автор связывает рассматриваемую ситуацию с высоким уровнем преступности в сфере экономики, организованный и профессиональный характер которой требует определенной специфики борьбы с нею, включая использование компромиссов и уступок.

Б. Д. Завидов и О. Б. Гусев, анализируя сложившуюся ситуацию, выделяют семь порождающих ее причин, в числе которых слабое знание дознавателями и отдельными следователями основных положений гражданского и налогового за-

конодательства, так как диспозиции почти всех статей раздела VIII УК РФ базируются именно на знании гражданского и налогового права, на знании азов экономики; неточность отдельных определений, терминов, слов и понятий в диспозициях многих статей раздела VIII УК РФ, а порой и отсутствие их легального определения, что дает повод к их произвольному толкованию; отсутствие четкой судебной правоприменительной практики по экономическим преступлениям, что усложняет правоприменение, и др. Однако главной причиной, по их мнению, является «старый, укоренившийся стереотип в сознании дознавателя и (или) следователя о том, что при всяких сомнениях в пользу обвиняемого лучше отказать в возбуждении уголовного дела и „посоветовать“ предпринимателю обратиться в соответствующий суд, нежели доказывать вину „заблуждающегося“ контрагента, не вернувшего, скажем, деньги за товар партнеру, иначе говоря, доминирует принцип наименьшего сопротивления» [4, с. 46].

На это обстоятельство как основную причину отказа в приеме заявления или в возбуждении уголовного дела указывают и другие авторы [5, с. 5]. Таким образом, основная причина необоснованных отказов заключается не в незнании следователями (дознавателями) уголовного или уголовно-процессуального закона, а в их нежелании иметь дело с такого рода преступлениями. Расследование преступлений, совершаемых под видом сделки, – кропотливый, ответственный и тяжелый труд, который часто растягивается на долгие месяцы. Но и в этом случае успех не гарантирован, ибо только желания и упорства здесь мало, необходимы еще и знания в области криминалистической методики, владение соответствующей методикой расследования, знание технологии изобличения виновных. А этого как раз часто и недостает следователям (дознавателям). На наш взгляд, в этом и заключается основная причина необоснованных отказов в приеме заявлений или в возбуждении уголовного дела. Иначе говоря, дело не в наличии гражданско-правовых отношений, а в сложности выявления и расследования преступлений, совершаемых под видом сделки.

Указание же в решениях (постановлениях) на наличие гражданско-правовых отношений, на наш взгляд, есть попытка придать этим решениям вид законных и обоснованных и тем самым побудить заявителя отказаться от притязаний на расследование. Очевидно, что без такого хода убедить заявителя в том, что возникшая проблема должна решаться в гражданско-правовом порядке, было бы проблематично, ибо решение следователя представлялось бы необоснованным, каким по существу оно и является. По этому поводу Б. Д. Завидов и О. Б. Гусев справедливо замечают: «Ну что значит „наличествуют гражданско-правовые отношения“ между двумя юридическими лицами? Эти отношения существуют („наличествуют“) всегда, если только произведена сделка, хоть по договору, а равно и без него (фактическая передача товара)» [4, с. 46–47]. Говоря иначе, авторы утверждают, что наличие гражданско-правовых отношений не исключает признаков преступления. И это верно, поскольку сделка может являться не только формой регулирования имущественных отношений между субъектами экономической деятельности, но и средством совершения (сокрытия) преступления. Поэтому указание в решении на гражданско-правовые отношения равным счетом ничего не прибавляет в пользу обоснованности таких решений.

Таким образом, наличие гражданско-правовых отношений нельзя рассматривать как основание для отказа в приеме заявления или в возбуждении уголовного дела. В противном случае, следуя такой логике, все дела об экономических

преступлениях, совершаемых под видом сделки, можно будет списывать на гражданско-правовые отношения. Однако подобное отношение к делу не соотнобразуется ни с задачами УК РФ (охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности и т. д.), ни с основным назначением уголовного судопроизводства, сформулированного в ст. 6 УПК РФ (защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений).

Очевидно, что в этой связи должен быть усилен контроль соответствующей деятельностью правоохранительных органов со стороны органов прокуратуры. Основанием для этого может служить совместный приказ Генпрокуратуры РФ № 80 и МВД РФ № 725 от 12.09.2006 года «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за процессуальными решениями при рассмотрении сообщений о преступлениях». Он, в частности, обязывает органы прокуратуры взять под строгий контроль деятельность, связанную с рассмотрением и проверкой заявлений и сообщений о преступлениях.

Список использованной литературы:

1. Корнуков В. М., Лазарев В. А., Холоденко В. Д. Возбуждение уголовного дела в системе уголовно-процессуальной деятельности. Саратов, 2002.
2. Поленина С. В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. 1999. № 9.
3. Яни П. С. Проблемы уголовной ответственности за экономические преступления // Законность. 2001. № 1.
4. Завидов Б. Д., Гусев О. Б. К экстравагантному вопросу о перерастании гражданской ответственности в уголовную // Юрист. 2000. № 5.
5. Луценко О. А. Расследование хищений в сфере банковской деятельности. Ростов н/Д, 1998.

Л. Г. Юрина

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК СРЕДСТВО РАЗРЕШЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Состязательность уголовного судопроизводства предполагает участие в процессе двух равноправных сторон, чьи интересы диаметрально противоположны. Наличие у сторон противоположных целей, взглядов, стремлений порождает противоречия. Роль уголовно-процессуальных отношений трудно переоценить. Они являются ядром механизма внутреннего самодвижения, важным фактором, определяющим направленность и интенсивность уголовно-процессуальной деятельности, важным источником развития и совершенствования уголовно-процессуального законодательства [1, с. 36]. Конфликт интересов порождает противоречие между основными участниками уголовного судопроизводства – потерпевшим и обвиняемым. Показания данных участников, получаемые в ходе уголовного судопроизводства, могут содержать ложь и правду, быть соответствующими действительности и не соответствующими ей. Это превращает поток информации, которую должны проанализировать следователь и суд, в калейдоскоп из огромного количества вариантов, требующих взвешенного распознавания и отнесения к определенной категории. Эффективным средством устранения противоречий в показаниях участников уголовного судопроизводства может служить экспертиза.

Судебная экспертиза – это специфическая деятельность по исследованию различных объектов, основанная на использовании специальных знаний и направленная на объективизацию процесса доказывания, обеспечение защиты прав и законных интересов личности, расширение возможностей использования в доказывании все новых и новых достижений современной науки.

Потребность в научных знаниях при разрешении спорных вопросов и конфликтов, появившаяся еще в доисторическую эпоху, постоянно растет. Вновь возникшие направления для исследования становятся экспертными, постепенно превращаясь из новых в традиционные. Для разрешения конфликтов, возникших между сторонами в результате противодействия расследованию и объективному судебному разбирательству, используются биологические, дактилоскопические, почерковедческие и другие виды экспертизы, которые давно и успешно проводятся в экспертных учреждениях. Но с развитием технического прогресса с каждым годом появляются все новые виды экспертизы. В настоящее время в следственно-судебной практике применяется психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа, иначе именуемого детектором лжи. Эта экспертиза назначается при наличии противоречий в показаниях участников уголовного процесса и направлена непосредственно на их ликвидацию. Несмотря на то что еще в 2003 году данному виду экспертизы был придан официальный статус (она была включена в перечень экспертных специальностей, по которым право самостоятельного производства судебной экспертизы было предоставлено судебно-экспертным учреждениям Министерства юстиции РФ [2]), споры вокруг возможности использования результатов психофизиологических исследований не прекращаются до сих пор. Главным аргументом противников использования в доказывании результатов психофизиологических исследований является отсутствие единой методики толкования полиграмм, что, по их мнению, делает полученные результаты ненадежными, а установление их достоверности – невозможным. Однако в защиту сторонников жизнеспособности такого исследования надо отметить, что применяемые в настоящее время в судебной психофизиологической экспертизе с использованием полиграфа методики основаны на мировом опыте, адаптированном к отечественной практике исследований в этой области. Высокий уровень достоверности результатов психофизиологических исследований (при применении методики выявления скрываемой информации – непрямого метода в случае отсутствия у подэкспертного скрываемой информации на поставленный эксперту вопрос достоверность достигает 100 %). Американская ассоциация операторов полиграфа определяет достоверность испытаний на нем в пределах 87–96% [3]. Это говорит о том, что уровень достоверности результатов психофизиологической экспертизы сопоставим с уровнем результатов традиционных видов экспертизы. Кроме того, «при экспериментальной проверке на достоверность результатов применения полиграфа и результатов производства таких судебных экспертиз, как дактилоскопическая, портретная и почерковедческая, было установлено, что технология проверок на полиграфе обладает степенью точности, сопоставимой и даже превосходящей большинство представляемых в настоящее время видов доказательств, которые фигурируют в судах по уголовным и гражданским делам» [3]. Следующим аргументом в защиту использования результатов полиграфа в доказывании является то, что ни одно доказательство в уголовном процессе не имеет заранее установленной силы и не может восприниматься следователем и судом изолированно от других имеющихся в деле

доказательств. Противоречия между доказательствами так же устанавливаются и подлежат разрешению с помощью процессуальных средств. Неразрешимые противоречия, порождающие сомнения, толкуются в пользу обвиняемого.

Являясь способом разрешения противоречий, экспертиза сама может породить противоречия, которые порой бывает достаточно сложно преодолеть. Так, например, противоречие между задачей обеспечить неотвратимость ответственности лиц, совершивших преступления, и необходимостью соблюдать законные интересы лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, возникает тогда, когда не реализуются в должной степени положения ст. 198 УПК РФ, регламентирующей права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля при назначении и производстве судебной экспертизы. Так, п.1 ч.1 и ч.2 ст. 198 УПК РФ предусматривают право подозреваемого, обвиняемого, их защитника и потерпевшего знакомиться с постановлением о назначении экспертизы. Данное положение в некоторых случаях не может быть реализовано.

Федеральным законом РФ от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного Кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации» наконец-то был разрешен давний спор о возможности производства экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела [4]. В ст. 144 УПК РФ теперь не только предусматривается возможность назначения судебной экспертизы и получения заключения эксперта, но и обеспечивается осуществление прав участников процесса в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. В п. 1.2 ч.1 ст. 144 УПК РФ законодатель конкретно указывает на возможность стороны обвинения или потерпевшего после возбуждения уголовного дела заявить ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, которое подлежит удовлетворению. Положения данной нормы снимают многие противоречия, которые могут возникнуть при реализации положения, допускающего производство экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела, но, к сожалению, не все. Как быть, если исследуемое в ходе производства экспертизы вещество или объект были утрачены? В данном случае противоречие между задачей обеспечить неотвратимость ответственности лиц, совершивших преступления (цель уголовного процесса), и надобностью блюсти законные интересы лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, разрешается в пользу второго, а это обстоятельство свидетельствует о том, что цели уголовного судопроизводства не достигаются. Вероятно, есть смысл лишний раз напомнить о том, что «эффективным может быть только такое уголовное судопроизводство, которое в конкретных ситуациях в состоянии разумно разрешить объективно существующее противоречие между интересами достижения цели уголовного процесса и правами и свободами граждан, оказавшихся к нему прикосновенными» [5, с. 101].

Практически неразрешимым оказывается противоречие, порожденное п. 2 ч. 1 ст. 198 УПК РФ и дающее возможность участникам процесса заявлять отвод эксперту. Это положение может быть реализовано сторонами только в судебном процессе. В досудебном производстве во многих случаях даже следователь, назначая экспертизу, не знает, кому она будет поручена руководителем экспертного учреждения. Решение этого вопроса зависит не только от экспертной специализации, но и от нагрузки экспертов, которая должна быть равномерной. Данная проблемы выходит за рамки процессуальных, но она влияет на возможность реа-

лизовать свои права потерпевшему, обвиняемому и др. и поэтому должна быть разрешена уголовно-процессуальным законодательством.

К уголовно-процессуальным противоречиям можно относиться по-разному, но нельзя не согласиться с тем, что они выступают необходимой и постоянной составляющей реформирования и совершенствования уголовного судопроизводства. Возникнув на основе противоположности законных интересов сторон, стремящихся к равенству в рамках состязательности, противоречия способствуют развитию процессуальных отношений, оказывают существенное воздействие на процесс доказывания, помогая достичь достоверности, установить истину по уголовному делу.

Список использованной литературы:

1. *Белонос В. О.* Толкование норм права в системе теоретической и практической деятельности в сфере уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2009.
2. Государственные требования к минимуму содержания и уровню требований специалистам для получения дополнительной квалификации «Судебный эксперт по проведению психофизиологического исследования с использованием полиграфа», утвержденные Министерством образования Российской Федерации 05. 03. 2004 года, регистрационный № ГТППК 34/36. URL : <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/hw-pravila/k2a.htm> (дата обращения : 14.10. 2013)
3. *Семенцов В. А.* Применение полиграфа при производстве отдельных следственных действий // Российский полиграф. 2009. № 6. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения : 13.10. 2013).
4. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного Кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации : Федеральный закон РФ от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.
5. *Томин В. Т., Поляков М. П., Попов А. П.* Очерки теории эффективного уголовного процесса. Пятигорск, 2000.

Сведения об авторах

Барашков Григорий Михайлович, канд. полит. наук, доцент кафедры политических наук юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Басова Алла Викторовна, ассистент СГМУ им. В. И. Разумовского

Бердникова Елена Валерьевна, канд. полит. наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Богатова Екатерина Владимировна, преподаватель кафедры правосудия и прокурорского надзора СГЮА

Борисова Мария Константиновна, аспирант кафедры политических наук юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Вестов Федор Александрович, доцент, канд. юрид. наук, зав. кафедрой уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Вилков Александр Алексеевич, профессор, д-р полит. наук, зав. кафедрой политических наук юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Волкова Марина Алексеевна, аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Володина Светлана Вячеславовна, аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Воронкова Марина Леонидовна, канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Поволжского института управления им. П. А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ

Габдуалиев Мереке Тлекович, канд. юрид. наук, ведущий научный сотрудник отдела конституционного, административного законодательства и государственного управления Института законодательства Республики Казахстан Министерства юстиции Республики Казахстан

Глухова Елена Олеговна, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Говорун Сергей Олегович, аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Деманова Светлана Владимировна, канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Дорофеева Оксана Олеговна, студентка 412 гр. специальности «юриспруденция» юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Иванников Иван Андреевич, профессор, д-р юрид. наук, д-р полит. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета

Ключников Антон Михайлович, аспирант кафедры административного и таможенного права юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Колесников Евгений Викторович, профессор, д-р юрид. наук, профессор кафедры конституционного и международного права СГЮА

Колесников Константин Юрьевич, соискатель кафедры политических наук юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Комбарова Елена Валерьевна, канд. юрид. наук, доцент кафедры конститу-

ционного и международного права СГЮА

Короткова Маргарита Валерьевна, юрисконсульт СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Крамаров Антон Олегович, аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Крючкова Елена Анатольевна, доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Куликов Андрей Михайлович, специальный корреспондент редакции «Российская газета», председатель комиссии по информационным спорам при Саратовском отделении Союза журналистов России

Куфтов Николай Сергеевич, соискатель кафедры политических наук юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Лазарева Ольга Владимировна, доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры теории государства и права СГЮА

Либерко Олег Викторович, соискатель кафедры политических наук юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Лисовцева Вера Михайловна, старший преподаватель кафедры правовой психологии и судебной экспертизы СГЮА

Лобанов Иван Васильевич, канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (г. Москва)

Луценко Оксана Анатольевна, ассистент кафедры теории государства и права юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Малько Елена Александровна, канд. юрид. наук, ассистент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Мельникова Татьяна Сергеевна, доцент, канд. полит. наук, доцент кафедры документоведения и документационного обеспечения управления СГЭСУ

Московская Полина Георгиевна, канд. юрид. наук, доцент кафедры таможенного, административного и финансового права юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Никулина Оксана Михайловна, доцент, канд. пед. наук, декан факультета социальной работы Балашовского института (филиал) СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Овчинников Сергей Александрович, почетный работник высшего профессионального образования РФ, доктор исторических наук, профессор философии и политологии, академик РАЕН, проректор и директор НОЦ «Инфо-эпр» СГЭСУ

Орлов Михаил Олегович, профессор, д-р философ. наук, декан философского факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Пасечник Андрей Владимирович, соискатель кафедры политических наук юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Петрова Любовь Георгиевна, канд. психол. наук, доцент кафедры правовой психологии и судебной экспертизы СГЮА, главный специалист-психолог отдела кадров прокуратуры Саратовской области

Потапенко Евгений Георгиевич, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Савд Абдалджалиль Ибрахим Савд, магистрант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Сальникова Олеся Михайловна, ассистент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Сергеев Владислав Александрович, государственный таможенный инспектор отдела таможенных процедур и таможенного контроля службы организации таможенного контроля

Сергеева Елена Викторовна, доцент, канд. полит. наук, доцент кафедры политических наук юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Синюков Сергей Владимирович, консультант 6-го судебного состава Высшего арбитражного суда РФ

Синюкова Татьяна Витальевна, доцент, канд. юрид. наук, зав. кафедрой теории государства и права юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Степанов Владимир Васильевич, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор, канд. юрид. наук, профессор кафедры организации расследования СГЮА

Стрыгина Светлана Владимировна, доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры теории государства и права юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Сурменев Сергей Александрович, депутат, заместитель председателя постоянной комиссии по градостроительству, жилищно-коммунальному хозяйству, архитектуре и земельным ресурсам Саратовской городской думы

Тихонова Софья Владимировна, профессор, д-р филос. наук, профессор кафедры социальных коммуникаций юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Третьяков Дмитрий Геннадиевич, соискатель кафедры политических наук юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Тюменева Наталья Владимировна, канд. юрид. наук, доцент кафедры теории государства и права юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Фадеева Вероника Алексеевна, аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Фаст Ольга Федоровна, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского и семейного права СГЮА

Хассан Лума, Васитский университет, г. Эль-Кут, Ирак

Шошин Сергей Владимирович, доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Юрин Владимир Михайлович, доцент, канд. юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебных экспертиз юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Юрина Лариса Григорьевна, доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебных экспертиз юридического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Содержание

<i>Предисловие</i>	3
<i>Барашков Г. М.</i> ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОЦЕССЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	4
<i>Басова А. В.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ	8
<i>Бердникова Е. В.</i> РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЫ РФ В СОГЛАСОВАНИИ ИНТЕРЕСОВ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА	11
<i>Богатова Е. В.</i> ОСОБЕННОСТИ НАДЗОРА ЗА ПРОИЗВОДСТВОМ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ	15
<i>Борисова М. К.</i> КОНФЛИКТ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ В ХОДЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ЦИКЛА	18
<i>Васильева Л. Е.</i> К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СССР В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН (1920–1940-е годы)	22
<i>Вестов Ф. А., Фаст О. Ф.</i> МОРАЛЬ И ПРАВО В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ	27
<i>Вилков А. А.</i> КОНФЛИКТ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И КАЧЕСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ	34
<i>Волкова М. А.</i> ПРАВО ИЗБИРАТЬ И БЫТЬ ИЗБРАННЫМ В ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ГАРАНТИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА УЧАСТИЕ В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА	38
<i>Володина С. В.</i> МЕЖПАРТИЙНЫЙ ДИАЛОГ : ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ КОНФЛИКТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ	42
<i>Воронкова М. Л.</i> СПЕЦИФИКА РАЗРЕШЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И РЕЛИГИОЗНЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ В РОССИИ	44
<i>Габдуалиев М. Т.</i> ПРАВО НА СВОБОДУ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В СВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ : КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ	47
<i>Глухова Е. О.</i> ПРОФИЛАКТИКА НЕЗАКОННЫХ АБОРТОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ	55
<i>Говорун С. О.</i> РАВЕНСТВО НЕЗАВИСИМО ОТ ИМУЩЕСТВЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ : СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОНФЛИКТА МЕЖДУ БОГАТСТВОМ И БЕДНОСТЬЮ В РОССИИ	59
<i>Голуб О. Ю.</i> УПРАВЛЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИМИ КОММУНИКАЦИЯМИ : РЕПУТАЦИОННЫЕ РИСКИ, КРИЗИСНОЕ РЕАГИРОВАНИЕ, НОВЫЕ МЕДИА... ..	62
<i>Деманова С. В., Савд С. А. И.</i> КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ИРАКЕ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА	65
<i>Дорофеева О. О.</i> КОМПЕНСАЦИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ, КАК НОВЕЛЛА ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	68
<i>Иванников И. А.</i> РОЛЬ ПРАВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ОПТИМИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ	70

<i>Ключников А. М.</i> ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ И ПРЕКРАЩЕНИИ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ НАРКОКОНТРОЛЯ	76
<i>Колесников Е. В.</i> СВОБОДА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ : НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОЙ ТЕОРИИ	80
<i>Колесников К. Ю.</i> ОСНОВНЫЕ ТРАКТОВКИ ПАТРИОТИЗМА В ПРОГРАММАХ ВЕДУЩИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	86
<i>Комбарова Е. В.</i> КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОГЛАСОВАННОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	91
<i>Короткова М. В.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ГРАЖДАНИНА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЫ : КОНСТИТУЦИОННЫЙ АСПЕКТ	96
<i>Крамаров А. О.</i> ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ.....	99
<i>Крючкова Е. А.</i> ПОРУЧЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РФ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОГЛАСОВАННОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ	104
<i>Куликов А. М.</i> ОПЫТ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ, СВЯЗАННЫХ СО СМИ, В РАБОТЕ КОМИССИИ ПО ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ САРАТОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ	107
<i>Куфтов Н. С.</i> КОРРУПЦИОННЫЕ СКАНДАЛЫ КАК ФАКТОР ИМИДЖА АРМИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	111
<i>Лазарева О. В.</i> ОТ КОНФЛИКТА К БАЛАНСУ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА	114
<i>Ливерко О. В.</i> КОНФЛИКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ САМОИДЕНТИФИКАЦИЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ПЕРИОД ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ И МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ	117
<i>Лобанов И. В.</i> ПРОБЕЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ВОПРОСОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ	120
<i>Луценко О. А.</i> НЕГАТИВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ : ИХ ВИДЫ И СУЩНОСТЬ	123
<i>Малько Е. А.</i> ТРАНСЛЯЦИЯ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ КАК ГАРАНТИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ГРАЖДАН НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ	128
<i>Мельникова Т. С.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ : МАНИПУЛЯЦИЯ И МИФОЛОГИЗАЦИЯ В ПОЛИТИКЕ	130
<i>Московская П. Г.</i> КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ	134
<i>Никулина О. М.</i> ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ	137
<i>Овчинников С. А.</i> ОБЛАЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО РИСКА ИНФОРМАТИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ	139
<i>Орлов М. О.</i> РЕЛИГИОЗНЫЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ПРИОРИТЕТЫ ВЛИЯНИЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ В СЕКУЛЯРНОМ МИРЕ	143
<i>Пасечник А. В.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ О СТРАТЕГИИ И ТАКТИКЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ АРМИИ В 1930-е ГОДЫ	146

<i>Петрова Л. Г., Лисовцева В. М.</i> ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ	151
<i>Потапенко Е. Г.</i> ВНУТРИСИСТЕМНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ПРАВА КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОГЛАСОВАННОСТИ ПРАВОВЫХ НОРМ	153
<i>Сальникова О. М.</i> ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ КАК МЕРА ЗАЩИТЫ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	156
<i>Сергеев В. А.</i> ПРАКТИКА РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ С УЧАСТИЕМ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ	159
<i>Сергеева Е. В.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО РИСКА	163
<i>Синюков С. В.</i> ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА И ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВА	168
<i>Синюкова Т. В.</i> О ТЕХНОЛОГИИ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	172
<i>Степанов В. В.</i> РОЛЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ДОКАЗЫВАНИИ.....	176
<i>Стрыгина С. В.</i> РОЛЬ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ ТОЛЕРАНТНОСТИ В РОССИИ.....	179
<i>Сурменев С. А.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ С ОРГАНАМИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ : ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	183
<i>Тихонова С. В.</i> ЭЛЕКТРОННОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ	186
<i>Третьяков Д. Г.</i> «ПАРТИЙНОСТЬ» НАУЧНОГО И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ ПАРТИЙ	189
<i>Тюменева Н. В.</i> КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ПРАВА НА ЖИЗНЬ	193
<i>Фадеева В. А.</i> БИЗНЕС-ОМБУДСМЕН – НОВЫЙ ОРГАН В КОНСТИТУЦИОННОМ МЕХАНИЗМЕ СОГЛАСОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА	196
<i>Хасан Л.</i> РОССИЙСКО-ИРАКСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ 2003 ГОДА	200
<i>Шошин С. В.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С МОНОПОЛИЗМОМ, В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	203
<i>Юрин В. М.</i> КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ	207
<i>Юрина Л. Г.</i> СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК СРЕДСТВО РАЗРЕШЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	210
<i>Сведения об авторах</i>	214

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РАЗРЕШЕНИЯ
КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ
МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ, ОБЩЕСТВЕННЫМИ
ОРГАНИЗАЦИЯМИ И СМИ**

**Материалы VI Международной научно-практической
конференции аспирантов, преподавателей, практических
работников**

(1–2 июля 2013 г.)

Выпуск 6

Подписано в печать 20.11.2013 г. Формат 60х 84 1/16.
Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Объем 13,75 ус.печ.л. Тираж 100 экз. Заказ 226

Типография ЦВП «Саратовский источник»
г. Саратов, ул. Кутякова 138 «Б», 4 эт.
т. 52-05-93
Издательство «Саратовский источник»